

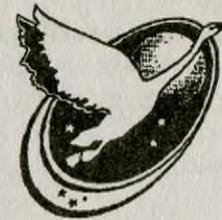
ОШО

Это. Это. Тысячу раз это.

ОШО

Это. Это. Тысячу раз это

Исан:
В синем небе нет следов

Москва 2002

ББК 84,5 Ид
096

ОШО

096 Это. Это. Тыщу раз это. Исан: В синем небе нет следов
Москва, "Нирвана", 2002, 304 с.
ISBN 5-94726-011-5

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш — просветленный Мастер нашего времени. "Ошо" означает "подобный океану", "Благословенный".

Первый цикл бесед открывает новую большую серию бесед по книгам мастеров дзен. "Дзен так очевиден, что если вы просто не заводите свой ум, всего на мгновение, — он в ваших руках. Он ни сложен, ни прост. Он просто есть, это самое ваше существо." И во время первой беседы Ошо впервые дает саньясинам свою новую медитацию - "Мистическую розу", которая в дальнейшем завершает каждую беседу о мастерах дзен.

Вторая книга - это беседы по притчам дзенского мастера Исана. Исан "был настолько великим мастером, насколько это возможно, но не оставил после себя ни значительных писаний, ни пространных комментариев. Исан сделал в точности то, что говорил Будда о подлинном мастере — он исчез в синем небе, как птица, не оставив следов."

Редактор: Свами Вит Праяс
Перевод: Ма Бодхи Шола
Компьютерная верста: Свами Антар Алок

© OSHO INTERNATIONAL FOUNDATION 1988
© МОСКОВСКИЙ МЕДИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ОШО "НИРВАНА"
русский перевод 2002

Формат 60X90/16 Бумага типографская.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 19. Уч.-изд л. 19,0
Тираж 3000 экз. Заказ № 0202410.
Лицензия № ИД № 01174 от 20.02.2000 г
Издательство © "Нирвана", 125422, Москва, до востребования

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ОАО «Ярославский
полиграфкомбинат». 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ЯПК

04030300 - 062

7П6(03) - 99 без объявления

ББК 84,5 Ид

ISBN 5-94726-011-5

ЭТО. ЭТО. ТЫСЯЧУ РАЗ ЭТО.

Самая суть дзен

Беседы, прочитанные в Аудитории Гаутамы Будды, Пуна,
Индия, с 27 мая по 10 июня 1988 года

Посвящается бамбуку и его внутренней пустоте

Секито Каменноголовый в своем новом воплощении как первый немецкий
мастер дзен Нискрия

Конец каждой беседы в этой серии следует определенному распорядку, который может озадачить читателя, если он не побывал здесь сам.

Во-первых, это время Сардара Гурудаяла Сингха. Сардарджи – давний ученик, чей сердечный и заразительный хохот разносится во время рассказывания шуток. Это время названо в его честь.

За шутками следует медитация, состоящая из четырех частей. В начале каждой стадии медитации Ошо подает сигнал барабанщику Ниведано. Удар его барабана представлен в тексте следующим образом:

Первая стадия медитации – это джибериш, который Ошо описывает как “очищение вашего ума от всевозможной грязи... говорение на любом языке, которого вы не знаете... выбрасывание всего вашего безумия”. На несколько мгновений зал совершенно сходит с ума: тысячи людей орут, вопят, бормочут чепуху и размахивают руками.

Джибериш представлен в тексте следующим образом:

Вторая стадия – это период молчаливого сидения, фокусировки сознания на центре, точке свидетельства.

Третья стадия – это “разрешение” (let go: отпускание): все безуспешно опускается на землю, давая границам, которые сохраняют их разделенными, раствориться.

Финальный удар барабана возвращает собравшихся в сидячее положение. Они получают указания, как все больше и больше превращать медитацию в часть повседневной жизни.

Каждую стадию медитации сопровождают слова Мастера, и в книге воспроизводится полный текст каждой вечерней медитации.

I
ДЗЕН – САМА ВАША СУТЬ

27 мая 1988 года

Маниша,

Прежде чем начать новую серию бесед по дзен – она называется “Это. Это. Тысячу раз это”, – я хочу посвятить сегодняшний день подготовке к этим дзенским историям... абсурдным и, вместе с тем, мудрым, лишенным всякой рациональности, и все же настолько истинным, насколько это позволяет язык.

По милости президента Рональда Рейгана я ношу темные очки вечером. Его яд вызвал многие последствия. Одно из них – то, что мои глаза очень сильно ослабли; они не выносят даже дневного света. Но и через свои очки я прекрасно вижу вас.

В этой связи – анекдот из жизни:

Я получил приглашение от одного из самых крупных мировых комитетов по содействию выборам президента Америки. Они хотят, чтобы я выставил свою кандидатуру и готовы помогать мне. Несмотря на то, что мне на десять лет запретили – незаконно, в противоречии с конституцией – въезжать в Америку, я, несомненно, могу участвовать в президентских выборах. Закон не может мне это запретить. Я могу оставаться вне Америки.

Я сказал им, чтобы они действовали.

Неважно, выиграю я или проиграю. Важно, что это выявит, сколько в Америке живет разумных людей, сколько людей имеет чувство юмора, сколько людей ощущает человечество как единое целое.

Если я случайно выиграю и стану президентом, это будет величайшим смехом в истории. И это будет началом нового дня. Я действительно надеюсь, что есть люди, независимые от партии, религии или предубеждений, которые поддержат меня просто ради того, чтобы хорошенько посмеяться.

Эти очки сослужат хорошую службу, они будут хорошо выглядеть на американском телевидении. По крайней мере, мое лицо будет более презентабельным, чем у Рональда Рейгана.

Моя борьба против незаконности и преступления, совершенного против меня, моей коммуны и людей, продолжается. Вы будете удивлены: они откладывали решение Верховного суда Орегона до тех пор, пока не выслали меня из Америки...

Я находился там пять лет без всякой визы. Они не могли приказать мне уехать из Америки; они знали, что я буду бороться через суд. И все американцы – иностранцы: настоящих американцев убивали, вырезали, загоняли в леса, в маленькие резервации. Даже их имя изменили: их называют “краснокожими индейцами”.

Даже Рональд Рейган не американец, так же, как не был им Авраам Линкольн. Так что это не проблема: если другие иностранцы могут избираться в президенты Америки, меня тоже могут избрать.

Когда они депортировали меня... после этого Верховный суд Орегона объявил, что моя коммуна выиграла дело, а противоположная сторона – “Тысяча друзей Орегона” – проиграла. Они апеллировали в Верховный суд Америки, и Верховный суд также вынес решение в мою пользу.

Уничтожение коммуны и изгнание меня и моих людей было абсолютно антидемократичным, антиконституционным. Это подтверждает старинную поговорку, что отложить суд – все равно что отменить суд. Какой смысл в том, чтобы выиграть дело в суде, высочайшем суде Америки, если они все разрушили? – уничтожили коммуны, в которой пять тысяч саньясинов работали пять лет – по десять, двенадцать часов в день, – чтобы превратить пустыню в прекрасный город.

Это был великий эксперимент братства, любви, мира – никаких преступлений, никаких судов, никаких законов. Пять тысяч людей создали все дороги, превратили пустыню в оазис. Это был не маленький участок – там было сто двадцать шесть квадратных миль. Это была почти страна.

Чего боялись американские политики? Они боялись нашей креативности, нашего смеха; они боялись нашей радости. Впервые в мировой истории пять тысяч людей жили одной семьей. Никто ни у кого не спрашивал о его стране, религии, касте или расе. Двадцать тысяч людей со всего мира ежегодно приезжали посмотреть на это чудо. Американские политики были обеспокоены таким успехом коммуны.

Под руководством психоаналитиков проводилось множество исследований эксцентричных людей. Их результаты очень показательны. Во-первых, эксцентричные люди более разумны, более креативны, более радостны, чем обычные средние массы; так называемые нормальные люди не так креативны. Во-вторых, эксцентричный человек поднимается выше в любой профессии – благодаря своей креативности, чувствительности, разумности.

Исследователи обнаружили, что политика – единственная профессия, где не было ни одного эксцентричного человека, за исключением Авраама Линкольна. Это странное открытие. Политик очень хитер, он не умен. Ум он заменяет хитростью. Он не мудр, поскольку быть мудрым в этом мире означает быть осужденным массами, а политик не может себе этого позволить.

Но все великие люди – поэты, художники, скульпторы, ученые, мистики, – все были эксцентриками. Исследования показали, что эксцентричные люди не интересуются мнением масс; это более интегрированные индивидуальности. Они живут согласно своему собственному свету, у них есть свой собственный стиль жизни. Вы можете осудить их, но не заставите пойти на компромисс.

Эти исследования полностью прояснили для меня, почему американских политиков так беспокоила коммуна, которая радовалась, пела песни с деревьями и танцевала с павлинами, которая была разумной. Они испугались, потому что сравнение было слишком очевидно: коммуна достигала более высокого уровня сознания, была более живой, была во всех отношениях выше обычных масс. Политики ждали вопроса: “Почему это не происходит во всем мире?” Если в маленькой коммуне люди могут жить в любви, танцуя и радуясь, то что упущено во всем мире? Почему люди так несчастны?

Моих людей и коммуны в целом распяли так же, как распяли Иисуса. Даже их конституция не смогла поддержать действия политиков. А когда что-то разрушено, это очень трудно воссоздать заново.

Но мы вновь проводим этот эксперимент, и мы сейчас находимся на гораздо более успешной стадии. Наши люди более радостны, более медитативны, более разумны и бескомпромиссны. Это собрание эксцентричных людей – но более интеллигентных. Все мои усилия направлены на то, чтобы распространять разумность, любовь,

свободу... без всяких границ, без всяких ограничений, на всем земном шаре. Это могут сделать только индивидуальности – не религии, не политические партии, не какие-либо другие организации. Все зависит от индивидуальности, поднявшейся на высочайшую вершину своего существа и потенциала.

Я даю вам новую медитацию. Со времен Гаутамы Будды не изобрели ни одной новой медитации. Эта медитация будет предисловием к предстоящей серии по дзен.

Дзен означает самую вашу суть, самое ваше существо.

Я говорил об этой медитации, и группа людей делала ее двадцать один день, но в этом не участвовали вы все. В начале этой серии станьте участником медитации, которая называется “Мистическая роза”.

В ней четыре ступени. Все они предназначены для определенной цели: вывести из вашего существа весь яд, который впрыскивался каждым поколением, в течение многих веков. Смех – первый шаг. Один из великих писателей, Норман Казенс, как раз недавно описал эксперимент, который проводит всю жизнь: если он смеется двадцать минут без всякой причины, все его напряжение исчезает. Его сознание растет, пыль исчезает.

Вы увидите это сами; если вы можете смеяться без всякой причины, вы увидите, как что-то подавленное внутри вас... С самого детства вас учили не смеяться: “Будь серьезен!” Вы должны выйти из этого подавленного состояния.

Второй шаг – слезы. Слезы подавлялись даже глубже. Нам говорили, что слезы – признак слабости; это не так. Слезы могут очистить не только ваши глаза, но и ваше сердце. Они смягчают вас, это биологическая стратегия, сохраняющая вас чистыми, необремененными. Сейчас всем известно, что женщины сходят с ума реже, чем мужчины. А причина этого, как было обнаружено, в том, что женщинам легче плакать и рыдать, чем мужчинам. Даже маленькому ребенку говорят: “Будь мужчиной, не плачь, как женщина!”

Но если вы посмотрите на физиологию вашего тела, то, мужчина вы или женщина, вы увидите одинаковые железы, наполненные слезами. Было обнаружено, что женщины реже совершают самоубийства, чем мужчины. И, конечно, ни одна женщина в истории не была причиной основания насильственных религий, войн, резни.

Если бы весь мир смог снова научиться плакать и рыдать, это было бы великой трансформацией, преображением.

Третий шаг – тишина. Я назвал его “Наблюдатель на холме”. Станьте тихими, как будто вы одни на вершине Гималаев, в абсолютном безмолвии и одиночестве, только наблюдая, слушая... чувствительные, но спокойные.

И четвертый шаг – отпустить себя.

На каждой стадии Ниведано попросят ударить в барабан. Вчера он полностью ушел в медитацию. Я очень старался, но он был слишком поглощен собственным джибберишем. А что это за джиббериш? Он боролся с Муктой. Здесь есть два противника, Мукта и Ниведано. Мукта борется за деревья, Ниведано борется за камни.

Стоило ему начать, он не слышал... Сегодня ему не разрешается участвовать. Твоя работа в том, чтобы, когда я говорю: “Бей в барабан”, не забыть в него ударить – иначе все вокруг будут бить тебя! Согласен?

Хорошо, мы начинаем первую стадию медитации “Мистическая роза”. Ударь, Ниведано!

(Ниведано громко ударяет в свой барабан один раз, и весь Будда-холл на несколько минут взрывается диким смехом. Пока идет медитация, Ошо как бы управляет невидимыми энергетическими потоками, сплетая их своими руками.)

(Смех сменяется слезами.)

(Нисходит абсолютная тишина... ни звука, только пение ночных птиц и поскрипывание бамбука.)

Ниведано...

(Все падают на пол, в полном беспорядке, друг на друга, там, где им случилось упасть, и неподвижно лежат в глубоком "отпускании".)

Расслабьтесь.

Вот оно...

Это переживание...

и бамбук высказывает свое мнение.

Ниведано...

Вернитесь.

(Все медленно садятся, несколько мгновений такой восхитительной тишины...)

О'кей, Маниша?

Да, Ошо.

II БАМБУК ГОВОРИТ

28 мая 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Когда Сеппо жил в своей отшельнической хижине, двое монахов пришли к нему засвидетельствовать свое почтение. Заметив их приближение, Сеппо распахнул ворота и, появившись перед ними, сказал: "Что это?"

Монахи тоже сказали: "Что это?"

Сеппо опустил голову и возвратился в хижину.

Позже эти монахи пришли к Ганто, который спросил: "Откуда вы?"

Монахи ответили: "Мы пришли с юга горы Нанрей".

Ганто спросил: "Видели ли вы Сеппо?"

Монахи сказали: "Да, мы были у него".

Ганто спросил: "Что он вам сказал?"

Монахи рассказали обо всем, что произошло.

Ганто сказал: "Увы! Жаль, что я не сказал ему последнее слово, когда был с ним. Если бы я сделал это, никто во всем мире не решился бы превзойти его".

В конце летней сессии монахи повторили эту историю и попросили у Ганто наставлений. Ганто задал вопрос: "Почему вы не спросили раньше?"

Монахи ответили: "У нас было тяжелое время, когда мы бились над этой задачей".

Ганто сказал: "Сеппо пришел в жизнь так же, как и я, но он не умрет так же, как я. Если вы хотите узнать последнее слово, я просто скажу вам – Это! Это!"

Маниша, я бесконечно благодарен за то, что ты напомнила мне о Сеппо. Я всегда хотел познакомить вас с Сеппо, потому что он – один из самых драгоценных будд, когда-либо ходивших по земле.

Он был уникален в своем роде; важны были не его поучения, слова, но только "этовость", только абсолютное безмолвие существования. Птичий щебет – единственное священное писание в мире, а комментарии бамбука по-настоящему честны, искренни и уместны.

Сеппо понравилось бы это собрание, это мгновение тихого ожидания. Он не был так счастлив, как я. У него было очень мало учеников, но это большая несправедливость сущего. Сеппо следовало бы иметь в своих учениках весь мир, потому что он дает предельную суть.

(В тишине Будда-холла раздаётся чириканье птиц.)

Это был Сеппо.

Все они собрались здесь.

Эта история делает ясным метод обучения Сеппо:

Когда Сеппо жил в своей отшельнической хижине, двое монахов пришли к нему засвидетельствовать свое почтение. Заметив их приближение, Сеппо распахнул ворота и, появившись перед ними, сказал: "Что это?"

Должно быть, монахи растерялись. В действительности, Сеппо, открыв дверь и стоя перед ними, был вопросом, который они собирались задать. Но прежде, чем они сказали что-либо, Сеппо сам, не дав задать себе вопроса, спросил: "Что это?"

В крайнем смущении эти двое монахов сказали Сеппо: "Что это? Мы еще не спросили, мы даже не вошли в ворота, даже не поздоровались с тобой – а ты открываешь ворота и стоишь перед нами, без всякой логики спрашивая: 'Что это?' Это мы спрашиваем тебя о твоём поведении: *Что это?*"

Они упустили смысл.

Сеппо опустил голову и возвратился в хижину.

Мастер опустил голову в знак глубокой печали о том непонимании, которое показали эти двое монахов. Он вернулся в хижину потому, что нет смысла говорить что-либо еще. Он уже сказал больше, чем самую суть. Это ясно – что он уже сказал больше.

Позже эти монахи пришли к Ганто, который спросил: "Откуда вы?"

Ганто был мастером Сеппо.

Монахи ответили: “Мы пришли с юга горы Нанрей”.

Ганто спросил: “Видели ли вы Сеппо?”

Монахи сказали: “Да, мы были у него”.

Ганто спросил: “Что он вам сказал?”

Монахи рассказали обо всем, что произошло.

Ганто сказал: “Увы! Жаль, что я не сказал ему последнее слово, когда был с ним. Если бы я сделал это, никто во всем мире не решился бы превзойти его”.

В конце летней сессии монахи повторили эту историю и попросили у Ганто наставлений. Ганто задал вопрос: “Почему вы не спросили раньше?”

Монахи ответили: “У нас было тяжелое время, когда мы бились над этой задачей”.

Ганто сказал: “Сеппо пришел в жизнь так же, как и я, но он не умрет так же, как я. Если вы хотите узнать последнее слово, я просто скажу вам – Это! Это!”

Ганто говорит, что спрашивать: “Что это?” не совсем правильно.

О сущем нельзя спрашивать, нельзя говорить о нем “что”.

Оно просто есть, без всяких вопросов и без всяких ответов.

Просто “это”.

Эта маленькая история, которая сводится к малейшему из возможных слову “это”, дает вам самую сущность религиозности – ее тайну, красоту, истину. Вы не можете отвечать и не можете спрашивать, вы должны просто жить; переживать *этовость* – на языке Гаутамы Будды *таковость*, *татхату* – и есть суть религиозного сознания.

Просто проживайте этот момент во всей его тотальности, без колебаний, не думая ни о прошлом, которого больше нет, ни о будущем, которого еще нет.

Все, что у вас есть – чистота *этовости*, этот момент.

И если вы можете понять простое переживание *этовости*, то великолепие и экстаз не могут быть выше, не могут быть глубже.

Комментарий Светоч:

Последнее слово, позволь мне сказать тебе – Свет и тьма смешались.

Живущий так же знает все;

Умиравший иначе – превыше слов! Абсолютно превыше слов!

Будда и Дхарма только кивают...

Будда и Бодхидхарма: Дхарма – сокращенная форма имени Бодхидхарма.

Будда и Бодхидхарма только кивают друг другу.

Они не произносят даже простейшего слова – это.

Они просто кивают.

В этом кивке сказано все –

то, что можно сказать, то, что нельзя сказать.

В этом кивке –

вся тайна существования.

На восток, на запад, на север и юг – давай пойдём к дому.

Поздно ночью, глядя на снег на тысячах вершин.

Как я уже говорил вам, Сетзё был большим интеллектуалом, но не был просветленным. Иногда его комментарий бывает красив, но он исходит из головы, а не из его существа. Он не причислен к длинному ряду будд. Он остается лишь комментатором. А комментатор, каким бы он ни был великим, просто повторяет, парафразирует чужой опыт.

Я не хочу, чтобы вы были комментаторами.

Я хочу, чтобы вы были в самом центре существования, своего существа.

Это единственный способ понять ту огромную тайну, что окружает вас.

Другая история...

Сеппо был также известен как Сю-Фэнь. Однажды Сеппо рассказывал о случае, который способствовал его пробуждению:

“Когда я спросил мастера Токусана, могу ли я разделить опыт, который знали древние мастера, он ударил меня, и я был подобен корзине, у которой отвалилось дно”.

Ганто предостерегающе крикнул: “Хо!” и спросил: “Неужели ты не знаешь, что то, что приходит извне, не так хорошо, как то, что рождается внутри? Если бы ты показывал свое переживание

чань, дзен или дхьян, все, что ты сказал или сделал, истекало бы непосредственно из центра твоего сокровенного существа, который, в свою очередь, охватывал и пронизывал бы целую вселенную”.

Услышав это, Сеппо внезапно стал просветленным и отдал Ганто глубокий поклон.

Эти прекрасные истории и эти красивые люди почти исчезли из мира. Они были не из пластика, они не были фальшивыми. Они были предельно искренни, подлинны. Я хочу, чтобы мои люди вернули те золотые мгновения, исчезнувшие из мира.

Есть одна история об ученике Сеппо по имени Тозан:

Когда он впервые пришел к Сеппо, то, едва он вошел в ворота, Сеппо ударил его и спросил: “Что это?”

Тозан немедленно стал просветленным. Забыв себя, он поднял руки и стал танцевать. Сеппо спросил: “Ты ведешь себя логично?”

Тозан сказал: “Что общего имеет это с логикой?”

Сеппо погладил его по спине и подтвердил его просветление.

Танец может сказать гораздо больше, чем любая философия. Простой крик “Хо!” может вернуть вас к этому мгновению. Все, что может привести вас к вашему дому, есть единственная религия, которую я знаю. Так называемые религии мира просто обманывают и эксплуатируют людей. Людей необходимо пробудить.

Дзен стал для меня самым любимым по той простой причине, что он не создает никакой теологии. Его не интересует Бог, потому что Бог – всегда *то*, Бог всегда *там*. А по-настоящему важно *это*, не *то*. *Здесь*, не *там*. *Сейчас*, не *тогда*.

Однажды Сеппо рубил деревья вместе с Дзёсеем и сказал ему: “Когда рубишь, руби до сердцевины, затем остановись”.

Чосер сказал: “Я отрубил и закончил”.

Сеппо сказал: “Прежние мастера передавали истину от ума к уму. Ты действительно говоришь, что отрубил и закончил?”.

Дзёсей ответил: “Бросая топор на землю, это передается”.

Сеппо ударил его своей палкой.

Лишь из глубочайшей любви и великого сострадания дзенский мастер бьет кого-либо. Это другой язык, не тот, который говорит, что вы достигли, что вы просветленный.

Ученик годами ждет палки мастера, потому что мастер ударит вас только если будет знать, что его удар пробудит вас; или он ударит лишь тогда, когда вы пробудились – в награду. В современном

мире это совсем не понимают. Когда дзенские истории перевели в первый раз, все думали, что это что-то вроде анекдотов.

Это не анекдоты. Но, поскольку первыми их перевели христианские миссионеры, это было сделано только ради того, чтобы показать миру: “Посмотрите на величие христианства и посмотрите на этих примитивных людей, считающих себя просветленными”. Эти истории были переведены христианскими миссионерами, чтобы доказать превосходство христианства.

Но на самом деле эти истории – если они поняты, пережиты – просто доказывают, что не может быть ничего выше их. Их предельная невинность... только посмотрите на танцующего ученика, потому что он получил это! Только посмотрите на мастера, который бьет ученика в награду.

Человек прогрессировал в технологии, в науке, но забыл язык собственного существа. Есть прогресс в технических новинках, в ерунде, но человек полностью потерял.

Я хочу, чтобы вы помнили, что ваша первая задача в жизни – полностью, целиком осознавать себя, потому что, не будучи тотально осознающими, вы никогда не узнаете красоту и великолепие этого существования, что окружает вас. Вы никогда не узнаете своего рождения, своей смерти. Вы никогда по-настоящему не узнаете, что вы вообще жили.

Если вы не осознаете, вы все – лунатики, ходящие во сне, говорящие во сне. И вы так привыкли к своему сну, что можете делать даже сложные вещи во время глубокого сна. Вы можете эффективно выполнять определенную работу, похрапывая в своем существе.

Весь мир думает, что утром он просыпается, а вечером снова ложится спать. Это сушая чепуха. Когда вы пробуждаетесь, вы больше никогда не засыпаете. Так что утреннее пробуждение – просто фальшивка, очень поверхностная. Вы должны научиться подлинному пробуждению.

Сеппо прощался с Тозаном, который спросил его:

– Куда ты уходишь?

Сеппо ответил:

– Я собираюсь вернуться в Рейдзю.

– По какой дороге ты пришел в тот раз? – спросил Тозан.

– Хайенрей, – ответил Сеппо.

– А какой дорогой собираешься вернуться? – спросил Тозан.

– Той же, – ответил Сеппо.

– Приходилось ли тебе знать, что тот, кто никогда не уходит – это Хайенрей, дорога?

Люди приходят и уходят, дорога остается.

Тозан напоминает Сеппо: “Не ходи взад-вперед, оставайся. Идти некуда, ты уже здесь. Просто осознай это”.

Сеппо сказал:

– Я не знаю того, кто остается.

– Почему? – спросил Тозан.

– Потому что у него нет личности, – ответил Сеппо.

Тозан сказал:

– Ты говоришь, что не знаешь его. Если так, откуда ты знаешь, что у него нет личности?

Эти диалоги так сильно отличаются от диалогов Сократа и Платона – прекрасных, очень логичных, – но эти диалоги просто из другого мира, из другого сознания.

Тозан – великий мастер, старый мастер. Хотя Сеппо понял, он просветленный – но быть только просветленным недостаточно. У просветления множество измерений. Тозан пытается подвести Сеппо к другому измерению. Он знает *естьность*, он знает *этовость*, но он не осознан.

Та осознанность не имеет личности.

Тем не менее, она есть,

она не имеет границ.

Естьность океанична,

для нее не существует ограничений.

Как чудесно просто слушать, как просветленные подталкивают друг друга к новому измерению существа.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Это действительно так легко?

Маниша, “легко” – неподходящее слово, потому что оно привносит идею трудности. Как бы ни было легко, это все же трудно. Как бы ни было близко, это все же далеко. Твое существо ни трудно, ни легко; оно просто есть. Это не твое достижение, ты и есть оно.

Маниша задала другой вопрос:

Ганто, кажется, говорит, что Сеппо стал просветленным, вошел в жизнь тем же путем, что и он. Правда ли, что реализация просветления одинакова для всех?

Последний опыт, несомненно, одинаков. Но путей миллионы. Кто-то приходит с севера, а кто-то – с юга. Одна река течет из Гима-

лаев, другая – с других гор. Но все они, большие и малые, достигают одного океана.

Последний опыт одинаков, но люди различны в своей уникальности. Поэтому их пути открытия себя для самих себя различны. Все рождаются одинаково, но умирают по-разному.

Рождение не в вашей власти. Когда вы пробуждаетесь, вы уже родились. Не вам решать, родиться или не родиться. Но смерть – другое дело. Вы можете умереть неосознанно, а можете умереть сознательно, вы можете умереть радостно, танцуя. Вы можете обратиться в шутку саму смерть. Рождение одинаково, но смерть должна быть уникальной.

Но большинство людей рождаются одинаково и умирают одинаково. И то и другое бессознательно. Но помните, если рождение и смерть – оба конца – бессознательны, тогда то, что в середине – жизнь, – не может быть сознательной. Это долгий сон от колыбели до могилы.

Очень немногим посчастливилось прийти к могиле знающими, сознательными. И как только человек приходит к смерти сознательно, смерти вообще нет.

Смерть существует лишь для неосознанных людей. Для сознательного человека смерть – лишь перемена времени и пространства, перемена формы. Суть остается прежней.

Сеппо сделал вас серьезными. Немного смеха, прежде чем мы войдем в медитацию.

Барбара Бюстлайн готовится к небольшой операции. Сестра привезла ее по коридору к дверям операционной и оставила ненадолго, чтобы проверить, готова ли бригада хирургов.

Как только сестра удаляется, к каталке подходит молодой человек в белом халате, приподнимает простыню и очень внимательно изучает обнаженное тело Барбары, затем задумчиво кивает и уходит.

Вслед за ним приходит второй молодой человек в белом халате, приподнимает простыню и тоже осматривает Барбару.

Но когда третий молодой человек в такой же одежде подходит и делает то же самое, Барбара теряет терпение.

– Конечно, хорошо, что вы меня осматриваете, – говорит она раздраженно, – но когда же они начнут операцию?

– Понятия не имею, – отвечает молодой человек. – Мы просто красим коридор.

Доктор Пинчботтем, врач Белого Дома, проводит ежегодный профосмотр президента и первой леди. Сначала он осматривает Ро-

нальда Рейгана и находит, что он в хорошей форме для человека в его положении.

– А как вы себя чувствуете? – спрашивает Пинчботтем.

– Великолепно, – отвечает Рейган. – Жизнь так прекрасна, что когда я ночью иду в туалет, Бог зажигает мне свет.

Доктор Пинчботтем озадачен его ответом, но ничего не говорит и начинает осматривать Нэнси Рейган. Закончив, он спрашивает ее:

– Скажите, это правда, что Бог по ночам зажигает Рональду свет в туалете?

– О, нет! – говорит Нэнси. – Он просто снова писал в холодильник.

Сэм Шекель, директор компании, энергичный мужчина средних лет, свято верит в эффективность, и в один прекрасный день он вешает в главном офисе плакат, который гласит: “СДЕЛАЙ ЭТО СЕЙЧАС!”

Через несколько часов кассир исчезает вместе с содержимым сейфа; секретарша Сэма сбегает с его старшим сыном; большинство сотрудников берет выходной; мальчик-рассыльный кидает банку красных чернил в кондиционер и улетает ближайшим самолетом в Пуну.

Должно быть, он где-то здесь!

Пришло время для небольшой ежедневной медитации.

Ниведано...

Начинайте джиббериш.

Ниведано...

Будьте безмолвны, абсолютно безмолвны.

Соберите свою энергию внутри.

Именно это имеет в виду Сеппо, говоря “Это”.

Это... бамбук, как обычно,
дает свой комментарий.

Ниведано...

Расслабьтесь, отпустите себя.

Это... даже бамбук замолчал.

Ниведано...

Вернитесь.

О’кей, Маниша?

Да, Ошо.

III ЭТО... ВСЯ ПРОПОВЕДЬ

29 мая 1988 года

Возлюбленный Ошо,

У Якудзю был неповторимый способ наставления монахов. С утра до вечера он повторял: "Работайте для меня в поле, и я буду учить вас".

Таким образом, он заставлял своих учеников работать в поле все время; и не было похоже, чтобы он готовился читать какие-нибудь лекции или проповеди.

Наконец, монахи, не в силах больше выносить это, пришли к мастеру и спросили: "Не будешь ли ты так милостив, чтобы дать нам наставление?"

Мастер непоколебимо ответил: "Работайте для меня в поле, и я буду учить вас".

Прошло несколько дней, и потерявшие терпение монахи снова пришли к мастеру и потребовали: "Пожалуйста, прочти нам проповедь".

На этот раз он довольно охотно согласился.

Через некоторое время все монахи собрались в зале. Мастер спокойно появился перед ними, взошел на кафедру, развел руки в стороны и, не сказав ни слова, тут же вернулся в свою комнату.

Однажды Хансен работал серпом на горе. Какой-то монах пришел по горной тропе и спросил, не зная, с кем он говорит:

– Как попасть к мастеру Хансену?

Мастер протянул монаху свой серп и сказал:

– Я заплатил за этот серп тридцать центов.

Монах возразил:

– Я не спрашивал тебя о серпе.

– Тогда о чем же ты спрашивал? – поинтересовался мастер.

Монах повторил:

– Как попасть к мастеру Хансену?

Мастер сказал:

– О, да! Он режет прекрасно!

Маниша, этот жест Якудзю – величайшая проповедь, данная во всей истории мистицизма. Чтобы подготовить своих людей, он говорил: "Идите и работайте в поле. Вы не можете долго работать с деревьями, травой и розами и не стать такими же тихими, как они".

Люди, живущие с природой, естественно находят синхронность между собой и реками и горами, они ближе к земле и ее пульсу.

Якудзю сначала пытается приблизить ученика к природе, приблизить к тишине. Пока он не готов, нельзя дать великую проповедь. Для великой проповеди нужны великие ученики, а великий ученик – как раз тот, кто безмолвен.

Прежде чем войти в эту необычайно красивую историю о Якудзю, мне хотелось бы рассказать вам кое-что о современном мастере, Георгии Гурджиеве. Он использовал – не зная Якудзю – тот же метод, а люди, приходившие к нему, сильно отличались от людей, приходивших к Якудзю.

Гурджиев работал на Западе. К нему приходили интеллектуалы, а Гурджиев требовал, чтобы они шли в поле и копали канаву; но они говорили: "Мы пришли сюда учиться, а не копать канаву". Гурджиев был очень суров. Он говорил: "Если вы хотите услышать ответ, сначала делайте то, что я говорю".

Однажды был особенный случай. К Гурджиеву приехал Беннет, высокообразованный, культурнейший человек, но ответ был тот же. Он пришел спросить Гурджиева о Боге и смысле жизни, а Гурджиев сказал: "Оставьте ненадолго все это, просто пойдите в поле и выкопайте канаву".

Беннет немного помедлил, затем подумал: "Я приехал так издалека, посмотрим, что произойдет. Что я теряю?" Он начал копать канаву; Гурджиев пришел со своей сигарой, посмотрел, как он копает, и сказал ему: "До заката этот участок должен быть готов".

Наступил вечер, Беннет ужасно устал – интеллектуал, который никогда не занимался трудом, особенно такого рода. Видеть, как садится солнце, было таким облегчением... "Наконец-то Гурджиев начнет разговор, ради которого я приехал." Гурджиев все время прогуливался рядом, наблюдая за ним.

Беннет сказал: "Канава готова".

Гурджиев ответил: "Теперь закопай ее целиком, сделай все как было, сбрось всю землю на место".

Беннет так устал, но он был прямым и честным человеком. Он сказал: “Посмотрим, что будет”.

Без еды, без отдыха, даже без паузы на кофе он снова засыпал канаву. Была почти полночь, а Гурджиев весь день стоял рядом, наблюдая и покуривая свою сигару. Было полнолуние, самая вершина ночи; стояла восхитительная тишина, и Беннет вспоминает: “Я так устал... Я не знаю, откуда – невероятная тишина снизошла на меня”. В своей автобиографии он говорит: “Я был просто изумлен”.

Гурджиев засмеялся и сказал: “Ты услышал? Теперь идти и отдохнуть”.

Но что было сказано? Ничего. Дело не в том, что мастер должен что-то сказать. Дело в том, что ученик должен быть так безмолвен... а он затих, потому что так устал, что не мог даже думать, ум полностью опустел. В этой тишине мастеру не нужно ничего говорить, он может просто указать ЭТО, и проповедь окончена.

Но Якудзю идет еще дальше, чем Гурджиев. Он даже не говорит: “Это”. Он заставляет своих учеников работать до предела, где их энергия полностью поглощена работой и уму не остается ничего, никакой энергии, чтобы продолжать свою болтовню. Ученики вновь и вновь приходили к нему, но он просто повторял: “Идите и работайте в поле”.

Но однажды те, кто остался с этим странным человеком, который ничему не учил, который просто говорил: “Возвращайтесь в поле и работайте изо всех сил”...

А он был известен как один из великих мастеров, знавших секрет. Многие приходили, но лишь немногие остались. Он был сложным человеком.

Когда остались только те, которые стали безмолвными, работая в поле, которые пришли в глубокую гармонию с природой, чей ум успокоился, он принял приглашение.

На этот раз – после многократных попыток учеников пригласить мастера и получая одинаковый ответ: “Возвращайтесь в поле и работайте”, – на этот раз, когда они пришли и попросили: “Пожалуйста, прочти нам проповедь”, – он довольно охотно согласился.

Через некоторое время все монахи собрались в зале. Мастер спокойно появился перед ними, взошел на кафедру, развел руки в стороны и, не сказав ни слова, тут же вернулся в свою комнату.

В истории дзен эта проповедь известна как величайшая. Это действительно так, потому что он не сказал ничего и, тем не менее, сказал все. Эти две руки, распахнутые, как птичьи крылья, открытые всему небу, протянутые к безмолвным ученикам, передача без слов.

Мы слишком привыкли к словам, мы не знаем красоты безмолвия. Даже если вы видите красивую розу, ваш ум немедленно говорит: “Как красиво”, – и вы упустили. Если бы вы просто увидели розу и растворились в ее красоте, почувствовали ее в своем сердце, не сказав ни одного оценивающего слова, вы стали бы просветленным.

Даже роза может подействовать на вас как великий мастер.

Вопрос не в том, что вы не знаете, вопрос в том, что вы слишком заполнены джибберишем, вы знаете слишком много. Из-за своих заимствованных знаний и засилия слов,двигающихся внутри вас, вы не можете увидеть безмолвную красоту, которую можно пережить лишь в тишине. Просто слушайте бамбук... и вы найдете то, что сказал, не говоря, Якудзю.

Дзен – не интеллектуальная попытка понять реальность, это интуитивный способ утонуть в тайне существования, раскрыть свои крылья и полететь к солнцу, как орел.

Язык – очень незначительный феномен, который ограничивается человечеством. Ни звезды, ни цветы не говорят, и все же они выражают, передают самую свою суть без всякого языка. Дзен – просто полевой цветок, раздающий свой аромат всякому, кого он касается. Те, кто чувствителен, поймут его.

Ничего не говорится, но все понятно.

Просто утоните в этовости, в невероятной тишине этого мгновения, и вы почувствуете свободу от ума.

И это единственная свобода, первая и последняя свобода – свобода от ума.

Именно ум закрывает ваше существо, как тюрьма. Как только ум остается позади и вы – просто наблюдатель, вдали... неожиданно открываются двери всех тайн.

Дзен не говорит о Боге, он дает вам Бога; он не говорит о рае, он толкает вас в рай.

Маниша спросила...

Возлюбленный Ошо,

Несколько минут тарабарщины, еще несколько минут тишины, затем полное расслабление. Эта простая медитация или упражнение приводит меня в состояние такой восхитительной, иррациональной радости, что на некоторое время я полностью удовлетворена, абсолютно счастлива быть собой – такой, какая я есть, – в мире, таком, каков он есть. Это именно то, за чем большинство людей гонится всю свою жизнь.

По-видимому, как раз поэтому люди принимают наркотики, влюбляются, женятся и заводят детей; только ради того, что мы переживаем у ног самого опасного человека в мире. Ты что-нибудь скажешь?

(Ошо разводит руки в стороны и молчит.)

Вспомните две руки Якудзю.

Нечего сказать.

Ваше молчание самодостаточно, ему больше ничего не нужно. Это больше, чем вам могло когда-либо присниться.

Вторая история, которую принесла Маниша...

Однажды Нансен работал серпом на горе.

Нансен был одним из великих. Я ставлю его в один ряд с Гаутамой Буддой, Махакашьяпой, Бодхидхармой, Джошу, Якудзю. Были тысячи мастеров, но Нансен все равно выделяется своей собственной красотой, уникальностью. Он был так широко известен народу, что даже гора, на которой стояла его маленькая хижина, называется теперь гора Нансен.

Однажды Нансен работал серпом на горе. Какой-то монах пришел по горной тропе и спросил, не зная, с кем он говорит:

– Как попасть к мастеру Нансену?

Мастер протянул монаху свой серп и сказал:

– Я заплатил за этот серп тридцать центов.

Монах возразил:

– Я не спрашивал тебя о серпе.

– Тогда о чем же ты спрашивал? – поинтересовался мастер.

Монах повторил:

– Как попасть к мастеру Нансену?

Мастер сказал:

– О, да! Он режет прекрасно!

Вы видите попытку вернуть этого монаха в настоящее. Неважно, что это, это может быть и серп – в этот миг Нансен пытается вернуть монаха, путника, к настоящему мгновению. Но монах продолжает спрашивать о чем-то далеком.

Дзен – не философия, рассуждающая о далеких вещах, это очень реалистичный подход к настоящему; и для того, чтобы обратить ищущего к этому моменту, используется любое средство, любой метод. В обычном смысле, интеллектуально, эта история покажется абсурдной – именно поэтому люди, подобные Нансену и Якудзю, исчезли из мира. Мы стали слишком интеллектуальны, а они не были интеллектуалами, они были невинными, необычайно присутствующими, интегрированными, но всегда здесь; вы никуда не можете сдвинуть их. Вы не можете увести их из их мгновения.

Нансен сейчас работает серпом; вы не можете заставить его говорить ни о чем другом, даже о себе.

Я надеюсь, вы поймете смысл. Этот монах упустил. Дзен легко упустить.

Он так очевиден, что

если вы просто

не заводите свой ум,

всего на мгновение, –

он в ваших руках.

Он ни сложен,

ни прост.

Он просто есть,

это самое ваше существо.

Вы можете быть знакомы или нет – это здесь, как ваша тень. Но тень находится снаружи; ваше существо – это ваш собственный внутренний центр. И к нему нет другого пути, кроме как присутствовать, здесь и сейчас. Это единственная дорога, ведущая к самому себе.

Маниша снова спрашивает:

Возлюбленный Ошо,

Ты так возвышенно говоришь о дзенских мастерах, их изобретательных и вместе с тем простых методах и невинности тех людей, которые смогли осознать через них. И все же, когда временами

я вижу тебя как мастера дзен, я не могу сказать, что твой подход похож на их. Это так потому, что люди, которые у тебя есть, слишком ушли в мозг и полностью утратили контакт с невинностью и спонтанностью, или потому, что твое понимание о наибольшей эффективности отличается от их... или по обоим причинам?

Маниша,

(Ошо разводит руки в стороны)

... по обоим. Я – сам по себе. Я не встану ни в какой ряд, даже с Гаутамой Буддой. Я люблю свое одиночество, свою собственную спонтанность. В этом разница.

Во-вторых, люди, с которыми я нахожусь, полностью отличаются от людей, с которыми имели дело мастера дзен. Если бы здесь оказались дзенские мастера, они показались бы вам просто ненормальными. Я стараюсь сделать их ненормальность как можно более нормальной, чтобы вы могли понять.

Вы – другие, вы больше в голове, чем люди, с которыми занимались мастера дзен. Поэтому моя работа – сначала привести вас к сердцу, и только потом я могу вести с вами безмолвный диалог. Мне приходится говорить, чтобы создать в вас тишину. Это очень противоречивый путь.

Но прежде, чем вы впадете в глубочайшую тишину, вибрирующую радостью, покоем, удовлетворением, о котором говорила Маниша... это не только ее опыт, это опыт большинства моих людей здесь и во всем мире.

Бамбук тоже будет счастлив услышать немного вашего смеха.

Симус стоит, опершись на стойку, когда в бар входит Пэдди с великолепным багровым синяком под глазом.

– Эй, Пэдди! – говорит Симус. – Какой классный у тебя синяк! Кто это тебя?

– По сути дела, – отвечает Пэдди, заказав пиво, – меня стукнул Фергус О’Рейли.

– Боже мой! – говорит Симус. – И чем же?

– По сути дела, у него в руке была палка.

– Надо понимать, что у *тебя* в руке ничего не было? – замечает Симус.

– По сути дела, – говорит Пэдди, отхлебывая пиво, – в моей руке была левая грудь Кэти О’Рейли – прекрасная штука, но для драки бесполезная!

В один прекрасный день Ковальский входит в кабинет директора цирка и говорит:

– Я могу показать вам выдающийся номер. Я могу прыгнуть ласточкой с высоты сто футов на твердую землю.

Директор цирка настроен скептически, но соглашается посмотреть номер. Они идут на арену, и Ковальский взбирается по лестнице под самый купол. Он совершает великолепный прыжок вниз, с ужасающим треском приземляется на голову, затем встает, потирая ушибленные места и тихо постанывая.

Директор бежит к нему со словами:

– Потрясающе! Это самый невероятный номер, который я когда-либо видел! Я буду платить вам пятьсот долларов за вечер!

Ковальский качает головой. Директор говорит:

– О’кей, назовите свою цену, и я заплачу!

– Извините, – отвечает Ковальский, – я не хочу больше делать это. Я и представить не мог, что это так больно!

Теперь войдите в настоящий дзен. Первый удар в барабан, Ниведано, и все начинают джиббериш.

Ниведано...

Все погружаются в абсолютную тишину,
никаких движений, соберите свою энергию
и смотрите внутрь.

Это и есть бессловесный ответ Якудзю.

Это и есть серп Нансена,
который режет действительно превосходно.

Ниведано...

Расслабьтесь.

Ниведано...

Пожалуйста, вернитесь.

О'кей, Маниша?

Да, Ошо.

IV ПУЛЬС ВСЕЛЕННОЙ

30 мая 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Монах спросил Тозана: "Холод и жара наступают на нас. Как мы можем избежать их?"

Тозан сказал: "Почему бы тебе не пойти туда, где нет ни холода, ни жары?"

Монах спросил: "Где то место, где нет ни холода, ни жары?"

Тозан сказал: "Когда холодно, пусть мороз будет таким, что он убьет тебя; когда жарко, пусть жара будет такой, что она убьет тебя".

Маниша, именно в это пространство я и пытаюсь помочь вам прийти:

Где нет ни холода,

ни жары,

где есть только осознанность,

тишина, превосходящая дуальность,

холод и жар,

день и ночь,

жизнь и смерть.

Все двойственное трансцендируется, когда вы не в уме, но в самом своем центре – который не чувствует ни холода, ни жары, который есть лишь простое, чистое пространство.

Тозан говорит в точности о том, что вы делаете каждый день.

Монах спросил Тозана: "Холод и жара наступают на нас. Как мы можем избежать их?"

Простой вопрос, но в нем есть большая сложность. Вам придется взять слово "избежать", и вы увидите эту сложность. Это как раз то, что пытается сделать каждый: как избежать несчастья, страданий, как избежать боли, как избежать самой жизни. Именно это делали все религии – избегали. Они называют это отречением, и все же это не что иное, как трусливое бегство в чистом виде.

Так что этот очень простой вопрос не так прост. Этим словом “избежать” все религии мира сводятся к своей основе – очевидным образом. Все их усилия сводятся к тому, чтобы сбежать из городов, от людей, от связей, от мира в горы и леса; но они не знают... куда бы вы ни пошли, ваш ум – с вами. А ваш ум и есть ваш мир. Вы не можете отречься от так называемого внешнего мира, не отбросив ум и не будучи полностью безмолвным. А это можно сделать везде.

Не нужно идти в Гималаи, нужно идти внутрь. Ни одно внешнее путешествие не поможет. Вы можете отречься от богатства, можете отречься от царств, вы можете отречься от своей жены, мужа, детей... Вы можете отречься от чего угодно, и, тем не менее, вы здесь. Вы не можете отречься от себя. А вы и есть проблема!

Я против этого слова – “избежать”. И любую религию, которая учит избегать, я называю трусливой.

Столкнитесь с реальностью,
избегать нет смысла.

Столкнитесь интенсивно и тотально,
осознанно,

и вы вдруг увидите,
что достигли точки внутри себя,

где нет ни жары,

ни холода,

где нет ни любви,

ни ненависти,

где нет ни так называемой жизни,

ни так называемой смерти.

Внутри вас находится универсальный центр. Он всегда здесь, не нужно идти куда-то, чтобы найти его. Любой уход – это уход от себя. Вы должны остановить уход, вы должны начать погружение внутрь.

В словах Тозана... он выразил это с необычайной красотой и величием, на языке львов.

Тозан сказал: “Почему бы тебе не пойти туда, где нет ни холода, ни жары?”

Монах спросил: “Где то место, где нет ни холода, ни жары?”

Это несчастье, которое всегда происходит между мастером и учеником. Мастер говорит о внутреннем пространстве, а ученик слышит о каком-то месте где-то вовне. Мастер не имеет дела с местами, он имеет дело с пространствами.

Тозан сказал: “Когда холодно, пусть мороз будет таким, что он убьет тебя; когда жарко, пусть жара будет такой, что она убьет тебя”.

Он просто говорит: “Будь тотален в каждой ситуации, будь то холод или жара; будь настолько тотален, чтобы твое эго умерло, чтобы тебя не стало”. Другими словами, в тот миг, когда вы тотальны, вас нет, есть лишь чистое пространство. Это и есть ваша подлинная реальность.

Комментарий Сетзё:

Рука помощи,

но все же утес в тысячу футов;

Шо и Эн: нет произвольных различий.

Древний изумрудный дворец сияет

в ярком лунном свете.

Умный Канро всходит по лестнице –

и находит его пустым.

Несколько замечаний, чтобы помочь понять комментарий Сетзё.

Легенда рассказывает об умном и очень быстро бегающем псе, Канро, который преследовал зайца. Оба бежали так быстро, что, в конце концов, упали замертво.

Монах, задававший вопрос, в данном случае сравнивается с Канро.

Будьте так тотальны, чтобы сама ваша тотальность стала пламенем и сожгла все фальшивое, ложное, оставив лишь древний изумрудный дворец, блистающий в ночь полнолуния.

Шо и Эн связаны с философским трактатом об отношениях между реальным и кажущимся.

Философов многие века занимала проблема о том, что реально и что только кажется. Даже в начале этого столетия двое философов, Бозанкет и Бредли, потратили всю свою жизнь на писание трактатов о кажущемся и реальном. Как ни странно, это делали не только Бредли и Бозанкет; эту тему в Китае обсуждали Шо и Эн, в Индии – Шанкара.

Проблему того, что реально и что только видимо, нельзя решить путем философской дискуссии. То, что видно глазами – это види-

мое, а реальное спрятано внутри вас – оно не показывается на поверхности. Так что все эти философы, а их много...

Один из моих учителей получил докторскую степень по Бредли и Шанкаре; он сравнивал их философии – относительно того, что реально и что только видимо, не реально. Этого профессора звали С. С, Рой. Он еще жив, на пенсии; он очень любил меня. Я спросил его: “Вы получили степень; но действительно ли вы знаете, что реально и что только кажется реальным? Если бы я принимал вашу диссертацию, вы бы провалились!”

Он посмотрел на меня, не веря, что студент может сказать своему профессору... его диссертацию читали крупнейшие профессора Индии, и не только Индии, и она получила высочайшую оценку. Он спросил: “А ты знаешь, как высоко оценили мою диссертацию?”

Я сказал: “Это совершенно неважно. Важно то, что вы не знаете, что реально. Вы только рассуждаете, это не ваш опыт. Вы не медитируете, вы не пришли в это пространство чистой тишины; вся ваша диссертация – просто слова, может быть, хорошо написанные, очень логично написанные, но это не ваш экзистенциальный опыт”.

Он сказал: “Боже мой, хорошо, что ты не был одним из моих экзаменаторов, иначе я потерял бы свою докторскую степень”.

Я сказал ему: “Если вы разумный человек, вы уже потеряли ее. Моих слов достаточно, чтобы опровергнуть вашу диссертацию, потому что я говорю вам: вы не знаете сами. Я знаю, что вы честный человек и поймете: я показываю вам то, что вы упустили”.

Тозан говорит, что, пока вы не сожжете свой ум, который разделяет вещи надвое... ум всегда – дуальность, он не может жить в не-дуальности. Тозан говорит: “Иди за пределы дуальности, и ты найдешь пространство, где нет ни холода, ни жары, где есть только чистое ничто. Это и есть твое существо”.

Относительно Тозана: это не тот Тозан, который появляется в книге Тозана “Три фунта льна”, – это Тозан Рёкай, основатель секты Сото. Тозан посетил разных мастеров.

Между прочим, на днях я получил приглашение от секты Сото, основанной Тозаном. Они очень широко праздновали тысячелетие своей традиции. Глава Сото дзен, должно быть, читал мои книги. Также он, наверное, слышал историю о том, что я согласился с тем, что я – исполнение обещания Гаутамы Будды, что он придет через двадцать пять столетий и его имя будет “дружественность” – *майтрейя*.

Представитель Тозана и его секты – существует только две секты дзен, Сото более древняя... Вы будете счастливы заметить, что глава секты Сото дзен признал, что я сознателен и осознан, что я исполнил обещание. Он спросил, могу ли я приехать на их праздник, и если я не могу приехать, попросил прислать хотя бы мою робу – по старой дзенской традиции.

Я выслал одну из моих одежд – вместе с посланием – на их церемонию. В этой церемонии принимало участие около миллиона человек, и японское правительство делегировало туда более двухсот пятидесяти чиновников.

Я попросил моих саньясинов прийти туда с моей робой, приветствием и посланием. Глава секты с глубокой любовью и преданностью представил все это собравшимся. Он сообщил мне, что в скором времени приедет сюда, чтобы посетить меня и увидеть моих людей.

Фактически, это единственное живое дзенское собрание. И ни один человек из этого миллиона и двухсот пятидесяти представителей правительства не знает в точности того пространства, которое вы чувствуете каждый день.

Одна история о Тозане:

Когда Тозан был с Нансеном, – другим великим мастером, – одним из учеников Басё... Басё – высочайший в том, что касается дзен. Нансен объявил о годовщине смерти Басё и спросил у собрания: “Придет ли Басё к нам?”

Тозан сказал: “Если здесь есть подходящая компания, он придет!”

Нансен очень высоко оценил этот ответ.

... Потому что эти слова – Будда, Бодхидхарма, Нансен или Басё – лишь имена форм. Все они представляют одно и то же пространство; и где бы ни находились люди, готовые их принять, они внезапно спускаются туда.

Я получал много писем, в которых говорится, что в медитации происходят странные вещи: как будто что-то спускается – глубокая тишина из запредельного, весомая, почти осязаемая. В этой тишине присутствует Басё, присутствует Будда. Когда вас нет, все пробужденные присутствуют для вас. Тогда это собрание становится вечным.

Мы были здесь всегда. Иногда вы забываете, кто вы, но это не важно:

Рано или поздно
вы вновь осознаете,
рано или поздно
вы вновь увидите
свое кристально ясное существо.
Не важно ни время,
ни пространство,
вы – тот,
кто никогда не приходит
и никогда не уходит,
тот, кто просто есть.

Когда Тозан учился у Исана, он спросил Исана о “Проповедях неодоушевленных созданий” Чу Кукуши.

Исан сказал: “Неодоушевленные создания проповедуют и нам здесь, но немногие могут слышать их”.

Вы слышите бамбук? Это проповеди, посланные нам, проповеди неодоушевленных существ. Когда вы безмолвны, даже розы начинают говорить с вами.

(Дует ветер, и бамбук, потрескивая, начинает свои комментарии.)

Слышите ли вы громкий голос бамбука?

Чем глубже ваша тишина, тем громче он будет звучать для вашего слуха.

Тозан сказал: “Я не совсем уверен; не мог бы ты наставить меня?”

Ничего не говоря, Исан поднял свою палку.

Тозан сказал: “Я не понимаю. Не мог бы ты объяснить?”

Исан сказал: “Я никогда не скажу тебе об этом ртом, данным мне моими родителями!”

Таков был его метод обучения.

Этот рот, данный вашими родителями, не способен сказать это; но ваше существо не дано вам вашими родителями. Вы пришли че-

рез них, они были сосудами, но вы не их часть. Ваше тело создано родителями, храм возведен ими, но божество, обитающее в храме, ваше существо, приходит из вечности, оно не может прийти из смертных тел.

Позже Исан предложил Тозану идти к Унгану, преемником которого он впоследствии стал. Тозан спросил: “Кто может услышать проповедь неодоушевленных созданий?”

“Неодоушевленные создания могут услышать их”, – ответил Унган.

“Почему я не слышу их?” – спросил Тозан.

Унган поднял свой посох и спросил: “Ты слышишь?”

“Нет”, – ответил Тозан.

Унган сказал: “Неужели ты не знаешь, что говорит сутра: ‘Птицы и деревья – все медитируйте на Будду и Дхарму?’”

Тозан внезапно стал просветленным.

Он написал следующие строки:

Чудно! Как чудно!

Проповеди неодоушевленных созданий;

Ты не услышишь, если будешь слушать ушами...

Я повторяю:

Ты не услышишь, если будешь слушать ушами.

Слушая глазами, ты слышишь их.

Под “глазами” он подразумевает не обычные глаза, он имеет в виду глаза пробужденной ясности вашего существа. Если вы можете слышать в своей тишине, если вы можете видеть в своей тишине, то все в мире говорит, проповедует, поет песни, танцует.

Вы не слышите? Но эти глаза и уши не помогут. Вы должны копнуть глубже внутрь себя, чтобы найти верный подход и увидеть вечный танец сущего, услышать его музыку и увидеть его красоту.

Тозан продолжал практиковать задзен и был еще более внимателен. Однажды, когда он плыл по реке, он увидел свою тень на воде и испытал великое просветление.

Вот его стихи на этот случай:

Долго искал это у других,

Я был далек от достижения.

Теперь я иду сам;

*Я встречаю это повсюду.
Это просто я,
Но я – не оно.
Понимая так,
Я могу быть таким, каков есть.*

Тозан рассказал о двух просветлениях. Второе он называет величайшим. Первое просветление случилось, когда он слушал сутру Гаутамы Будды о том, что неодушевленные существа – не неодушевленные. Они тоже живут, любят. Они тоже поют, проповедуют. Он стал просветленным; эта сутра проникла в самое его существо. Но он называет это просто просветлением.

Великое просветление случилось, когда он увидел в реке собственную тень и внезапно осознал, что

*Куда бы вы ни пошли
в поисках истины,
вы уходите очень далеко.
Ваше существо – с вами,
точно так же, как ваша тень.
Вам не нужно никуда идти,
вы должны просто взглянуть
в зеркало своего существа.*

Естественно, он называет это *величайшим просветлением*, потому что оно больше не связано с другими. Это его подлинное просветление.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Я понимаю так, что Тозан говорит, что не нужно ничего избегать, наоборот, нужно смело встречать все. И эта тотальность есть трансценденция.

Другие, формальные религии, такие как христианство или индуизм, в сравнении с дзен кажутся таким ребячеством в своем понимании жизни – со своими богами и всем психологическим окружением, сопутствующим богопочитанию, – и такими нечувствительными к тонкости и поэтичности.

Создается такое впечатление, что либо дзен – это религия, а все остальное – нет; либо дзен стоит совершенно особняком. Не мог бы ты прокомментировать?

Здесь не нужны никакие комментарии. Все вы испытали дзен. Это не религия, в которую вы должны верить. Это опыт – как любовь, которую вы должны пережить, которую вы должны испытать.

Другими словами, дзен – самая сущностная религия, в ней нет ничего лишнего. Только суть, только существенное. Вы можете называть дзен религией, можете называть его наукой – неважно, каким именем вы его назовете. В своей чистой простоте дзен – это переживание своего собственного существа. И в тот миг, когда вы переживаете собственное существо, вы переживаете существо всей этой вселенной, потому что ваш пульс – часть пульса вселенной.

Просто будьте безмолвно осознающими, и дзен заполнит вас изнутри и снаружи. Это не формальная религия, как христианство или индуизм. Дзен очень индивидуален, уникален, он сам по себе. Он только для эксцентричных людей, только для самых интеллигентных. Он не для средних умов, не для толпы. Он только для индивидуальности, которой хватает мужества стоять в одиночестве и слушать свое собственное существо, не волнуясь о том, что другие говорят, во что они верят или чему поклоняются.

Дзен – не спор, не вера. Это чистый опыт, совсем как любовь, красота или тишина. Он анонимен.

Прежде чем мы войдем в дзен... хотя вы уже стоите в дверях храма, мне хочется, чтобы вы немного посмеялись. Я хочу, чтобы вы вошли в храм радостно, смеясь и танцуя.

Рональд Рейган в больнице, ему делают небольшую операцию. Нэнси Рейган тут же, она следит за каждым шагом врачей.

Один из них приближается к Рейгану со шприцем.

– Что это? – спрашивает Нэнси.

– Это анестезия, – отвечает врач. – Мы сделаем укол, и он ничего не поймет.

– Не теряйте время, док, – усмехается Нэнси. – Он и так ничего не понимает.

Феджин Финкельштейн, адвокат, сидит в своем кресле в только что открытом офисе. Дверь распаивается, и входит мужчина. “Ага! – думает Феджин, – вот и клиент! Я должен произвести на него впечатление.”

Феджин берет за телефон. “Нет, мне чрезвычайно жаль, но я слишком занят, – говорит он в трубку. – У меня нет возможности взяться за ваше дело. Нет, даже за тысячу долларов.”

Он кладет трубку и выжидательно смотрит на вошедшего.

– Ну-с, чем могу служить?

– Ничем, – отвечает тот. – Я просто пришел подключить телефон.

Папа-поляк серьезно болен. Пэдди, Симус и Син пьют в пабе, обсуждая, кто станет новым папой.

– Я знаю, – говорит Симус. – Следующим папой будет кардинал Разов из России.

– Ерунда, – говорит Син. – Новым папой будет кардинал Чонг из Китая.

– Разов из России, – настаивает Симус.

– Ничего подобного, – говорит Син, – кардинал Чонг из Китая.

– Разов!

– Чонг!

Пэдди все это время сидит молча, глядя на свое пиво.

– Вы оба говорите ерунду, – заявляет он. – Следующим папой будет рабби Нуссбаум из Нью-Йорка.

– Не будь дураком, – ухмыляется Симус. – Он даже не католик.

– А, ладно, – говорит Пэдди, – я даже спорить с тобой не буду, раз ты ввязываешь сюда религию!

Ангел Смерти находит Руфуса Ротшильда и доставляет его к Жемчужным Вратам.

– Мистер Ротшильд, – говорит святой Петр, просматривая его дело, – сделали ли вы какое-нибудь доброе дело в мире?

– Однажды я дал доллар бедняку.

– Понятно, – говорит святой Петр, записывая что-то в блокнот. – Что-нибудь еще?

– Да, – отвечает Ротшильд, напряженно думая. – Однажды я дал пятьдесят центов слепому.

– Были ли еще добродетельные поступки в вашей жизни? – спрашивает святой Петр.

– Нет, – говорит Ротшильд, – это все.

– Хорошо, – говорит святой Петр, поворачиваясь к ангелу. – Отдай этому парню его полтора доллара и пусть проваливает в ад!

Теперь мы можем быть...

Ниведано, гонг...

Начинайте вздор.
Начали!

Ниведано...

Будьте безмолвны, предельно безмолвны, никакого движения.

Это...

Это...

Ниведано...

Расслабьтесь.

Ниведано...

Вернитесь.

О'кей, Маниша?

Да, Ошо.

V
СВОБОДА – МОЙ БОГ

31 мая 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Некогда жил дзенский мастер по имени Секито, что означает “каменноголовый”, названный так потому, что он построил хижину на высоком плоском камне, который он нашел на горе, и жил там. Однажды молодой монах, проходящий обучение, пришел к нему.

Секито спросил: “Откуда ты пришел?”

Монах ответил: “Из Козей, мастер”.

Тогда Секито сказал: “В Козей живет знаменитый мастер дзен Басё. Ты видел его?”

“Да, видел”, – ответил монах.

Тогда мастер, указывая на большое бревно, лежащее неподалеку, задал самый необычный вопрос: “Мастер Басё похож на это?”

К несчастью, монах, при всех своих способностях к дзен, не мог быть ровней Секито. Он только моргал и не мог произнести ни слова.

Удивленный, он прошел весь обратный путь в Козей, встретил великого учителя Басё и рассказал ему об этом случае.

Выслушав, Басё спросил: “Бревно, которое ты видел, было маленькое или большое?”

“Очень большое”, – ответил монах.

“Ты человек великой силы”, – неожиданно произнес Басё.

“Почему, мастер?” – поинтересовался монах, не зная, как это понимать.

Тогда Басё сказал: “Весь путь от Секито ты нес такое большое бревно! Поистине, ты человек великой силы, не так ли?”

Маниша, прежде чем обсуждать эту историю о дзенском мастере по имени Секито, что значит “каменноголовый”, я должен ответить немецкому журналу “Квик”. А что касается каменноголового, то он стоит за тобой – дзенский мастер Нискрия. Можно ли найти более каменноголового?

(Не отрываясь от своей камеры, Нискрия робко выглядывает на секунду, затем снова возвращается к камере.)

Журналу “Квик” нужен быстрый ответ. Поскольку я говорил о едином мире, едином человечестве, я знал, что какой-нибудь идиот задаст этот вопрос. Журнал “Квик” спросил: “Если бы вы предложили себя в качестве императора всего мира... вы можете править, отдавая восемнадцать часов в сутки сну, но это будет во сне”.

Это поднимает много вопросов. Я говорил о едином мире, но никогда не имел в виду, что буду императором этого ненормального мира. Иисус ответил за меня: “Царство мое не от мира сего”.

За пределами маленького ума политика находится необъятная вселенная – и те, кто стал собой, становятся также императорами этой вселенной. Между Басё и Буддой нет конкуренции. На высочайшем пике сознания нет конкуренции, каждый – император.

Так что, во-первых, я хочу напомнить журналу “Квик” и его читателям, что я уже император своего собственного сознания. Я не хочу спускаться со своих вершин в темные равнины вашей бессознательности. Но я могу указать путь, чтобы вы тоже могли стать императорами. Чтобы быть императором, не нужна империя – только просветление. Это единственная империя, которая остается. Все остальные империи сделаны из той же материи, что и сны.

Что касается меня, то даже во сне я не согласился бы стать императором этой психбольницы, которую вы называете миром.

Во-вторых, необходимо понять, что мои восемнадцать часов сна качественно отличаются от вашего сна, так же, как часы моего бодрствования имеют иное качество, нежели ваши. Я бодрствую даже во сне, а вы крепко спите, даже бодрствуя. Не забывайте об этом!

Мои высказывания о едином человечестве, едином мире не предполагали никакого императора. Мир измучен людьми, которые хотели быть императорами – Александр, Чингисхан, Тамерлан, Адольф Гитлер. Пришло время понять, что миром может управлять только что-то вроде Организации Объединенных Наций, в которой будут представлены все уголки Земли. Из различных слоев человечества можно выбрать наиболее разумных людей, чтобы они соединили свои руки – не для того, чтобы выбрать императора, но чтобы

создать разумный комитет, в котором могут быть художники, ученые, поэты – исключая только политиков.

Творческих людей не интересует господство, они хотят творить. В каком бы измерении ни находилось их творчество... это может быть наука, живопись, музыка, поэзия. Это может быть все, что украшает и обогащает мир – делает его нормальнее, интеллигентнее, комфортабельнее, богаче в любом отношении.

Дни, когда личности становились императорами, прошли. Только комитет, состоящий из представителей разной творческой интеллигенции, может служить миру. Не нужно даже слово “управлять”.

Если Объединенным Нациям – возможно любое другое название, которое вы дадите – дать все армии мира, естественно, им придется распустить солдат, потому что для кого вы будете держать такие громадные армии? ... миллионы людей, без всякой нужды марширующих “левой, правой”. Для кого вы будете копить ядерное оружие?

В моей концепции единого мира нет места императору. Я отвергаю, полностью и категорически, самую идею личности, правящей миром, – включая самого себя.

Никто не имеет права управлять кем-либо. Да, вы можете служить. И я служу по-своему. У меня есть своя империя, свои люди, которые всячески пытаются достичь Гималайских пиков сознания.

Возможно, бедный журналист, написавший этот вопрос в “Квик”, не сможет этого понять. Дни императоров и империй прошли. Мир нуждается в том, чтобы все творческие люди объединились; забудьте саму идею о мировом императоре. Вся история была полна убийств и войн из-за этого ненормального желания доминировать.

Все мое учение в том, чтобы просто быть собой, никогда не вмешиваться в чужую свободу. Свобода – моя высшая ценность, мой бог.

Теперь о дзенском мастере Секито, что означает “каменноголовый”.

Нискрия, почему ты сел? Встань, пусть все увидят, что значит иметь каменную голову!

(Нискрия встает и поворачивается к собранию, которое с энтузиазмом аплодирует его голове!)

Хорошо, садись.

Некогда жил дзенский мастер по имени Секито, что означает “каменноголовый”, названный так потому, что он построил хижины на высоком плоском камне, который он нашел на горе, и жил там. Однажды молодой монах, проходящий обучение, пришел к нему.

Секито спросил: “Откуда ты пришел?”

Монах ответил: “Из Козей, мастер”.

Тогда Секито сказал: “В Козей живет знаменитый мастер дзен Басё. Ты видел его?”

“Да, видел”, – ответил монах.

Тогда мастер, указывая на большое бревно, лежащее неподалеку, задал самый необычный вопрос: “Мастер Басё похож на это?”

К несчастью, монах, при всех своих способностях к дзен, не мог быть ровней Секито. Он только моргал и не мог произнести ни слова.

Удивленный, он прошел весь обратный путь в Козей, встретил великого учителя Басё и рассказал ему об этом случае.

Выслушав, Басё спросил: “Бревно, которое ты видел, было маленькое или большое?”

“Очень большое”, – ответил монах.

“Ты человек великой силы”, – неожиданно произнес Басё.

“Почему, мастер?” – поинтересовался монах, не зная, как это понимать.

Тогда Басё сказал: “Весь путь от Секито ты нес такое большое бревно! Поистине, ты человек великой силы, не так ли?”

Басё говорит не о бревне. Он говорит о мысли, которую бедный монах нес с одной горы на другую. Секито имел в виду не бревно. Он просто говорил: *Это*. Там просто случайно оказалось бревно. Но он указывал на *это*, а не на бревно.

Монах упустил смысл. Он подумал: возможно, Басё сможет объяснить. Но он снова упустил, потому что Басё говорил не о бревне, не о Секито, но о силе этого монаха – что, казалось бы, абсолютно неуместно.

Но Басё прав. Он говорит: “Напрасно ты нес такую тяжесть с одной горы на другую”. Секито показывал не на бревно, он намекал на зловещесть вещей, на таковость вещей.

Весь дзен сосредоточен на *этом*...

Справка:

О Басё – также называемом Ма Цзы – рассказывали как о человеке необычного вида. “Он ходил, как корова, и смотрел, как тигр. Он мог языком коснуться носа и носил два кольца на подошвах ног.” Его главными учениками были Якудзю, – мы говорили о нем вчера, – и Нансен, – о нем мы тоже говорили. – В целом число его учеников превышало сотню.

Сто человек стали просветленными под руководством Басё. Он побил даже Гаутаму Будду. Он побил даже Бодхидхарму. но его метод был так же уникален, как его стиль. Вы поняли, что он ходил, как животное? – это означает естественность, невинность, это означает, что не голова, но только сердце может понимать без разговоров, может понимать без единого слова.

Он, несомненно, был одним из самых странных мастеров, когда-либо ходивших по земле. Никто не ходил, как корова; за десять тысяч лет ни один индуист – а они поклоняются коровам – не пытался ходить, как корова.

Но не поймите это неправильно. Это показывает его мягкость, это показывает его материнство, это показывает его женскую восприимчивость. Но он также смотрел, как тигр. С теми, кто мог понять мягкость, он был мягким, но он был суров для тех, кто может понять только суровость. Именно по этой причине он был мастером многих.

Басё был просто коровой. Бодхидхарма был просто тигром. У Басё было сердце коровы, такое мягкое, что он писал лучшие стихи в мире. Его рисунки невероятно красивы. В его словах вмещается сама истина. Но если вы хотели быть учеником и искали того, кто может отрубить вам голову, Басё был самым подходящим человеком. Чтобы показать его необычность, история говорит: *Он мог языком коснуться носа.*

Это очень трудно. Я знаю только одного человека – а я ездил по всему миру, – который мог шевелить мочками ушей. Вы когда-нибудь пробовали? Это абсолютно невозможно, потому что нет таких нервов, которые доходили бы до мочек ушей. Ничего не поделаешь – это так. Ослы могут это делать, а вы – нет.

Этот человек был моим приятелем по университету. Он стал знаменит только из-за того, что мог по собственной воле шевелить ушами. Когда его представили мне, я сказал: “Это ерунда, потому

что я видел множество ослов, которые делают это. В этом нет ничего ценного. Брось это”.

Он сказал: “Ты первый человек... Вместо того чтобы оценить, ты называешь меня ослом”.

Я сказал: “Это и есть моя оценка. У ослов такие длинные уши, и они так легко шевелят ими”.

Я видел нескольких человек, которые могли коснуться языком носа; в основном они принадлежат некой школе йоги. Существует глупая идея, что, если вы сможете коснуться языком носа, вы станете бессмертным. И некоторые идиоты годами стараются удлинить свой язык, подвешивая на него тяжести. Я даже видел людей, которые подрезали язык снизу, там, где он прикрепляется, чтобы он стал более подвижным, и они могли бы дотянуться до носа.

Но, коснувшись носа, вы не коснетесь вечности. Любой человек может коснуться вашего носа.

Когда я входил, я прикоснулся к носу Авирбхавы. Любой может ущипнуть вас за нос. Нос – не бессмертие. Но Басё, просто ради игры, касался языком носа, говоря: “Не принимайте религию всерьез. Принимайте ее как можно игривее”.

Монах спросил Басё: “Что есть Будда?”

Басё ответил: “Ум есть Будда”.

Монах спросил: “Что есть путь?”

“Не-ум есть путь”, – ответил Басё.

Какой великий и красивый ответ! Даже Будда – это мысль вашего ума. Даже Будда сказал: “Если я появлюсь на пути вашей медитации, немедленно отрубите мне голову, удалите меня”. Именно это говорит Басё: Будда – это ум; не-ум – это путь.

Затем монах спросил: “Будда и путь – это что-то разное?”

Басё ответил: “Будда подобен протянутой руке, путь подобен сжатому кулаку”.

Открытая или закрытая рука – не две вещи, хотя и кажутся двумя. Просто позвольте уму быть тихим и спокойным, и вы вошли в не-ум.

Никакой разницы нет. Разница лишь в раскрытой руке и кулаке. Не такая уж большая разница, нельзя даже назвать ее разницей. И все же *кажется*, что они разные. Но это только кажется.

Маниша спрашивает:

Возлюбленный Ошо,

Дзен бескомпромиссен более, чем любое другое понимание жизни. Не помогут ни интересные объяснения из головы, ни изменчивые выражения сердца. Либо ты пережил, либо нет. Среднего пути не существует.

Не мог бы ты прокомментировать?

Маниша, никакого пути нет – ни среднего, ни крайнего.

Путь означает расстояние.

А ты уже здесь.

Я учу вас не-пути,

просто расслабьтесь – и вы здесь.

Не нужно даже ступать на какой-то путь.

Прежде чем мы войдем в *это*, бамбук просит немного смеха. Вы не можете быть жестоки к бедному бамбуку.

Старая Дейзи Смит умирает и появляется в Жемчужных Вратах. Ее встречает святой Петр.

– Вы можете устраиваться так, как захотите, – говорит он.

– Мне хотелось бы быть вместе с моим мужем, который умер много лет назад.

– Хорошо, – говорит Петр. – Как его зовут?

– Джон.

– Боже мой, – кричит Петр, – у нас здесь сотни Джонов Смитов.

Есть ли в нем что-нибудь особенное?

Дейзи немного думает, затем говорит:

– Да, есть. Перед смертью он сказал мне, что если я ему изменю, он перевернется в гробу.

– Ага! – говорит Петр. – Я знаю его... Это тот парень, которого мы зовем “Вертящийся Смит”.

Ковальский устраивается работать на лесопилку, но на первое же утро зовет начальника и говорит:

– Босс, пила отрезала мне палец.

– Как же это случилось? – спрашивает начальник.

– Не знаю, – говорит Ковальский. – Я просто притронулся к ней вот так... Черт! Мой второй палец!..

Ковальский неожиданно приходит с работы раньше времени и поднимается в спальню. Его жена Герти лежит на кровати, голая, раскрасневшаяся, и держится рукой за сердце.

– Боже мой! – кричит Ковальский. – Что происходит?

– О! – стонет Герти. – Позвони доктору. Кажется, у меня сердечный приступ.

– Что? – кричит Ковальский. Он разворачивается, бежит вниз к телефону и вызывает доктора Боунса.

В это время маленькая дочка подходит к нему и тянет за рукав.

– Папа, – говорит она. – В туалете прячется голый мужчина.

– Что? – кричит Ковальский.

Он бросает трубку, устремляется в спальню, открывает дверь туалета и видит своего лучшего друга, совершенно голого.

– Джордж! – кричит Ковальский. – Как тебе не стыдно! У моей жены сердечный приступ, а ты тут пугаешь маленьких детей!

Теперь, Ниведано, первый удар, чтобы все полностью сошли с ума в джибберише.

Ниведано...

Все погружаются в абсолютную тишину.
Соберите свою энергию внутри себя.
Закройте глаза, никакого движения.

Это.

Это.

Тысячу раз это.

Ниведано...

Расслабьтесь.
Просто будьте.

Ниведано...

Вернитесь к жизни.
Даже бамбук молчит.

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

VI ПАЛЕЦ, УКАЗУЮЩИЙ НИЧТО

1 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

“В древние времена были шестнадцать бодхисатв. В положенное время, следуя правилу, они совершали омовение. Внезапно они испытали реализацию, коснувшись воды. Почтенные студенты дзен, понимаете ли вы их слова?”

– Мы почувствовали легкое и ясное прикосновение, достигли буддовости и до сих пор храним ее. Вы сможете достичь этого состояния, семь раз проткнув и восемь раз словав.”

Маниша, прежде чем обсуждать эту историю, я должен подготовить основу.

Во-первых, буддовость – ваша природа. Если вы достаточно чувствительны, вы можете осознать ее через любое чувство: через осязание, вкус, глаза, уши. Ведь это находится не снаружи, это только вопрос глубокой концентрации; и тогда любое чувство, преобладающее в вас, станет откровением.

Помните, каждый человек обладает различными чувствами различной интенсивности. Кто-то может больше видеть – лишь тогда он может стать художником. Большинство людей не могут видеть так, как художник. У кого-то музыкальные уши, не такие, как у всех. Чем тоньше музыка, тем более тонкий слух понадобится.

Мне вспомнился великий танцор, Нижинский, который в танце прыгал на такую высоту, которая с точки зрения науки невозможна. Эти прыжки противоречат гравитации. Вы можете допрыгнуть только до определенного предела. Видеть прыгающего Нижинского было настоящим чудом – как будто он не подчиняется притяжению, как будто он стал таким легким, что освободился от гравитации.

Еще большим чудом было его приземление. Если что-то падает на землю, оно падает с силой, гравитация притягивает его. Вы не можете сопротивляться, это не в вашей власти. Если вы падаете с какой-то высоты, не в ваших силах уменьшить или прибавить скорость. В ваших руках нет спидометра.

А Нижинский падал как перышко, снова показывая, что гравитация не действует. Конечно же, его снова и снова спрашивали: “В чем секрет?”

Он говорил: “Не спрашивайте, потому что, когда я пытаюсь сделать это, у меня не получается. Я не могу прыгнуть на такую высоту, я не могу падать как перо. Но, танцуя, я иногда забываю себя, и это вдруг случается. В тот миг, когда меня нет – чудо! Я не могу раскрыть вам секрет, потому что он не в моей власти”.

Нижинский не был мистиком, но переживал мистическое состояние. Он не был философом; поэтому он не мог дать никаких объяснений. Он просто говорил – предельно искренне и просто: “В танце наступает момент, когда я не нахожу себя нигде. Все, что происходит в этом состоянии – не мое дело”.

Вы можете пережить буддовость, просто сидя в тишине, или когда так любите, что ваши руки сливаются в любви; или когда вы так тотальны в любом действии, что ваше я исчезает и остается только то, что есть.

“Естьность” – другое название буддовости.

Это всегда внутри вас, вопрос в том, через какую дверь вы войдете.

В этой истории говорится:

“В древние времена были шестнадцать бодхисатв. В положенное время, следуя правилу, они совершали омовение. Внезапно они испытали реализацию, коснувшись воды.”

Не думайте, что это просто история. Если вы по-настоящему живы и ваше касание тотально, вы можете стать просветленным даже стоя под собственным душем. Эту историю некий учитель рассказывает каким-то ученикам. Он говорит: “Почтенные студенты дзен...” Естественно, это не диалог двух мастеров, это разговор между учителем и студентом.

“Мы почувствовали легкое и ясное прикосновение, достигли буддовости и до сих пор храним ее. Вы сможете достичь этого состояния, семь раз проткнув и восемь раз сломав.”

Семикратное протыкание означает прохождение через все ваши слои, которых насчитывается семь. Лишь тогда вы можете достичь центра. И вам придется сделать это восемь раз! Вопрос не в этом – почему восемь? ... это просто опыт: пока вы не проникнете восемь раз через семь слоев своего ума, вы не узнаете, что такое ваше внутреннее существо.

Вчера я получил результат научных исследований, который удивил ученых – он удивит кого угодно. Исследование проводилось среди студентов с целью проверить их разумность. В течение теста устанавливались датчики, фиксирующие деятельность внутри мозга. Был получен результат, приводящий в замешательство: чем меньшую активность показывали датчики, тем выше был уровень разумности. Это абсолютно противоречит традиционной идее о том, что более активный ум должен быть более разумным.

До сих пор это предубеждение существовало даже в научных кругах. Однако эти исследования подтверждают то, что всегда говорили мистики: не-ум есть разумность.

Рассматривая результат этих исследований, вы можете увидеть две вещи: чем меньше активность, тем выше разумность. Естественным выводом будет: никакой активности – абсолютная разумность. Но даже ученые, проводившие исследования, не пришли к заключению, к которому пришел я.

Не-ум означает разумность; ум означает джиббериш, а не разумность. И когда я прошу от вас джиббериш, я просто прошу выбросить весь ум со всей его активностью, чтобы за ним остались вы – чистые, ясные, прозрачные, восприимчивые.

Другое сообщение я получил из института в Америке. Этот институт готовит киноактеров. Директор, должно быть, читал мои книги, потому что он заставляет каждого студента института делать Динамическую медитацию, Кундалини и джиббериш. И даже те люди, которые поступали туда только для того, чтобы учиться актерскому мастерству, как ни странно, чувствуют после джиббериша нечто необычайное – тишина из неведомого нисходит и переполняет их.

Комментарий Сетзё:

*Просветленный – это мастер
одной-единственной вещи:*

Спокойно лежать в своей постели.

*Если, во сне, древние говорили,
что они просветленные,*

*Пусть они выйдут сухими из ароматной воды,
и я плюну на них!*

Сетзё слишком большой интеллектуал. Он не может понять, он подобен слепому, комментирующему свет.

Небольшая справка:

Шестнадцать бодхисатв...

В Сурангама-сутре – древнем буддийском писании – есть эпизод, где двадцать пять бодхисатв делятся своим опытом достижения осознания.

Сначала встает Кёчинньо и еще четверо – первые пять учеников Будды, – и они описывают свои пути к реализации.

Кёчинньо говорит: “Что касается моей реализации, первопричиной ее был пейзаж, который я увидел”.

Если вы действительно можете увидеть красивую розу или прекрасный закат, полностью, тотально, вам не нужно никакой другой дисциплины, чтобы стать буддой. Но видение должно быть тотальным, предельным и безусловным.

Вторым говорит Кёгон Доджи: “Обоняние аромата было причиной моей реализации”.

Третьими Якуо и Якудзе называют причиной своей реализации вкус.

Четвертыми в этой истории поднимаются Баддабара и еще пятнадцать. Они почтительно кланяются Будде, и Баддабара говорит: “Прежде мы услышали проповедь Йон-о, первого будды, и стали монахами. В положенное время, следуя правилу, мы вошли в ванную. Внезапно мы испытали реализацию, коснувшись воды. Мы не смывали грязь, не омывали тело. Мы обрели покой ума и достигли состояния нестяжания”.

Вышеупомянутый будда по имени Баддабара говорит: “Вы почувствовали легкое и ясное прикосновение, достигли буддовости и до сих пор храним ее”. Ответ на ваш вопрос, таким образом, состоит в том, что касание было первопричиной нашей реализации”.

Другие бодхисатвы, в свою очередь, рассказали о своем опыте, и в конце бодхисатва Каннон сослался на важность, в его случае, “слушания звука”.

Все ваши чувства – двери; и помните, одна и та же дверь может открываться как наружу, так и внутрь. При помощи того же органа чувств, которым вы слышите внешнюю музыку, вы можете услышать и музыку своего собственного существа. Вопрос простой: идете ли вы внутрь, или наружу; дверь одна и та же.

Маниша спрашивает:

Возлюбленный Ошо,

Хотя я не совсем уверена в том, что такое интуиция, я догадываюсь, что между интуицией и дзен есть некая связь. Так ли это?

И если это так, можно ли разбудить интуицию через любое чувство, даже через мышление?

Нет, Маниша. Мышление не способно разбудить интуицию. Интуиция... само слово противоречит мышлению. Мышление приходит извне, интуиция расцветает как цветок из вашего сокровенного ядра.

Мышление не может сделать этого, но этот бамбук – может, этот палец, указующий ничто – может, эта тишина, царящая здесь, может сделать это.

Мышление – помеха, оно не может разбудить ваше внутреннее существо.

На самом деле, оно мешает пробуждению.

Когда вы видите красивый закат, немедленно приходит мысль и мешает. Она говорит: “Как красиво, какой красивый закат!”, – и это препятствует закату проникнуть в вас и поразить самое ваше существо.

Если вы можете слушать этот бамбук без единого слова, вы пришли домой.

Маниша спрашивает:

Может ли “интуитивное озарение” быть квантовым скачком познания, а просветление – квантовым скачком существа?

Интуиция и просветление – не две вещи. Ваш внутренний центр есть ваше просветление. Не то, что вы становитесь просветленным, вы и есть просветленный, но ваше мышление мешает вам осознать это. Нужен квантовый скачок:

из мышления в не-мышление,
из ума в не-ум,
из внешнего во внутреннее,
из “там” в здесь,
из “тогда” в сейчас.

Прежде чем войти в квантовый скачок, бедный бамбук просит немного смеха.

Студенческая демонстрация заканчивается дракой.

Внезапно из толпы, шатаясь, выходит человек с бесчувственной девушкой на руках.

– Эй, – кричит полицейский, устремляясь к нему. – Давайте ее мне, я унесу ее отсюда!

– Пошел к черту! – отвечает человек. – Пойди и найди себе сам!

Мужчина с избыточным весом идет к своему врачу.

– Я хотел бы похудеть, – говорит он, – но давать мне диету бесполезно. Я пробовал раньше, диеты мне никогда не помогали.

– Все, что могу предложить, – говорит доктор Боунс, сморщив нос, – это одна необычная индийская техника, пока еще не опробованная. Никакой диеты. Ешьте все, что хотите; но каждую ночь вы должны иметь не меньше четырех диких, необузданных, страстных сексуальных контактов. Хорошо? Возвращайтесь домой, увидимся через месяц.

Проходит месяц, и пациент возвращается.

– Сколько вы сбросили?

– Около двух фунтов.

– И сколько раз за этот месяц вы занимались сексом?

– Пятнадцать, – отвечает пациент.

– Боже мой! – кричит Боунс. – Но этого мало!

– Может, и так, – отвечает мужчина, – но для католического священника в маленьком городке это даже слишком много!

Многие люди не понимают, что такое чудо. Пэдди – один из них; и, как ни старается отец Мерфи объяснить ему это, Пэдди никак не может понять.

– Отец, – говорит он, – может быть, покажете мне пример?

– Хорошо, Патрик, – говорит священник. – Повернись.

Пэдди поворачивается, и отец Мерфи хорошенько пинает его.

– Ну как, Патрик, – интересуется он, – ты почувствовал?

– Еще бы, – отвечает Пэдди, потирая задницу.

– Так вот, Патрик, – продолжает отец Мерфи, – если бы ты не почувствовал, это было бы чудо.

Молодого моряка выбрасывает на берег острова, населенного людоедами.

У людоедов пост, и их вождь объявляет, что они подарят моряку жизнь, если он пройдет три испытания.

– В первом шалаше стоит кувшин крепчайшего напитка, – говорит вождь. – Ты должен выпить его. Во втором шалаше сидит лев, у которого болит зуб. Ты должен выдернуть его. В третьем шалаше находится нимфоманка. Она уже замучила до смерти двоих мужей, которые пытались удовлетворить ее. Ты должен ублажить ее дважды!

Моряк пожимает плечами и идет в первый шалаш. Через пять минут тишины он выходит, пошатываясь, и идет во второй шалаш. Раздаются крики и стоны, и, наконец, он выползает оттуда, весь в синяках и ссадинах. Поднявшись на ноги, он оглядывается по сторонам и спрашивает:

– Ну и где эта девочка с больным зубом?

Теперь, Ниведано, ударь в барабан, и все погружаются в полный джиббериш. Не жалейте ничего.

Все погружаются в абсолютную тишину.

Просто соберите свою энергию внутри,
закройте глаза...

Это, это, тысячу раз это!
Даже бамбук замолчал.

(Некоторые из стеблей бамбука все-таки продолжают шуметь.)

Лишь немногие из них – какие-нибудь Сетзё –
продолжают комментировать.

Ниведано...

Расслабьтесь.
Расслабьтесь, как будто вы мертвы.

Ниведано...

Теперь вернитесь из мертвых.
Все вернулись к жизни?

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

VII ЗАЧЕМ БЫТЬ НИЩИМ?

2 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Был монах, обучавшийся у Дого, по имени Сошин. Это был искренний молодой монах, достойный своего имени, которое означает "почитать и верить". Он был весьма огорчен: с тех пор, как он пришел в монастырь учиться, его учитель, Дого, не сказал ему ни слова наставления или одобрения.

Однажды Сошин, не в силах больше выносить это, пошел к учителю Дого и спросил: "С тех самых пор, как я пришел в этот монастырь, вы ни разу не смилостивились наставить меня. Что может быть причиной?"

Мастер дал ему ответ, которого он ожидал меньше всего: "Почему же? С тех пор, как ты пришел в мой монастырь, я не упустил ни одного мгновения, чтобы учить тебя".

"Какие же наставления вы давали мне, мастер?" – спросил Сошин.

"Ну, ну! Если ты приносил мне чашку чая, неужели я не принимал ее? Если ты готовил мне пищу, неужели я не ел ее? Если ты приветствовал меня со сложенными руками, неужели я не кланялся тебе в ответ? Разве я упустил хотя бы один случай наставить тебя?"

Сошин, слушая это, низко опустил голову и некоторое время не мог произнести ни слова. Внезапно оглушительный крик мастера, как будто тот хотел выругать его, потряс все существо Сошина. Дого сказал: "Когда видишь, смотри прямо! Если мысль движется, это потеряно!"

Тогда Сошин издал непреднамеренный крик "О!" и упал ниц перед учителем в слезах – сам не зная, радости или печали.

Маниша, дзен – это жизнь, а не философия о ней. Это истина, а не теология, система верований. Это прямой и немедленный опыт. Если вы хоть чуть-чуть уходите в мышление – а любое мышление есть движение, только не-мышление есть покой... Будьте безмолвны, и вы поймете не только дзен, вы поймете самую суть существования.

Философы ходят вокруг да около, у них множество тем для обдумывания, обсуждений, споров. В дзен есть лишь одно: прямое озарение, непосредственное столкновение с собой. Все остальное – просто комментарий.

Эта прекрасная история объяснит это вам. Не двигайтесь, это не то, что вы должны обдумывать; просто слушайте непосредственно. Вопрос не в том, верить или не верить, принимать или не принимать. Просто слушайте, словно вы слушаете звук бегущей воды.

Был монах, обучавшийся у Дого, по имени Сошник. Это был искренний молодой монах, достойный своего имени, которое означает "почитать и верить". Он был весьма огорчен: с тех пор, как он пришел в монастырь учиться, его учитель, Дого, ни сказал ему ни слова наставления или одобрения.

У Сошника прекрасное имя, но это неподходящее имя для ученика. Оно означает почитание и веру. Не нужна ни вера, ни почитание. Сошник должен исчезнуть в предельном отсутствии. Тогда бы он не стал спрашивать мастера: "Я так давно здесь, и это становится невыносимо. Вы не дадите мне никаких наставлений, никаких поучений, никаких проповедей".

Каждый человек находится в таком бедственном положении. Он надеется, что кто-то другой даст ему истину. Таков ум верующего. Истина открыта только восприимчивым, а верующий никогда не бывает восприимчивым. У верующего есть его вера, которая является барьером, предрассудком – тюрьма есть тюрьма, какой бы красивой она ни была.

Вопрос почитания не стоит. Вы не можете коснуться собственных ног. Подлинный ученик не верит и не ищет, кому бы поклоняться или кого бы ему почитать. Все его усилия направлены на исследование собственного бытия. Он никогда не будет недоволен.

Не нужно никакой выносливости, не нужно ничего ждать. Истина изливается на вас с каждым вздохом, с каждым ударом вашего сердца.

Нет ничего, кроме истины.

Вы утопаете в ней.

Однажды Сошник, не в силах больше выносить это, пошел к учителю Дого и спросил: "С тех самых пор, как я пришел в этот

монастырь, вы ни разу не смилостивились наставить меня. Что может быть причиной?"

Очень логичный, рациональный вопрос. Но дзен не логичен и не рационален. Он экзистенциален. Логика, причинность... все это ваш джиббериш. Тишина за пределами всякой логики и причинности. Она просто есть.

Мастер дал ему ответ, которого он ожидал меньше всего: "Почему же? С тех пор, как ты пришел в мой монастырь, я не упустил ни одного мгновения, чтобы учить тебя".

"Какие же наставления вы давали мне, мастер?" – спросил Сошник.

"Ну, ну! Если ты приносишь мне чашку чая, неужели я не принимал ее? Если ты готовил мне пищу, неужели я не ел ее? Если ты приветствовал меня со сложенными руками, неужели я не кланялся тебе в ответ? Разве я упустил хотя бы один случай наставить тебя?"

Вы видите разницу? В мире миллионы учителей, но очень немногие смогут хотя бы понять, что говорит Дого.

Он говорит: "Если бы ты присутствовал в настоящем, ты увидел бы, с каким изяществом, с какой благодарностью я принимаю чашку чая, которую ты принес. Одно-единственное мгновение осознанности могло сделать тебя просветленным".

Сошник, слушая это, низко опустил голову и некоторое время не мог произнести ни слова.

Ему было стыдно – не понимать такого сострадательного мастера, который учил его каждый миг, изо дня в день. Конечно, без всяких слов, просто его присутствие... Это признак величайших мастеров.

Внезапно оглушительный крик мастера, как будто тот хотел выругать его, потряс все существо Сошника. Дого сказал: "Когда видишь, смотри прямо! Если мысль движется, это потеряно!"

Тогда Сошник издал непреднамеренный крик "О!" и упал ниц перед учителем в слезах – сам не зная, радости или печали.

Это просветление. Внезапно открываются все тайны, и его больше нет – как же он может знать, от радости или печали эти слезы?

Это необычайно прекрасная история, которую стоит понять каждому из вас.

Сегодня утром Девагит лечил мне зубы. Впервые за многие годы, вставая с кресла, я спросил его: “Ты доволен?” – потому что видел: он недоволен, что не смог сделать все, что ему хотелось.

Вечером я сказал, чтобы он заканчивал, потому что кто знает, что будет завтра? Я могу умереть, и тогда лечить мне зубы будет абсолютно незачем. Он старался, как мог, но я – мастер, который учит всех присутствию в каждый момент. И даже близкие мне люди все время спрашивают: “Ты любишь меня, Ошо?”

Я не могу иначе. Это не вопрос ваших качеств, моя любовь безусловна. Но я понимаю нищету человеческого сердца. Оно продолжает спрашивать: “Нужен ли я?” А пока вы не свободны от желания быть нужным, вы не узнаете свободы, не узнаете любви, вы никогда не узнаете истины.

В связи с этой историей я должен доложить вам: Шунья все время старательно работает, заботится о том, чтобы мне было хорошо, но по-прежнему спрашивает меня: “Ты любишь меня?” Я сижу в кресле зубного врача, а она спрашивает: “Ты любишь меня?” А я обещал дантисту, что не буду говорить... но это невозможно.

Поскольку я не сказал: “Я люблю тебя”, она, должно быть, так огорчилась, что забыла повесить в ванной полотенце. Мне пришлось мыться без полотенца. Позже, когда я спросил ее об этом, она сказала: “Извини”.

Но это не только ее ситуация. Почти все находятся в такой ситуации. А все, чему я учу – это то, что вы должны уважать себя. Это унижение собственного достоинства – спрашивать об этом, и особенно мастера, чья любовь уже отдана вам. Зачем быть нищим? Моя задача – сделать вас императорами.

В тот день, в тот миг, когда вы понимаете невероятное блаженство присутствия, больше ничего не нужно. Вас достаточно. Возникает великая радость: “Ага! Боже мой! Я всегда был здесь и искал повсюду!”

Один монах спросил Дого: “Что глубочайшее?”

Дого спустился со своего места, почтительно поклонился на женский манер и сказал: “Ты пришел из такого далекого места, а у меня нет ответа для тебя”.

Он ответил, но у него нет ответа в словах. Вы видите эту необычайную красоту? В Японии мужчины и женщины кланяются друг другу по-разному. Конечно, женщины делают это более любовно, смиренно, сердечно; этот поклон – не социальное явление, он исходит из самого существа.

Дого спустился со своего места, почтительно поклонился на женский манер...

Именно это нужно понять: *на женский манер*. Смирненно, любовно, просто... нет ничего глубже этого изящества. Он ответил; но, видя, что монах не понял, он говорит: “Ты пришел из такого далекого места, а у меня нет ответа для тебя”.

И снова великое сострадание мастера: вместо того, чтобы сказать ему: “Не задавай глупых вопросов”, он принимает собственное невежество. Он говорит: “У меня нет ответа”, – хотя и ответил. Но он ответил на экзистенциальном языке. Таково было величие Дого.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Прошлой ночью ты назвал этот бамбук “бедным бамбуком”. Разве это не самый счастливый бамбук, живущий на Земле? – ведь он слушает того, кто говорит на его языке и знает, что наша тишина каждый миг углубляется вместе с его тишиной?

Маниша, среди этого бамбука есть несколько бедных интеллектуалов, докторов философии, докторов литературы – я ссылаюсь на этих бедных людей. В остальном... посмотри: даже интеллектуалы молчат. Конечно, этот бамбук сейчас – счастливейший в мире, точно так же, как и вы – счастливейшие в мире люди.

Но несколько интеллектуалов не могут устоять. Даже если они видят такое количество безмолвных людей, они продолжают делать заявления. Некоторые из них – журналисты, некоторые – политики. Но остальные абсолютно безмолвны вместе с вами. Теперь вы видите? Даже доктора литературы закрыли рты. Но это не значит, что они молчат. Когда вы замолчите, они начнут болтать.

Интеллектуал неизлечим. Он может быть бамбуком... неважно, в какой форме жизни проявляется сознание.

Мне пришлось назвать этот бамбук бедным, Маниша, потому что, по моему мнению, самые бедные люди в мире – это интеллектуалы, политики, журналисты, люди, у которых нет ничего, кроме власти и денег. Это беднейшие люди, потому что они упускают невероятную возможность радоваться в своем собственном существе и танцевать оттого, что они нашли свое подлинное пространство.

Перед тем, как мы войдем в нашу медитацию, немного смеха поможет вам. Смех – необычайно полезный метод, чтобы стряхнуть всю пыль, которую, не зная о том, собирает каждый человек.

После многих лет службы отец О'Рейли убеждается, что его помощник Патрик Макдилли ворует из ящика для пожертвований. В следующее воскресенье, выслушав исповедь Макдилли, отец О'Рейли говорит:

– Патрик, ты ничего не хочешь добавить к тем грехам, что исповедовал мне?

Ответа нет.

– Хорошо, Патрик, – продолжает отец О'Рейли. – Я спрошу тебя прямо: кто ворует из ящика для пожертвований?

Тишина.

Отец О'Рейли делает еще одну попытку, но ответа снова нет.

Тогда он выходит из исповедальни и говорит Макдилли:

– Слушай, я задал тебе вопрос.

– Забавно, – говорит Макдилли, – я ничего не слышал.

– Хорошо, – нетерпеливо говорит священник. – Поменяемся местами. Я встану здесь на колени, а ты садись на мое место, и мы проверим.

Макдилли садится и спрашивает:

– Кто трахает молодого священника, который только что приехал?

– Забавно, – говорит О'Рейли, вскакивая. – Ты прав, я тоже ничего не слышу.

Пэдди и Син едут на машине домой в Дублин с ирландского праздника дегустации вина. Они явно выпили лишнего.

– Пэдди, мы уже близко от города? – спрашивает Син.

– Да, должно быть, – отвечает Пэдди. Мы сбиваем больше людей.

– Тогда сбавь скорость, – кричит Син.

– Что значит “сбавь скорость”? – говорит Пэдди. – Это ты за рулем!

Арчибальд, многообещающий молодой художник, встает с кшетки, на которой занимался любовью со своей натурщицей, и начинает одеваться.

– Держу пари, ты делаешь это со всеми своими моделями, – говорит девушка, едва дыша.

– Нет, – отвечает Арчи, – ты первая.

– Неужели? – удивляется девушка. – А сколько же моделей у тебя было?

– Всего четыре, – отвечает Арчи. – Лимон, картошка, банан и ты.

Судно стремительно тонет, и капитан вызывает на мостик последних троих членов экипажа.

– Ребята, – говорит он, – то, что капитан должен тонуть вместе со своим кораблем – ерунда. У нас есть шлюпка на троих, и я собираюсь быть в ней. Это значит, что одному из вас придется остаться за бортом. Чтобы выяснить, кто это будет, я задам каждому из вас вопрос. Тот, кто не сможет ответить, останется, идет? Первый вопрос: как назывался непотопляемый корабль, который столкнулся с айсбергом и затонул?

– Титаник, сэр, – отвечает первый матрос.

– Верно, – говорит капитан. – Сколько людей утонуло?

– Тысяча пятьсот два человека, сэр, – отвечает второй матрос.

– Верно, – спокойно говорит капитан. – А теперь третий вопрос: как их звали?

А теперь, Ниведано, первый удар, и все погружаются в джиббе-риш.

Ниведано...

Все погружаются в абсолютное молчание.

Никакого движения, ни в уме, ни в теле.

Просто соберите всю энергию
в глубочайшем

внутреннем существе.

Это.
Это.
Тысячу раз это.
Самая суть дзен...
Это!

Ниведано...

Каждый расслабляется, как будто вы мертвы.

Ниведано...

Вернитесь к жизни.
По-настоящему вернитесь к жизни.
Возможно, некоторые еще мертвы.
Ниведано...

Свежие,
в этот самый момент,
вы – самые благословенные.

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

VIII БЕЗУМНО ТАНЦУЯ ОТ ВЕЧНОСТИ К ВЕЧНОСТИ

3 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Однажды Исан до поздней ночи просидел с Якудзю в тиши горного храма.

– Кто ты? – спросил Якудзю.

– Рейю, – ответил Исан.

– Поройся в очаге, – сказал Якудзю.

Исан сделал то, что ему велели, и сказал:

– Я не нашел ни одного уголька.

Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголь. Он показал его Исану и сказал:

– Вот, смотри!

Исан внезапно стал просветленным. Он низко поклонился Якудзю, который сказал:

– Ты пришел к перекрестку. Как говорит сутра: “Если ты хочешь увидеть природу будды, ты должен наблюдать за временем и причинностью”. Когда придет время, ты осознаешь это – подобно тому, как вспоминаешь нечто забытое. Это нельзя взять у других. Следовательно, когда ты просветленный, это точно так же, как и тогда, когда ты не просветленный – ни ума, ни дхармы. Только если у тебя нет никаких иллюзий и никакого различия между буддой и просветленным, проявляется твоя изначальная природа. Теперь ты достиг ее – заботливо ее культивируй.

Маниша, дзен – самое ваше сердце. Это не достижение, у вас уже есть это. Это только узнавание.

Эта небольшая история имеет огромное значение в сравнении с великими религиозными писаниями, которые говорят так много, не говоря ничего. Эти короткие истории говорят так много, даже не пользуясь словами. Их язык – язык существования, это не иврит, не арабский, не санскрит. Бамбук понимает его точно так же, как и вы – это язык жизни. Только мертвые глухи, и обратное тоже верно: тот, кто глух, мертв.

Однажды Исан до поздней ночи просидел с Якудзю в тиши горного храма.

Вы можете почувствовать эту ситуацию: Исан сидит так близко к Якудзю.

– Кто ты? – спросил Якудзю.

Он не спрашивает имя, он знает его. Исан был одним из самых давних его учеников. Он не спрашивает ничего касающегося его личности, он знает его вдоль и поперек. Он прямо спрашивает: “Кто там внутри, под всей этой одеждой, внутри тела, внутри костей, ума, мыслей; кто там, в твоём сокровеннейшем ядре?”

– Кто ты? – спросил Якудзю.

– Рейю, – ответил Исан.

– Поройся в очаге, – сказал Якудзю.

Исан сделал то, что ему велели, и сказал:

– Я не нашел ни одного уголька.

Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголь. Он показал его Исану и сказал:

– Вот, смотри!

Я тоже хочу сказать вам: вот, смотрите! Вы видите? – эту тишину, эту радость, бормотание бамбука? Видите ли вы пламя вашего существа?

Исан внезапно стал просветленным. Он низко поклонился Якудзю, который сказал:

– Ты пришел к перекрестку. Как говорит сутра: “Если ты хочешь увидеть природу будды, ты должен наблюдать за временем и причинностью”. Когда придет время, ты осознаешь это – подобно тому, как вспоминаешь нечто забытое...

Это необычайно существенно – понять, что вы не потеряли, что вы просто забыли, кто вы. И самое смешное – то, что вы спрашиваете других: “Кто я?” То, что вы знаете о себе – не вы. Знающий внутри вас находится за пределами досягаемости вашего ума, вы не можете думать о нем. Вы можете просто быть этим. И сутра, веду-

щая происхождение от Гаутамы Будды, говорит: “Это воспоминание”.

Наверняка все вы чувствовали когда-нибудь... во всех языках мира существует высказывание: “Это вертится у меня на языке”... имя – вы можете даже видеть лицо, вы уверены, что знаете это имя, оно вертится у вас на языке, но не приходит в голову. И чем сильнее вы стараетесь, тем уже становится пространство, в котором можно вспомнить забытое.

Наступает момент, когда вы бросаете это. Сколько можно, вы же не сведете себя с ума; вы просто идете на утреннюю прогулку или начинаете копать землю в саду, и вдруг, ни с того, ни с сего, вспоминаете это имя. Вы никогда не забывали его.

Тогда что же за механизм мешал ему выйти на поверхность? В этом механизме состоит вся психология будд. Чем сильнее ваш ум заполнен мыслями, напряжением, беспокойством, тем дальше вы от самого себя; как только ум замолкает, вы внезапно центрированы в своем существе.

И нет большего экстаза,
нет большего блаженства,
чем знать, кто вы.

Познать внутреннее пространство –
значит познать все.

Это бесконечная тишина,
но не мертвая,
она живет, со своими песнями,
со своими танцами.

Конечно, они принадлежат совершенно другому слою.

Вы видите Гаутаму Будду, сидящего в позе лотоса: это вид снаружи, фотография. Я вижу его изнутри: он не сидит в позе лотоса, он танцует, как безумный. Его танец продолжается от вечности к вечности, становясь все более сочным. Все больше и больше цветов распускается в его внутреннем существе – даже его молчание благоуханно.

Это не что-то особенное. Якудзю показывает своему ученику, что это самый естественный, простой опыт: просто не требуйте чего-то особенного, и оно – ваше; не пускайтесь в гонку за властью, и оно – ваше; даже не ищите его – и вы уже нашли. Это сама ваша природа; даже если вы пытаетесь как-то ее отбросить, выбросить куда-нибудь, это невозможно.

Не быть буддой невозможно. Да, есть небольшая разница, которую нельзя даже назвать разницей: некоторые будды спят, некоторые – бодрствуют. Те, которые сейчас бодрствуют, раньше спали, а те, которые сейчас спят, в свое время – время зрелости, цветения – станут буддами. Никакой разницы нет.

Необычайно важные слова. Сутра Гаутамы Будды гласит: *“Ни ума, ни дхармы... и никакого различия между буддой и просветленным. Твоя изначальная природа проявляется. Теперь ты достиг ее – заботливо ее культивируй”*.

Даже если вы достигли ее внутри, вы должны вновь и вновь вспоминать об этом, просто из-за своей старой привычки судить, что кто-то просветленный, а кто-то – непросветленный.

Тысячу и один раз у меня спрашивали: “Каковы качества будды?”

Я – не старый традиционный дзенский мастер, иначе любой, кто спрашивает: “Что такое будда?”, заслуживал бы хорошего удара по голове, чтобы проснуться.

К сожалению, здесь нет дзенского мастера Нискрии. Он – первый немецкий мастер дзен. И вы знаете, японский удар – это одно, а немецкий удар неминуемо заставит вас проснуться! Он уехал в Германию, чтобы иметь возможность снова вернуться сюда и помочь тем, кто спит.

Он – реинкарнация Секито, каменноголового. Когда он вернется, я спрошу его: “Ты не хочешь поменять имя, взять свое подлинное имя – Секито, каменноголовый?” Вчера, перед отъездом, он прятал свою голову под китайской шляпой. Но прятать каменную голову не имеет большого смысла. Его посох по-прежнему с ним.

Этот посох появился в традиции дзен как символ: это единственная разница между пробужденным и непробужденным. Стукните хорошенько, и любой проснется. Если вы не можете бодрствовать здесь, где даже барабаны Ниведано становятся просветленными, то это очень досадно.

Справка:

Якудзю был также известен как Пай-Чань. Он стал просветленным, когда учился у Басё вместе с Нансенем.

Басё говорил о нем: “Дзен с Якудзю”.

Говорят, что он был умен и мягок и в нем не было никакого хвастовства. Его пригласили в большой храм на горе Якудзю, от назва-

ния которой он и получил свое имя. Вокруг него собралось множество учеников, среди них такие, как Обаку, также известный как Хуань-По, и Исан.

Маниша спрашивает:

Возлюбленный Ошо,

Когда один человек говорит что-то другому, предполагается, что тот слышит. Никто не будет разговаривать с глухим. Но ты только и делаешь, что говоришь с нами до того, как мы начинаем слушать тебя. Не так ли?

Маниша, это несчастный удел каждого мастера – говорить для тех, кто не может слышать. Чтобы показать это символически, Бодхидхарма – самое известное имя в дзен – девять лет говорил лицом к стене. Собравшиеся сидели за его спиной, не перед ним. Перед ним была просто стена. В течение девяти лет его вновь и вновь спрашивали: “Что ты за человек? Мы слушали многих мастеров, много учителей, много проповедников; они всегда поворачивались к аудитории”.

Со слезами на глазах Бодхидхарма отвечал: “Это безразлично. По обе стороны – глухие стены. По крайней мере, эта стена не разочарует меня – я знаю, что это стена, так что нет вопроса о разочаровании; но если я повернусь к вам и увижу, что вы точно такие же, как эта стена, это будет большим разочарованием. Я подожду людей, открытых, подобно двери, а не закрытых, как стены”.

Его первый ученик простоял за ним двенадцать часов, глубоко в снегу. Не говоря ни слова, он отрубил себе руку, швырнул ее Бодхидхарме и сказал: “Если ты не повернешься ко мне, я отрублю себе голову!”

Бодхидхарма сказал: “Подожди! Ты сделал достаточно”.

Этот однорукий человек стал его первым учеником. Очевидно, что его желание знать было глубже, чем даже желание жить, что его интерес был могучим пламенем, в котором он был готов сжечь себя. Это именно то, что я повторяю вам вновь и вновь: то были прекрасные дни, то были золотые мгновения, когда существовали такие люди, как Бодхидхарма. И он был не одинок – были сотни Бодхидхарм, но мало-помалу они исчезли. Даже в буддийских странах, где рождались эти феноменальные люди, дзен теперь – всего лишь академическая дисциплина.

Я хочу, чтобы мир знал, что это единственное место, где дзен – не академическая дисциплина. Мы пытаемся жить им, мы изо всех сил пытаемся возвратить к жизни этот великий опыт.

Второй вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Я помню, недавно ты говорил о дзен в сравнении с работой Дж. Кришнамурти и Гурджиева; тогда ты сказал – если я правильно поняла, – что там, где Дж. Кришнамурти и Гурджиев работали с активным умом, дзен работал с неактивным умом. Твоя работа, как я слышала от тебя, заключалась в том, чтобы выйти за пределы как активного, так и неактивного ума, чтобы найти трансцендентальное, а именно – сознание.

Маниша, ты услышала меня правильно. Ум имеет две стороны: он может быть активным, может быть неактивным. Но даже в неактивности он есть; неактивность – это задний двор ума. Чтобы быть истинно сознательным, чтобы быть подлинным буддой, нужно преодолеть оба состояния – и активное, и неактивное.

Она также спросила:

Когда мы выполняем джиббериш, за которым следует молчание, мы переживаем сначала активный, а потом неактивный ум? Возможно ли пережить трансцендентальное во время “отпуска себя”? Могут ли у человека возникать моменты сознательности прежде, чем он станет полностью и окончательно сознательным?

Весь метод строится именно так, как ты описываешь.

Джиббериш нужен, чтобы избавиться от активного ума, молчание – чтобы избавиться от неактивного ума, а расслабление – это вход в трансцендентальное.

И не думай, что это нечто особенное, что только особенные люди могут делать это. Ты это делаешь! – нужно просто осознать это. Ты должна осознать факт своего достоинства.

Все общество разрушало вас, травило вас, подрывало, подавляло каждую возможность достижения самого себя. И весь мир против меня, потому что я делаю прямо противоположное: я пытаюсь вернуть в мир индивидуальность, а мир совершенно убил индивидуальность.

Вчера я получил приглашение от маленькой коммуны друзей из Новой Зеландии. У них чудесное место; они прислали фотографии реки, окруженной древним лесом и высокими горами. Там видны целые горные гряды, покрытые снегом. Они хотели, чтобы я приехал и основал там свою коммуну. Они готовы предоставить сколько угодно земли; но они не понимают, что их правительство не пустит опасного человека вроде меня в свою страну. Прежде чем приглашать меня, они должны спросить свое правительство.

Политик – враг человека. Политик представляет прошлое, мертвое, все могилы; а моя работа в том, чтобы поднять из могил даже тех, кто умер давным-давно. Они очень не хотят выходить, но у меня есть свои приемы – я говорю им: “Джиббериш, делайте джиббериш, если вы больше ничего не можете! По крайней мере, это докажет, что вы можете дышать, и с этого можно начинать!”

И помните, когда я говорю о могилах, я говорю о вас.

Прежде чем мы перейдем к этим трем стадиям... Помните, если вы делаете что-то, делайте это тотально; иначе нет смысла! Я подготавливаю почву смехом – это всегда очищает, придает сил; это заставляет вас осознать, что если вы можете смеяться, вы не мертвы.

Фанни идет к своему дантисту с жалобой на зубную боль.

– Очень болит? – спрашивает доктор Флосс, регулируя кресло.

– Да, – отвечает Фанни.

– Хорошо, – говорит Флосс и поворачивается к ассистентке, – мисс Прингл, вы можете оставить нас.

Мисс Принг медленно выходит, и дантист остается наедине со своей пациенткой.

– Дорогая! – говорит Флосс, стискивая ее в объятиях, – мы больше не можем встречаться здесь!

– Но почему? – спрашивает Фанни.

– Потому что у тебя остался всего один зуб!

Фергус Кретчит, семидесятилетний шотландец, ковыляет в свой любимый бар пропустить стаканчик-другой с приятелями.

Он недавно женился на девушке девятнадцати лет; его дружки заказывают ему выпивку и просят рассказать о первой брачной ночи.

– Мой младший сын Кеннет поднял меня на постель, где меня ждала моя милая невеста, – вспоминает Фергус. – На следующее утро трое старших сыновей сняли меня с кровати.

Мужчины, собравшиеся в баре, почесывают затылки и затем спрашивают Фергуса, почему его снимали трое сыновей, в то время как поднимал всего один.

– Ясное дело, – гордо отвечает Фергус, – я отбивался!

Теперь приготовьтесь... Ниведано, первый...

Ниведано...

Абсолютная тишина, закройте глаза,
никакого движения в уме или теле.

Просто будьте
в самом существе.

Это.

Это.

Это самая суть дзен.

Радуйтесь в этом!

Ниведано, второй...

Все полностью умирают.
Даже если мертвый продолжает дышать,
не волнуйтесь – вы мертвы!

Это даст вам вкус трансцендентального.

Ниведано...

Все возвращаются к жизни.
По-настоящему!
Это не смешно – вы все еще мертвы.

Ниведано... хороший удар...

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

IX ДЖУНГЛИ ОГНЕЙ

4 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

До того, как реализовать собственное просветление, Токусан планировал посетить известного дзенского мастера Сошина, который жил на горе в Рютане. Прибыв к подножию горы, Токусан увидел у дороги чайный домик и подумал, что мог бы закусить перед восхождением на гору. Он заказал закуску у старой женщины из чайного домика. "Закуска" по-китайски звучит как "тендзин", что означает буквально "осветить ум".

Старая женщина спросила Токусана:

– Что у тебя в заплечном мешке?

– Там лежит самая драгоценная сутра, она называется Алмазная сутра, – ответил Токусан.

– Неужели! – сказала она. – Тогда у меня есть к тебе вопрос. Если ты сможешь на него ответить, я приготовлю тебе закуску. Если же ты не найдешь удовлетворительного ответа, к сожалению, тебе придется идти без закуски.

Токусан был гордым и самонадеянным ученым. Он ответил:

– Хорошо. Можешь задавать мне любой вопрос.

На это женщина сказала:

– В Алмазной сутре написано, что прошлый ум недостижим; настоящий ум недостижим; и будущий ум недостижим. Ты говоришь, – продолжала старая женщина, – что идешь осветить свой ум. Так какой же ум ты собираешься осветить?

Токусан не мог ответить на вопрос старой женщины. Ему пришлось признать, что он не способен дать ответ, и, вняв предложению старой женщины из чайного домика, он решил изучать дзен у мастера Рютана.

Через некоторое время Рютан и Токусан вместе проводили вечер. Рютан сказал:

– Темнеет. Тебе лучше вернуться к себе.

Токусан пожелал мастеру спокойной ночи и вышел. Через несколько минут он вернулся к мастеру со словами:

– Снаружи так темно!

Мастер зажгет свечу, чтобы дать ее Токусану, но в тот момент, когда Токусан протянул руку и почти взял свечу, Рютан быстро задул пламя.

В этот миг Токусан пробудился и поклонился мастеру.

Дзен даже не экзистенциален, это само существование. Это необходимо понять, потому что в современном мире появилась лишь одна новая философия – экзистенциализм. Жан-Поль Сартр, Ясперс, Серен Кьеркегор, Мартин Хайдеггер и многие другие крупные ученые и интеллектуалы современного мира проповедуют экзистенциализм. Дзен – не экзистенциализм. Он вообще не имеет ничего общего с "измами".

Любой "изм" – это игра ума. Существование – не игра ума. В действительности, чтобы войти в собственное существование, вам придется оставить ум позади.

Маниша, это одна из самых красивых историй.

До того как реализовать собственное просветление, Токусан планировал посетить известного дзенского мастера Сошина, который жил на горе в Рютане. Прибыв к подножию горы, Токусан увидел у дороги чайный домик и подумал, что мог бы закусить перед восхождением на гору. Он заказал закуску у старой женщины из чайного домика. "Закуска" по-китайски звучит как "тендзин", что означает буквально "осветить ум".

Старая женщина спросила Токусана:

– Что у тебя в заплечном мешке?

– Там лежит самая драгоценная сутра, она называется Алмазная сутра, – ответил Токусан.

– Неужели! – сказала она. – Тогда у меня есть к тебе вопрос. Если ты сможешь на него ответить, я приготовлю тебе закуску. Если же ты не найдешь удовлетворительного ответа, к сожалению, тебе придется идти без закуски.

Токусан был гордым и самонадеянным ученым. Он ответил:

– Хорошо. Можешь задавать мне любой вопрос.

На это женщина сказала:

– В Алмазной сутре написано, что прошлый ум недостижим; настоящий ум недостижим; и будущий ум недостижим. Ты говоришь, – продолжала старая женщина, – что идешь осветить свой ум. Так какой же ум ты собираешься осветить?

Токусан не мог ответить на вопрос старой женщины. Ему пришлось признать, что он не способен дать ответ, и, вняв предложению старой женщины из чайного домика, он решил изучать дзен у мастера Рютана.

Через некоторое время Рютан и Токусан вместе проводили вечер. Рютан сказал:

– Темнеет. Тебе лучше вернуться к себе.

Токусан пожелал мастеру спокойной ночи и вышел. Через несколько минут он вернулся к мастеру со словами:

– Снаружи так темно!

Мастер зажгел свечу, чтобы дать ее Токусану, но в тот момент, когда Токусан протянул руку и почти взял свечу, Рютан быстро задул пламя.

В этот миг Токусан пробудился и поклонился мастеру.

Здесь много важных моментов, которые нужно понять как можно глубже. Например, то, что свет не приходит извне. Никто не может дать его вам. Рютан очень добр – он делает это ясным, задувая свечу.

Снаружи тьма, а внутри – там, где есть свет – нет вас. Единственный способ обрести свет – это войти в свое внутреннее существо. Отсюда и название “просветление”.

Вы стали свечой,
которую никто не может задуть.

Вы нашли огонь, который вечен,
само пламя существования.

Все вы – огни. Это только вопрос внутреннего видения. Весь Будда-холл наполнен пламенем. Просто джунгли огней. Снаружи – тьма.

Должен заметить на полях: Запад искал свет снаружи, где его нет. Восток искал свет внутри, где он есть. Но, к несчастью, даже Восток попал в руки Запада. Вся его система образования, его ум больше не принадлежат Востоку.

В настоящее время в мире существует только западный ум: смотреть наружу. Неважно, где вы; это не вопрос географии, это вопрос духовности. Смотрите ли вы внутрь? Тогда вы в самом источнике света. И никакой свет, кроме этого, не может помочь вам рассеять мрак, окружающий вас.

Не говоря ни слова, Рютан все высказал, и Токусан немедленно понял. Задутого пламени было достаточно, чтобы Токусан понял: можно иметь лишь собственный свет, никто не может дать его вам в руки. Либо он у вас есть, либо его нет. И никто ничего не может тут сделать – можно только намекнуть.

В этой истории также важно понять, что у обычной старой женщины столько же внутреннего света, сколько его у величайшего мастера из всех живущих.

Старая женщина, держащая чайный домик у подножия горы, победила великого ученого. Токусан специализировался на Алмазной сутре. Эта старая женщина спросила о самой основе этой сутры. В Алмазной сутре говорится: “Ума нет – ни прошлого, ни настоящего, ни будущего”. Ум – лишь сон спящего сознания. Проснитесь, и ум исчезнет.

Старая женщина, обычная безымянная женщина, ставит перед ученым трудную задачу. Она говорит: “Ты говоришь, что собиравшись осветить свой ум”, – потому что слово “закусить” по-китайски означает также “осветить ум”.

Эта женщина, на первый взгляд самая обычная, должно быть, была выдающейся. Она спрашивает: “Какой ум? Прошлый? Его больше нет. Будущий? Его еще нет. А если прошлое и будущее исчезли, можно ли строить мост, настоящее?” Оба берега исчезли, вы думаете, мост может остаться? Если нет ни прошлого, ни будущего, это становится абсолютно ясным: настоящего ума тоже нет.

Вы есть, но вы – не ум.

Токусан не смог ответить, хотя и был знаменитым, гордым ученым. Ваша интеллектуальность, ваша ученость не имеют ничего общего с существованием. Они могут дать вам только гордость, а быть гордым означает утратить контакт с самим собой. Быть гордым означает быть эго. А вы – просто тишина. Зачем отравлять ее, почему бы не оставить ее просторной, созвучной существованию?

Поскольку он не смог ответить, он остался без закуски. И эта старая женщина сказала: “Вместо того чтобы дать тебе еду, о которой ты просил, я советую тебе пойти к дзенскому мастеру Рютану и учиться у него. Не носи зря на плечах Алмазную сутру. Ты не понимаешь ее”.

Интеллектуал наиболее склонен к непониманию. Его интеллектуальность мешает ему, потому что дает ощущение, как будто он знает. Но в “как будто” нет смысла. Вы должны испытать – не “как будто”, а это!

И он понял это, когда мастер Рютан задул пламя. Внезапная трансформация. В этот миг Токусан пробудился и поклонился мастеру.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Комментарии на дзенские книги так сухи и учены. Они только и делают, что анатомируют каждую историю, давая каждой фразе традиционную интерпретацию.

А ты приносишь древнее понимание прямо в наши жизни, здесь и сейчас, – так что почти ожидаешь встретить Септо, пьющего чай в ресторане “Зорба-Будда”, или Джошу, листающего журналы в книжной лавке.

Маниша, ты абсолютно права. Сюда не пускают никого, кроме будд. Прислушайтесь к бамбуку. Он подтверждает мои слова. Прислушайтесь к собственным сердцам, и вы увидите всех будд вместе, молча танцующих без всякого шума.

Прежде чем вы войдете в свое живое пламя, бамбук просит немного смеха. Он не может смеяться, но может слышать. Он может комментировать. Эта серия посвящается бамбуку.

Две старых девы живут вместе в большом доме в компании с кошкой. Обе они уверены, что случится нечто ужасное, если они приблизятся к мужчине. Даже кошку они по той же причине держат взаперти.

Однако, в конце концов, одна из них выходит замуж и уезжает в свадебное путешествие. Через несколько дней вторая леди получает от подружки открытку. Все, что в ней написано: “Выпусти кошку!”

Маленький Эрни спускается по лестнице за своим дедушкой.

– Дедуля, – говорит он, – ты все еще растешь?

– Почему ты спрашиваешь, малыш? – интересуется дедушка.

– Твоя макушка пробивается через волосы!

Доктор Флосс, дантист, принимает в своем кабинете на пятидесятом этаже огромного офиса.

Однажды утром он со своей ассистенткой мисс Прингл выдирают больному зуб. Внезапно снаружи до них доносится резкий

крик. Они подбегают к окну как раз вовремя: их приятель со свистом пролетает мимо.

Через пару минут кто-то врывается в кабинет с криком:

– Эй, вы слышали про Руфуса Рамсботтома? Он прыгнул с крыши и пролетел шестьдесят этажей, а теперь лежит внизу и очень плохо выглядит!

– Забавно, – говорит Флосс, – мы видели его всего минуту назад, и выглядел он превосходно.

Восьмидесятилетний Рубин и семидесятилетняя Флори встречаются на праздничном обеде в доме для престарелых в Майами и влюбляются друг в друга. Обсудив положение, они решают пожениться, потому что тогда у них будет два пенсионных счета.

В первую брачную ночь они отправляются в спальню и закрепляют свою свадьбу тремя часами энергичного секса, после чего, ложась в постель, Флори замечает, что Рубин не шевелится. Посмотрев внимательнее, она убеждается, что он мертв.

На похоронах рядом с Флори стоит ее подружка Рути, которая пришла поддержать и утешить ее.

– Мне так жаль, – говорит Рути. – Что случилось?

– Ничего особенного, – вздыхает Флори. – Он пришел и ушел, вошел и вышел.

Ну что ж, смеха достаточно.

С первым ударом начните выбрасывать как можно больше хлама через джиббериш и движения. Это чистка, подготовка к тишине.

Ниведано...

Ниведано...

Замолчите.
Соберитесь внутри.
Просто будьте.
Никакого движения.

Это.
Это.
Тысячу раз это!

Это сама суть вашего существа.
Ни времени, ни ума, только чистое бытие.

Ниведано...

Теперь расслабьтесь.
Упадите замертво.
Даже если тело продолжает дышать,
не волнуйтесь.
Чтобы возродиться, нужно сначала умереть.
Мастер – ваша смерть и ваше возрождение.
Пожалуйста, умрите!

Ниведано...

Все вернитесь к жизни.
К полной жизни, будьте пламенем.
Возможно, некоторые трусят и все еще мертвы.
Ударь для них еще раз.

Нет, недостаточно!

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

НЕТ НИЧЕГО БЕССТРАШНЕЕ ДЗЕНА

5 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Кёген был человеком большой учености, и иногда его ученость мешала его просветлению.

Однажды Исан спросил Кёгена:

– Когда ты был с нашим учителем Якудзю, ты был так умен, что давал десять ответов на один вопрос и сто ответов на десять вопросов. Скажи мне: что такое истинное “я” – то, что существовало прежде, чем ты вышел из утробы матери, прежде, чем ты начал отличать восток от запада?

Кёген был поражен этим вопросом и не знал, что сказать. Он порылся в своем уме и предложил самые разные ответы, но Исан отверг их. Наконец, Кёген сказал:

– Прошу тебя, пожалуйста, объясни мне это.

Исан ответил:

– То, что я говорю, принадлежит моему собственному пониманию. Какую пользу это может принести глазу твоего ума?

Кёген пролистал все свои книги и просмотрел конспекты из всех авторитетов по разным школам, но не нашел ни слова, подходящего для ответа на вопрос Исана. Вздыхнув про себя, он сказал: “Нельзя наполнить желудок нарисованными рисовыми лепешками”. Затем он сжег все свои книги и бумаги со словами: “Я брошу изучать буддизм. Остаток жизни я проведу как монах, который ест рисовую кашу, и не буду мучить свой ум”.

Печальный, он покинул Исана и добровольно пошел копать могилы.

Однажды, когда он подметал землю на кладбище, камень ударил по бамбуку. Кёген застыл, лишившись дара речи и совершенно забыв себя. Затем, внезапно разразившись громким смехом, он стал просветленным.

Вернувшись в свою хижину, Кёген выполнил очистительный ритуал, зажег благовония, воздал почести своему учителю Исану и, исполненный величайшей благодарности, сказал: “Великий мастер, спасибо! Ты был ко мне даже лучше, чем мои родители. Если бы тогда, когда я умолял тебя дать мне ответ, ты объяснил бы мне

основополагающую причину, я никогда бы не пришел туда, где стою сегодня”.

Стихи Кёгена на этот случай:

Один удар, и все ушло,
Не нужно ни хитрости, ни лекарства;
Любое действие
выражает древний путь.

Мой дух никогда не направлен долу,
Я не оставляю следов за собой,
просветление превыше слов,
превыше жестов;
Освободившиеся
Называют его непревзойденным.

Поиск под названием дзен не ищет ничего, кроме вашего собственного существа. Это не наука, поэтому никакая ученость не может быть здесь судьей. Это очень простой опыт; большая ученость может быть здесь только стеной, но не мостом.

Ученость не нужна, нужна невинность, а ученый человек не может быть невинным; он знает слишком много, он знает больше, чем знает. И он слишком гордится всеми этими словами, заимствованными, которые он накопил и продолжает копить.

Дзен – это свобода от слов,
свобода от всех советов
и всей вековой мудрости.

Он просто возвращает вас к себе.

Он не позволяет вам двигаться куда-либо.

Игла вашего сознания
должна указывать на ЭТО!

Тогда все может быть причиной пробуждения.

Эта история просто констатирует факт, что даже камень, стукнувший по бамбуку, может быть причиной просветления. Во всей истории религии не было ничего бесстрашнее, чем дзен, такой бунтарский и такой экзистенциальный.

Просто послушайте эту историю – не так, как вы слушали бы рассказ или вымысел. Это факты, люди пережили их; и если вы можете понять, та же дверь, что открылась Кёгену, откроется и для вас.

Кёген был человеком большой учености, и иногда его ученость мешала его просветлению.

Любая религия уважает ученость, знания, писания. Дзен одинок и уникален в своем подходе. Он хочет, чтобы вы сожгли весь груз писаний, сожгли все знания, которые вы заимствовали, чтобы вы могли прийти к своему простому сознанию, на котором ничего не написано, ничего не нацарапано – к чистой тишине, небу без всяких следов.

Кёген был великим книжником; и хотя он искал истину, ученость – неподходящий путь, чтобы найти ее. Именно ученость была для него барьером, мешающим расслабиться в самом себе. Он цеплялся за слова, писания, сутры, будд прошлого. Это смешная ситуация, потому что будда находится внутри, а люди в своих храмах воздвигают каменные статуи. Сущностный опыт находится внутри, а люди декламируют чужие сутры. Это самая смешная ситуация.

Однажды Исан спросил Кёгена:

– Когда ты был с нашим учителем Якудзю, ты был так умен, что давал десять ответов на один вопрос и сто ответов на десять вопросов. Скажи мне: что такое истинное “я” – то, что существовало прежде, чем ты вышел из утробы матери, прежде, чем ты начал отличать восток от запада?

Кёген был поражен этим вопросом и не знал, что сказать. Он порывлся в своем уме и предложил самые разные ответы, но Исан отверг их. Наконец, Кёген сказал:

– Прошу тебя, пожалуйста, объясни мне это.

Исан ответил:

– То, что я говорю, принадлежит моему собственному пониманию. Какую пользу это может принести глазу твоего ума? – твоему сознанию? То, что я знаю, так глубоко во мне, и это не товар, который можно дать тебе. Тебе придется найти это самому внутри себя.

Кёген пролистал все свои книги и просмотрел конспекты из всех авторитетов по разным школам, но не нашел ни слова, подходящего для ответа на вопрос Исана.

Должно быть, Кёген был очень честным и искренним исследователем, иначе в тысячах книг полно всевозможных ответов. Но в

мире нет ни одной книги, могущей дать вам такой ответ, который дышит, у которого есть сердце, который может смеяться, танцевать. Такого ответа не может быть ни в одном источнике, кроме вашего собственного.

Кёген проверил все великие писания и записи, которые он сделал, слушая таких великих мастеров, как Якудзю, но не смог найти ответа на вопрос, заданный Исаном: “Кто ты? Что внутри тебя? Что есть центр твоего существа? Что за пламя сохраняет тебя живым?”

Исан спрашивал о самом источнике жизни. Конечно, если вы не глупый ученый, вы не сможете найти его ни в какой книге. А в мире тысячи глупых ученых. Университеты заполнены ими. Они говорят обо всем: об истине, о любви, о бытии. Вы спрашиваете, и у них есть ответ на все ваши вопросы.

Меня выгнали из одного колледжа, потому что я приставал к профессору философии: “Сначала ответьте, знаете вы сами или нет!”

Он перепробовал всевозможные ответы; это был старый человек, большой книжник, но я настаивал: “Все эти ответы, которые вы даете, заимствованы. Каков ваш ответ?”

Он так встревожился, что пригрозил руководству колледжа: “Я уйду на пенсию: либо в колледже буду я, либо этот студент! Он причиняет мне столько хлопот, я перестал спать по ночам. Он настолько странен, что даже рано утром, в три часа, стучит в мою дверь и спрашивает: ‘Вы нашли ответ?’ Такие вопросы не задают и на них не отвечают!”

Директор колледжа вызвал меня и спросил: “Зачем ты мучаешь этого старика?”

Я сказал: “Я никого не мучаю. Если человек не может ответить на простейший вопрос, значит, все остальное, что он говорит – чепуха”.

Истина не может быть заимствованной. В момент заимствования она перестает быть истиной. Истину нельзя прочесть в писании, истина должна переживаться только во внутреннем храме вашего существа.

Естественно, Кёген не смог найти ответ.

Вздыхнув про себя, он сказал: “Нельзя наполнить желудок нарисованными рисовыми лепешками”. Затем он сжег все свои книги и

бумаги со словами: "Я брошу изучать буддизм. Остаток жизни я проведу как монах, который ест рисовую кашу, и не буду мучить свой ум".

Печальный, он покинул Исана и добровольно пошел копать могилы.

Однажды, когда он подметал землю на кладбище, камень ударил по бамбуку.

(Бамбук вокруг Будда-холла начинает скрипеть как сумасшедший!)

Вы слышите этот звук? Бамбук кричит так громко, как только может.

Кёген застыл, лишившись дара речи и совершенно забыв себя.

И в этом весь секрет дзен. Если вы хотя бы на долю секунды можете забыть себя, вы пришли домой.

Затем, внезапно разразившись громким смехом, он стал просветленным.

Смех странным образом связан с опытом дзен. Люди смеются либо перед тем, как стать просветленными, либо после просветления; но смех, по-видимому, очень существенен для этого переживания. До или после, но он должен быть.

Это не обычный смех, это смех, который говорит: "Я искал то, что уже имел!" Это смех над собой. Это не смех над каким-то человеком, случаем или вещью. Это просто понимание: "Я был глупцом в своем поиске; мне следовало замолчать и в этой тишине позволить цветку расцвести".

Вернувшись в свою хижину, Кёген выполнил очистительный ритуал, зажег благовония, воздал почести своему учителю Исану и, исполненный величайшей благодарности, сказал: "Великий мастер, спасибо! Ты был ко мне даже добрее, чем мои родители".

Родители могут дать рождение только вашему телу. Лишь мастер может запустить внутри вас процесс, который принесет вам сознание, осознанность, жизнь в полную силу.

"Если бы тогда, когда я умолял тебя дать мне ответ, ты объяснил бы мне основополагающую причину, я никогда бы не пришел туда, где стою сегодня".

Это очень характерная для дзен позиция. Мастер не должен давать вам вербальный ответ, потому что вербальный ответ станет знанием, а знание – это препятствие. Подлинный мастер создаст ситуацию. Это всегда возможно – возможно, вы сможете услышать этот бамбук, возможно, нет. Функция мастера – создать ситуацию, в которой вы можете пробудиться.

Это очень опосредованная, тонкая работа. Мастер не похож на христианского проповедника, миссионера, индуистского пандита или еврейского раввина, которые говорят о писаниях, цитируют других.

Дзен хочет, чтобы вы помнили: не верьте цитатам. Пусть это будет вашим собственным опытом – до этого не останавливайтесь!

Именно поэтому Кёген благодарит Исана за то, что тот не объяснил ему "...основополагающую причину тогда, когда я умолял тебя дать мне ответ". "Если бы ты дал мне это, я никогда не получил бы его. Поскольку ты не дал это – ты просто создал во мне вопрос: кто там, внутри? – я нашел это. Все это только благодаря тебе."

Стихи Кёгена на этот случай:

Один удар, и все ушло,

Не нужно ни хитрости, ни лекарства;

Любое действие

выражает древний путь.

Мой дух никогда не направлен долу,

Я не оставляю следов за собой,

просветление превыше слов,

превыше жестов;

Освободившиеся

Называют его непревзойденным.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Правда ли, что самое главное – это правильно выбрать время?

Нет, так говорить неправильно, потому что как только вы начнете думать, что самое главное – это правильно выбрать время, вы перестанете искать. Вы просто будете ждать, когда придет весна; вы полностью перестанете осознавать тот факт, что для просветления не бывает подходящего или неподходящего времени года, подходящей или неподходящей погоды. Подходит любой момент, вы просто должны схватить свое собственное существо. Но говорят, это слова Гаутамы Будды – что нужно правильно выбрать время.

Я хочу, чтобы вы знали: Гаутама Будда просто старается утешить тех, кому не хватает смелости в этот момент. Он не хочет обескураживать их, говоря: “Вы никогда не станете просветленными”. Он говорит: “Вы станете просветленными, просто дождитесь времени, зрелости, причины”.

Но я, невзирая на Гаутаму Будду, говорю вам, что ни время, ни причина не нужны, потому что вы уже просветленные. Только потому, что вы боитесь сознаться в этом, вы просто боитесь, что люди скажут... “Я – просветленный? Люди будут смеяться, они скажут: ‘Посмотрите на этого парня, он просветленный’”.

Каждый день Нилам приносит мне сообщения, что кто-то создает проблемы, разгуливая по ашраму голым, потому что считает, что стал просветленным. Но простые прогулки в голом виде не имеют ничего общего с просветлением.

Одна женщина объявила себя мастером, а один мужчина заявил, что он просветленный – оба они кукушки. Я сказал Нилам: “Лучше соединить этих двух кукушек”. Эта женщина уже почти пятнадцать лет говорила, что она – мастер. Я сказал: “Нилам, скажи ей: если она действительно мастер и просветленная, пусть она позаботится об этом малом. Он совсем новичок, ему нужна забота”. А этот парень – гораздо большая кукушка.

Женщина излечилась. Она сказала: “Я больше не... это уж слишком. Я беру свои слова обратно – что я просветленная или что я – мастер... Если нужно заботиться об этом человеке, я отказываюсь. Отныне я буду скромна”. И три-четыре дня она действительно вела себя скромно. Более крупная кукушка заставила ее замолчать. Теперь Нилам спрашивает, что делать с этой оставшейся кукушкой. Я сказал: “Просто подожди, появится кто-нибудь покрупнее. Приведи его к этому человеку и скажи ему: ‘Вот твой первый ученик’. Другого пути нет”.

А потом Анандо сказала этому “просветленному”: “Или замолчи, или тебе дадут еще большую кукушку”. По меньшей мере, полтора дня он вел себя тихо, потому что боялся – здесь столько потенциальных кукушек! Я даже предложил Нилам создать специальный офис и комнату, чтобы кукушки встречались и обсуждали свое просветление.

Просветление – не то, о чем вы должны кричать на улицах; просветление – это осознание вашего тихого внутреннего пламени. Оно сделает вас нормальным, а не кукушкой; оно поможет даже создать вокруг вас определенное энергетическое поле, которое может расшевелить других людей к просветлению. Но вы не должны быть надоедливы. Вы не можете никого принудить к просветлению. Вы можете убить кого-нибудь, это не трудно, но и мертвый этот человек останется непросветленным. Просветление – не то, что можно сделать извне.

Извне можно создать ситуацию, в которой вы вдруг начинаете осознавать собственное “я”. Сам мастер, его присутствие не так важны, как ситуация; те, кто жаждет, напьются из колодца. Но жажда должна быть подлинной; иначе люди продолжают стоять у колодца, но их жажда либо интеллектуальна, либо им просто любопытно узнать, что такое просветление. Это должно быть невероятно сильной страстью, вопросом жизни и смерти – тогда нет никаких барьеров, тогда не нужно выбирать подходящее время.

Поэтому, даже если это противоречит словам Гаутамы Будды, я не стану говорить, что вы должны подождать до завтра. Сделайте это сейчас, время пришло!

Маниша спрашивает:

... Или, по крайней мере, это решающий факт в том, что происходит между мастером и учеником?

Нет, никаких решающих фактов нет. Что такого решающего в том, что камень бьет в бамбук? Вы думаете, что станете просветленным? Люди становились просветленными в разных ситуациях. Ты можешь повторить ситуацию, но не станешь просветленной. Ситуация становится повторением ритуала. У тебя есть бамбук, можешь попробовать – стукни его!

Но вопрос не в бамбуке и не в звуке камня, стукнувшего по нему – дело в тишине, которая случается. А эта тишина окружает вас. Вы просто должны осознать ее ценность, вы должны осознать, что вы уже здесь – не нужно никаких причин, никакого времени.

Маниша спрашивает:

Это истинная причина того, что ты носишь очки?

Нет; это секрет, но я открою его тебе, если пообещаешь никому не говорить!

Я ношу очки только для того, чтобы видеть, что я не вливаю в вас столько, чтобы вы взорвались; чтобы не воспалять вас до такой степени, что вы сгорите. Эти очки нужны просто для того, чтобы помочь мне осознать, когда оставить вас одних. Я создаю ситуацию и ухожу с пути.

Прежде чем войти в нашу ежедневную медитацию, в наш дзен... Я использую смех как предисловие, вступление к будущей тишине. Когда смех растворяется в тишине... чем громче смех, чем он тотальнее, тем глубже тишина, которая последует за ним.

Никто в прошлом не использовал смех в качестве средства. Но я обнаружил, что только в смехе вы иногда тотальны. Только в смехе вы иногда забываете себя; остается только смех, а вас нет.

Уилбер Уоллес II, преуспевающий брокер с Уолл-стрит, влюбляется в молоденькую актрису. Он хочет жениться на ней, но прежде, чем сделать предложение, решает обратиться в частное агентство, чтобы проверить ее репутацию и финансовое положение. “В конце концов, – думает он, – моя карьера растет, и не стоит ее терять.”

Под вымышленным именем он нанимает мистера Пикля из частного бюро расследований и через пару недель получает конфиденциальное досье на девушку. Там говорится, что у нее безупречная репутация, безукоризненные друзья и прекрасная семья. “Единственное пятно, – добавляется в сообщении, – это то, что в последнее время ее часто видят в компании третьесортного брокера с Уолл-стрит.”

Йетти и Берта, две дамы средних лет из Нью-Йорка, проводят отпуск в Горовиц-отеле на Палм-Спрингс. Однажды утром они наслаждаются завтраком, и Йетти спрашивает:

– Что ты делаешь вечером?

– О! – говорит Берта. – У меня свидание с Германом Хорнштейном.

– Что? – говорит Йетти, проливая кофе. – Ты идешь с ним? Он же сексуальный маньяк, просто животное! Он затащит тебя к себе, швырнет на постель, порвет одежду и заставит заниматься любовью. Что ты собираешься делать?

– Наверное, надену старое платье, – отвечает Берта.

Сальваторе идет к своему доктору, потому что его жена без осязаний плодит детей. Доктор дает ему презерватив и говорит:

– Выполняй инструкции, и твоя жена больше не забеременеет.

Через месяц Сальваторе возвращается.

– Моя жена снова беременна! – объясняет он.

– Ты выполнял инструкции, как я тебе говорил?

– Конечно, док, – говорит Сальваторе. – Там говорится: “Наденьте на орган перед контактом”. У нас дома нет органа, поэтому я натянул его на свою скрипку!

Теперь готовьтесь к настоящей работе.

С первым ударом вы должны начать – тотально, высказывая все, что движется в вашем уме, всякий хлам – выбросьте его.

Это момент очищения. Не прячьте ничего, потому что никто не слушает. Все заняты выбрасыванием собственного джиббериша. Молчать в этот момент очень опасно, потому что всякие люди выбрасывают все что угодно, и если вы молча слушаете, вы можете поймать это! Так что кричите громче всех!

Ниведано, дай первый удар...

Ниведано...

Все падают в абсолютной тишине...
закройте глаза, никакого движения.
Замерзните, соберите энергию внутри.
Это – цель.

Ниведано...

Все расслабьтесь... просто умрите.
Пусть тело дышит,
но вы просто будьте сознательными
и предельно расслабленными,
глядя внутрь.

Редкий миг.

Это.

Это.

Тысячу раз это.
Самая суть вашего существа.

Направьте острие иглы в эту безвременность,
глубже и глубже.

Ниведано...

Вернитесь к жизни, подлинной жизни.
Просто будьте живыми,
ничего особенного,
просто будьте.

Некоторые еще мертвы – Ниведано, ударь посильнее!

Проснитесь!

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

XI НИ НАЧАЛА, НИ КОНЦА

6 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Монах из собрания Джошу Ошо пришел к Иккью, который спросил его:

– Что ты нашел в учении Джошу? Есть ли в нем что-то отличное от того, что ты находишь здесь?

Монах сказал:

– Ничего.

Иккью сказал:

– Если нет ничего отличного, почему бы тебе не вернуться туда? – и ударил его своей палкой.

Монах сказал:

– Если бы у твоей палки были глаза, ты не ударил бы меня так.

Иккью ответил:

– Вчера я встретил монаха, – и стукнул его еще три раза.

Монах вышел. Иккью окликнул его и сказал:

– Кто-то может получить несправедливые удары.

Монах вернулся и сказал:

– К сожалению, палка в твоей руке.

Иккью сказал:

– Если она тебе нужна, я дам тебе ее.

Монах подошел к Иккью, схватил палку и трижды ударил его.

Иккью сказал:

– Несправедливые удары! Несправедливые удары!

Монах сказал:

– Кто-то может получить их.

Иккью сказал:

– Я бил его слишком небрежно.

Монах поклонился. Иккью сказал:

– Ошо! Так вот как ты уходишь?

Монах засмеялся и вышел. Иккью сказал:

– Вот оно! Вот оно!

Маниша, зеваки и журналисты, которых мы из чистого со-
страдания пускаем сюда, до сих пор не понимают это не-

обычайно молчаливое собрание искателей истины.

Вчера я получил из Германии статью из журнала “Бунте” о нас; прекрасная статья, потому что я хорошенько побил этого журналиста.

Я заранее запретил им писать негативно. Я сказал им: “Просто смотрите на факты и сообщите о них безо всяких предубеждений, закрывающих вам глаза”.

Статья на девяносто девять процентов фактична, и я благодарю журналиста и редактора. Но в некоторых пунктах они не смогли удержаться и показали свою глупость.

Я просто не верю, до чего люди слепы! Они не могут понять тишину. Они не могут почувствовать присутствие столько сердец, бьющихся вместе. Даже бамбук может понять, но “Бунте” остается немцем. Я должен сказать несколько слов в ответ на статью перед тем, как взяться за эту красивую историю и обсудить ее.

В журнале “Бунте” написано, что я разговариваю с индийским акцентом. А вы что, хотите, чтобы я разговаривал с немецким акцентом? Английский – не чья-то монополия. Американцы говорят с американским акцентом, австралийцы – с австралийским. Немцы говорят с самым худшим акцентом. Что плохого в индийском акценте?

Во-вторых, он пишет, что я говорю бульварным языком. Конечно, если вам приходится говорить с бульварной прессой, вы будете говорить на языке, который они понимают. Вместо того чтобы ощутить духовную атмосферу, ни один из журналистов не забыл упомянуть, что подиум сделан из мрамора, что Будда-холл мраморный.

Как беден этот мир! Никто не критикует Тадж-Махал за то, что он сделан из мрамора. Никто не критикует огромные дворцы, храмы и соборы; все восхищаются ими. Но все связанное со мной...

Они не могут спорить с тем, что я говорю; им нечего противопоставить моему пониманию вещей. Поэтому они начинают, как глупцы, интересоваться вещами, которые доказывают только их собственную нищету, и ничего более.

Они что, приехали сюда узнать, сделан ли подиум из мрамора, или нет? Они что, специалисты по мрамору? Это все, что они видят. Они не видят эту тишину, эту музыку, танец и высочайшие вершины сознания тысяч людей.

Все эти слепцы продолжают распространять свои глупые мнения, отравляя ум масс. Мне хотелось бы, чтобы “Бунте” снова при-

слал своего представителя сюда. Он упустил смысл. Важны не эти каменные стены.

Важно это драгоценное сознание.

Важен этот крик кукушки,
эта радость, этот покой.

Покой, превосходящий понимание.

Присылайте хотя бы образованных, культурных представителей, которые могут ощутить нечто от медитации. В противном случае, пожалуйста, оставьте нас в покое. Не тревожьте нас – это за рамками вашего понимания.

Мне хотелось бы, чтобы мои немецкие саньясины написали в “Бунте” письма по каждому отдельному пункту, врезав им так, как умеют врезать немцы. Это интернациональное собрание, и никому не позволено распускать слухи, голословные выдумки. Для этого есть весь мир. Если вы хотите найти преступление, если вы хотите найти убийства, самоубийства... весь мир доступен. Но в этот маленький оазис, где выращивают розы, вы должны входить с открытыми глазами. Он не принадлежит вашему миру. С того самого момента, когда вы входите в ворота этой коммуны, вы должны быть бдительны и осознавать, что встречаетесь с новой фазой развития человечества. Вы входите в будущее.

А это возможно при условии смиренности, большой интеллигентности, великой любви; это не для обычных журналистов, которых интересуют только сенсации. Люди, находящиеся здесь, совершенно не заинтересованы в сенсациях. Их интересует – totally и всецело – только исследование своего собственного существа.

Только взгляните! – то, что исчезло из мира, то, что стало невероятным в мире, по-прежнему дышит здесь. Это живой эксперимент, и я никому не позволю сказать неправду.

Если вы не можете понять, держите рот закрытым. Меня не интересуют ваши тиражи, меня не интересует весь мир. Даже если весь мир исчезнет... мы самодостаточны. Я не политик, который боится потерять репутацию. У меня нет никакой репутации. Как я могу потерять ее? Я пользуюсь такой дурной славой, что вы не можете ухудшить мое положение.

Мои люди молча работают в совершенно другом плане. Если вы не можете этого понять, просто скажите, что это превосходит ваше понимание. Но никто не хочет обнаружить свое невежество. И это наша обязанность: на каком бы языке, в какой бы стране ни появи-

лось что-то об этой коммуне... если это неправда, гоните это отсюда или из своей страны.

Заставьте этих людей ясно понять, что все их попытки заставить меня замолчать обречены на поражение. Они могут убить меня, отравить меня... они уже сделали все, что могли.

Но истина вечна.

Она будет говорить,
и она будет говорить
через тысячи уст.

Нет способа остановить
ее песню и ее танец.

Я получил письмо из Англии. Одному саньясину запретили въезд в Индию. Он пошел к индийскому послу в Англии, чтобы спросить, почему его прошению отказано. И вот ответ, который он получил: “Никто не может спрашивать меня, почему. Я – суверенный авторитет здесь”.

Эти пигмеи-политики, которые приходят и уходят, как времена года, считают себя суверенными. У нас другое определение суверенности. Только индивидуальности, которые знают себя, суверенны. Дни королей, королей и императоров прошли. Есть только четверо королей, которые еще живы, и они находятся на игральных картах. А пятый – даже не король, а муж королевы. И ходят слухи, что принц Филипп, муж королевы Елизаветы, сам королева. Я не могу гарантировать... но это все, что осталось. Четыре карточных короля и пятый король, который является королевой.

Этого мира больше нет. Теперь на горизонте появляется индивидуальность как правитель собственного существа. Каждый – правитель, король собственного сознания. Здесь мы создаем не рабов, принадлежащих какой-то религии, но правителей, знающих, индивидуумов – свободных, с расправленными крыльями. Мы разрушаем их тюрьмы, какими бы дорогими и древними они ни были.

Но странно, что я не встречал ни одного журналиста, который бы точно описал то, что здесь происходит. Возможно, сначала им следует присоединиться к этой игре, почувствовать вкус моего присутствия, ощутить вкус этой коммуны, и только потом писать или говорить что-то. В противном случае, что бы они ни говорили с точки зрения постороннего, это будет ложь. Только взгляд изнутри может иметь какую-то ценность.

Это одна из самых многозначных историй.

Монах из собрания Джошу Ошо пришел к Иккью...

Оба они – великие мастера, и было почти естественным явлением ходить из собрания одного мастера к другому, чтобы посмотреть, действительно ли повсюду происходит одно и то же. Иккью был очень известен, в особенности благодаря тому, что он бы первым дзенским мастером, который использовал палку.

Монах из собрания Джошу Ошо пришел к Иккью, который спросил его:

– Что ты нашел в учении Джошу? Есть ли в нем что-то отличное от того, что ты находишь здесь?

Монах сказал:

– Ничего.

Иккью сказал:

– Если нет ничего отличного, почему бы тебе не вернуться туда? – и ударил его своей палкой.

Он ясно дает понять, что каждый мастер уникален. Окончательный опыт может быть одним и тем же, но путей к нему много. В соответствии с мастером, на пути расцветают разные цветы.

“Если никакой разницы нет, зачем ты пришел?” – и он ударил его палкой, чтобы ученик ясно понял, что, по меньшей мере, этим они отличаются: “Твой мастер никогда не бил тебя”.

Монах сказал:

– Если бы у твоей палки были глаза, ты не ударил бы меня так.

Это не смиренный монах, а самонадеянный. Удар Иккью был рожден состраданием, он хотел разбудить его. Вместо благодарности он говорит:

– Если бы у твоей палки были глаза, ты не ударил бы меня так.

Иккью ответил:

– Вчера я встретил монаха, – и стукнул его еще три раза.

Монах вышел. Иккью окликнул его и сказал:

– Кто-то может получить несправедливые удары.

Ты не должен уходить так, без ответа, и не спрашивая, почему тебя ударили.

Монах вышел. Иккью окликнул его и сказал:

– Кто-то может получить несправедливые удары.

Монах вернулся и сказал:

– К сожалению, палка в твоей руке.

То были великие люди и великие дни. Разговор такого рода очень характерен для дзен.

Иккью сказал:

– Если она тебе нужна, я дам тебе ее.

Монах подошел к Иккью, схватил палку и трижды ударил его.

Иккью сказал:

– Несправедливые удары! Несправедливые удары!

Монах сказал:

– Кто-то может получить их.

Иккью сказал:

– Я бил его слишком небрежно.

Ты не заслужил это.

И в тот момент, когда он сказал: “Я бил его слишком небрежно”, монах поклонился. Иккью сказал:

– Ошо!

Ошо – очень почетное имя. Оно используется почти исключительно для мастеров. Например, Джошу Ошо. Ошо – не его имя, но знак уважения, знак признания его просветленным.

– Ошо! Так вот как ты уходишь?

Монах засмеялся и вышел. Иккью сказал:

– Вот оно! Вот оно!

Сетзё комментирует:

Змей легко созвать, но трудно разогнать.

Как великолепно скрестили они мечи!

Хотя море и глубоко, его можно осушить;

Камень Кальны тверд, но стирается.

Камень Кальпы – это мифологическая мера времени, вроде световых лет. В примечании объясняется:

Площадь Кальпы – сорок квадратных миль. Каждые сто лет приходит нимфа и слегка проводит по нему рукавом своего шелкового одеяния. Когда камень полностью стирается, проходит Кальпа, или век. Камень Кальпы со временем перестанет существовать, но достижение Иккью и монаха останется в веках.

Сетзё говорит:

*Камень Кальпы тверд, но стирается.
Старый Иккью! Старый Иккью!
Кто подобен тебе?
Ударить другого – это было поистине бездумно!*

Бездумность почитается только в дзен. Повсюду мысль – верховный правитель. Только в мире дзен мысль – просто оковы.

Безмыслие – это свобода.

Маниша принесла другую историю:

Иккью был одним из выдающихся учеников Басё. Когда он ушел от Басё и жил в своем храме, два монаха, Чжен и Шо, пришли из монастыря Басё поговорить с ним.

Иккью спросил Чжена:

– Откуда ты?

– Из Козея, – ответил Чжен. (В Козее находился храм Басё.)

Чжен еще не договорил, когда Иккью ударил его своей палкой. Чжен сказал:

– Я слышал, что так ты принимаешь гостей.

– Ты не понял, – сказал Иккью и, повернувшись к Шо, сказал: – Встань впереди меня.

Шо вышел вперед и получил удар прежде, чем успел что-то сказать.

Иккью был одним из первых мастеров дзен, использовавших в обучении палку.

Чему он учил палкой, ударяя людей? Он показывал:

Выйди из своего сна, проснись.

Ты – будда.

Ты – дхарма.

Все, кроме твоего бытия – сон.

Только ваше свидетельство по-настоящему реально. Все остальное приходит и уходит, как сон. Только свидетель остается.

Первый вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Дзен, по-видимому, разделяет понимание, что цель оправдывает средства. Не мог бы ты прокомментировать?

Маниша,

нет ни начала, ни конца.

Нет ни средств, ни цели.

Вот что говорит дзен.

Интеллигенты многие века обсуждают твой вопрос. Что важно – средства или цель? Можно ли прийти к благой цели несправедливыми средствами? Важно ли, какими средствами достигнута благая цель?

Я могу говорить о твоём вопросе только за рамками нашей темы. Он не имеет никакого отношения к истории, которую мы обсуждаем.

Никто не может достичь благой цели неверными средствами, потому что цель есть не что иное, как высшее цветение средств. Место назначения есть не что иное, как путь, пришедший к своему концу. Нельзя отделить путь от цели. Иначе образуется пустое пространство.

Я абсолютно согласен с теми, кто соглашается – хотя бы интеллектуально – с тем, что только благие средства приводят к благой цели. Их нельзя разделить, хотя все это делают, особенно политики. Они пользуются всевозможными запрещенными средствами и думают, что придут к благой цели.

Теологи делают ту же самую ошибку, используя ритуалы, поклонение, писания; и они думают, что придут к высшей сути своего бытия.

Дзен не интересуется цели и средства. Вы – то и другое: средство и цель, путь и его завершение.

Второй вопрос Маниши:

Возлюбленный Ошо,

Ученик доказывает, что достоин быть учеником, только превзойдя ученичество?

Маниша, в каждом ученике есть глубокое желание как-нибудь выйти из этого состояния. Быть учеником кажется чем-то унижительным. Можно окутать себя философским туманом, будто ученик становится учеником лишь тогда, когда превосходит ученичество.

По моему мнению, подлинный ученик – это тот, кто не хочет никуда идти, даже за пределы ученичества. Когда он настолько глубоко укоренен в самом себе, нет никакого вопроса о трансценденции.

Будучи самим собой, вы превзошли все связи – не только ученичество, но все связи.

Вы просто один,
вы стоите, как гора,
высящаяся высоко в небо,
одинокая в своей красоте,
в своей свободе,
в своем бытии.

Ученик не должен превосходить. Да, трансценденция приходит, но она не может быть для ученика целью – это случается. Когда вы пришли домой, не нужен никакой путь. И не нужен никакой транспорт.

Когда вы есть, все остальное отпадает. Вы стоите абсолютно нагой под солнцем в чистом небе, одинокий в своей красоте и блаженстве... Трансценденция пришла к вам. Она никогда не была целью. Это награда. Существование награждает трансценденцией того, кто максимально глубоко был учеником. Тогда вас достаточно. Изучать больше нечего.

Слово “ученик” просто означает “тот, кто учится”. Но наступает предел внутри вас, когда учиться нечему. Вы просто есть. Эта “есмьность” – трансценденция; но она приходит сама собой, спонтанно, без ваших поисков. Ваш поиск опасен. Ваш поиск помешает вам даже быть учеником. Ваше желание превзойти просто означает желание избавиться от ученичества.

Идите глубже в свое существо и сознание, и трансценденция придет. Она неизбежно придет, вы просто должны быть дома.

Немного смеха перед тем, как мы войдем в свое собственное существо...

Франческо входит в кабинет доктора Азимы.

– Мамма миа! – говорит он. – Вчера ночью я прихожу домой и застаю свою подружку в постели с моим лучшим другом. Я готов

убить их обоих, а моя подружка говорит: “Эй, Франческо, мы же друзья. Давай выпьем кофе все вместе”. Мы садимся и пьем кофе. На следующий день я застаю ее с другим свами, она говорит то же самое, и мы снова пьем кофе. И знаете, доктор, это повторяется всю неделю!

– Понимаю, – говорит доктор Азима. – Но я врач, а не психотерапевт. – Зачем ты говоришь мне все это?

– Я боюсь, не вредно ли мне пить столько кофе?

Ольге Омской, русской домохозяйке, завидуют все соседи, потому что в ее доме всегда полно свежих овощей и фруктов. Однажды к ней приходит соседка.

– Скажи, товарищ Ольга, – спрашивает она, – как тебе это удается?

– Это очень просто, – объясняет Ольга. – У меня есть попугай, которого я научила говорить. Когда я иду на рынок, он сидит на ручке моей тележки. Я ставлю тележку в центре рынка, и когда попугай начинает вопить: “Да здравствует коммунизм!”, все кидают в него тем, что под руку попадется!

Пэдди получает новую работу. В первый же день к нему подходит босс и спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Патрик Мерфи! – отвечает Пэдди.

– Говори “сэр”, когда я с тобой разговариваю!

– Хорошо, – говорит Пэдди. – Сэр Патрик Мерфи!

Старик Финкельштейн сидит дома один. Он приглашает своего приятеля Розенфельда перекинуться в карты. Некоторое время они играют, затем Розенфельд смотрит на часы.

– Сколько времени? – спрашивает он. – Мои часы остановились.

– Какая разница? – говорит Финк.

– Слушай, посмотри на свои часы, – говорит Розенфельд.

– У меня нет часов.

– Тогда посмотри на часы в спальне.

– У меня в спальне нет часов.

– Ну, тогда на кухне.

– Там тоже нет часов.

– А как же ты узнаешь, сколько времени? – спрашивает Розенфельд.

– Когда я хочу узнать время, – говорит Финк, – я просто бью в барабан.

– Барабан? – удивляется Розенфельд.

– Сейчас покажу, – говорит Финк, открывает окно, подносит к нему свой барабан и начинает бить в него.

Во всех ближайших домах открываются окна, и люди начинают кричать: “Ты что, сошел с ума – бить в барабан в четверть двенадцатого?!”

А теперь, Ниведано, можешь ударить в барабан.
Первый удар...

Ниведано...

Будьте безмолвны, абсолютно безмолвны.
Закройте глаза, никакого движения.
Пусть вся ваша энергия будет внутри.

Это...

Направьте острие иглы своего сознания
в эту точку...

Это.

Ниведано...

Расслабьтесь, просто умрите.

Это.

Это.

Тысячу раз это.

Ниведано...

Вернитесь к жизни – по-настоящему вернитесь,
вместе со своим свежим сознанием, как пламенем,
которое сжигает все ложное.
Будьте просто как этот бамбук.
Здесь и сейчас.

О’кей, Маниша?

Да, Ошо.

XII ВАША ГЛУБИНА БЕСКОНЕЧНА

7 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Монах спросил Сеппо:

– Как насчет воды в старой долине, когда она становится холодным источником?

Сеппо ответил:

– Как в нее ни всматривайся, ты не увидишь дна!

Монах сказал:

– Когда мы пьем эту воду – что ты скажешь?

Сеппо ответил:

– Она не идет в рот.

Монах пошел к Джошу и рассказал об этом разговоре. Джошу сказал:

– Она не пойдет в рот, она не пройдет через ноздри.

Тогда монах спросил:

– Как насчет воды в старой долине, когда она становится холодным источником?

Джошу сказал:

– Она так неприятна!

Монах спросил:

– Как насчет того, чтобы выпить ее?

Джошу сказал:

– Ты умрешь.

Узнав об этом разговоре, Сеппо сказал: “Джошу – один из древних будд”, – и издали почтительно поклонился Джошу. После этого он не отвечал на вопросы.

Дзен совсем как тишина – она есть, но вы не можете взять ее в руки. Когда руки открыты, она есть, когда руки закрыты, ее нет. Все зависит от того, открыты вы или закрыты. Дзен – чрезвычайно великий урок, он всегда настаивает лишь на одном: просто будьте, и не задавайте вопросов, потому что отвечать на них никому.

“Некому отвечать” означает, что вы и есть ответ! И вы не уважаете себя, задавая вопрос. Кого вы спрашиваете?

Эта небольшая история требует как можно более глубокого понимания.

Монах спросил Сеппо:

– Как насчет воды в старой долине, когда она становится холодным источником?

Сеппо ответил:

– Как в нее ни всматривайся, ты не увидишь дна!

Любому, кто не понимает язык дзен, это покажется полным абсурдом. Но это больше, чем может вместить любой здравый смысл. Это определенно за пределами здравого смысла; это не общепринятый здравый смысл, это нечто очень необычное.

Монах спросил Сеппо, мастера: “Как насчет воды в старой долине, когда она становится холодным источником, когда эта вода становится просто твердым льдом?”

Сеппо жил недалеко от источника. Сеппо ответил: “Как в нее ни всматривайся...”

Запомните эти слова:

– Как в нее ни всматривайся, ты не увидишь дна!

На первый взгляд, интеллектуалам, может показаться, что это не относится к вопросу – но это не так. Сеппо говорит: “Всмотрись глубже; как бы глубоко ты ни всматривался в холодный источник, ты не можешь увидеть дна”. То же самое в вашей ситуации: всмотритесь в себя; вы можете идти все глубже и глубже, но не найдете дна. Ваша глубина бесконечна.

Монах сказал:

– Когда мы пьем эту воду – что ты скажешь?

Он не может понять того, что говорит мастер. Он по-прежнему сражается со своим вопросом о том, как напиться воды, когда источник замерз.

Сеппо ответил:

– Она не идет в рот.

Может показаться, что он отвечает монаху и говорит ему: “Когда источник замерзает, становится льдом, ты не можешь напиться из него, вода не идет в рот”. Но он имеет в виду другое. Он говорит: истина не приходит извне, она всегда внутри тебя. Это может быть весна или лето – неважно.

Монах пошел к Джошу, другому мастеру, и рассказал об этом разговоре. Джошу сказал:

– Она не пойдет в рот, она не пройдет через ноздри.

Зачем ты пришел сюда? Тебе уже ответили! Ты по-прежнему ищешь снаружи; твой вопрос подобен стреле, нацеленной на что-то внешнее, а ты, человек, который ее держит – ты и есть цель. Просто постарайся понять, что от перемены мастера ничего не меняется.

– Она не пойдет в рот, она не пройдет через ноздри.

Тогда монах спросил:

– Как насчет воды в старой долине, когда она становится холодным источником?

Таков человеческий ум. Этот монах символизирует ум и его одержимость; он продолжает спрашивать снова и снова, не понимая смысла. Смысл очевиден.

Джошу сказал:

– Она так неприятна!

Твоя поверхностность, твой вопрос – они так неприятны!

Монах спросил:

– Как насчет того, чтобы выпить ее?

Та же навязчивая идея. Вопрос нисколько не изменился.

Джошу сказал:

– Ты умрешь.

Если ты будешь продолжать спрашивать в надежде найти ответ снаружи, тебе не остается ничего другого: “Ты умрешь”.

Только смерть приходит снаружи,

жизнь – внутри.

Жизнь есть,

смерть приходит и уходит.

Смерть – всего лишь эпизод

в вечном путешествии сознания.

Узнав об этом разговоре, Сеппо сказал: “Джошу – один из древних будд”, – и издал почтительно поклонился Джошу. После этого он не отвечал на вопросы.

После этой истории Сеппо больше не разговаривал. Видя тщетность ума людей, их постоянное непонимание, не только Сеппо – многие мистики замолкали. Их молчание в огромной степени символизирует наш глупый, одержимый, постоянно задающий вопросы ум. Их молчание – это ответ, хотя вы и не просили о нем. В их тишине, возможно, замолчите и вы.

Я говорил о синхронности, и она только что произошла в моей ванной. У меня есть весы, которым нельзя верить – так же, как любому из вас. Иногда они показывают одно, иногда другое – стоит только встать на них еще раз, и они меняют показание. Я заказал еще одни весы, чтобы их проверить.

В первый день они показывали по-разному; но ночью в темноте моей ванной, должно быть, что-то произошло. Наутро они стали давать одинаковые показания. И вот уже почти восемь дней они показывают одинаковый вес, без колебаний. Они согласились быть заодно, влюбились друг в друга.

Когда вы молчите с мастером, не спрашивая и не думая, происходит синхронность. То же сознание, которым обладает мастер, начинает просачиваться в вас, наполняя ваше внутреннее существо. Вскоре нет ни ученика, ни мастера – только чистый танец радости, глубокого понимания и блаженства.

Сеппо больше не отвечал на вопросы. Он совершенно прав, и все же я просил бы его не останавливаться. Никогда не знаешь –

кто-то может появиться на пути, влюбиться в вас, уловить аромат вашего существа. Надеюсь на это, все мастера говорили – в надежде, что во тьме приближается некий гость.

Сеппо не следовало останавливаться, но с этим ничего не поделаешь. Я только могу сказать вам: если в какой-то миг вы придете к своему внутреннему пламени, не останавливайтесь, как Сеппо; делитесь им безусловно, даже с теми, кто не поймет. Сегодня они, возможно, не поймут, а завтра это случится; возможно, не в этой жизни, но в какой-то другой это понимание расцветет. Доверьтесь существованию.

Сеппо ошибся: если один-единственный человек не понял вас, это не означает, что вы должны замолчать. Это просто значит, что вы должны оттачивать свой ответ. Этот ответ не есть нечто вербальное и интеллектуальное – он должен постоянно создавать ситуации, в которых возможно пробуждение.

Нельзя простить Сеппо его молчание. Ему следовало продолжать, понимает ли кто-то или нет. Я говорил тридцать пять лет без перерыва, разыскивая тех, кто поймет. Это был долгий поиск, но я нашел всех вас – и еще гораздо больше во всем мире, – тех, кто начал немного понимать.

Но даже этого “немного” более чем достаточно. Всего лишь чашка чая, ощущение вкуса – и вы можете идти самостоятельно. Вы знаете путь, вы почувствовали его.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Я слышала, когда-то ты говорил, что для ученика ходить от мастера к мастеру все равно что бурить скважины, которые никогда не бывают достаточно глубоки, чтобы достать до воды. Тем не менее, кажется, именно этим занимались дзенские монахи – ходили от одного мастера к другому, часто с одним и тем же вопросом. Доверие и близость с мастером, по-видимому, значили меньше, чем обретение мастера, который мог создать правильную ситуацию. Не мог бы ты прокомментировать?

Маниша, они не ходили от мастера к мастеру. Они ходили от одного учителя к другому в поисках мастера. Они переходили из

одного монастыря в другой, чтобы найти место, откуда им не придется идти куда-либо. Это был поиск мастера среди тысяч учителей. Нужно двигаться, чтобы почувствовать, с кем ваше сердце начинает танцевать.

Сегодня ситуация иная. Сегодня нет тысяч учителей, провозглашающих себя просветленными, у вас не такой уж большой выбор. Однако, факт остается: вы не можете остановиться, пока не найдете человека, который проникает прямо в ваше существо – как стрела, бьющая точно в цель.

Говорят, что Басё никогда не покидал своего мастера, хотя тот говорил: “Ты можешь передвигаться, можешь идти в другие монастыри – есть другие мастера, другие способы обучения, другие способы достижения. Почему ты не уходишь?”

Ответ Басё стоит запомнить. Он сказал: “Другие ходят потому, что они не нашли. Я не могу уйти, потому что я уже там, где хочу быть. Я нашел тебя! Найдя тебя, я обрел то, к чему стремилось мое сердце. Теперь идти некуда”.

Когда ученик находит мастера, мастер становится для него всем миром, его любовью.

Но до этого, Маниша, все совершенно правильно: нужно ходить, не следует оставаться с тем, с кем вы не чувствуете близости, с кем вы не можете настроиться на одинаковые жизненные волны. Он может быть прав или неправ, это не имеет значения. Важно то, обогащает ли вас присутствие вашего мастера, чувствуете ли вы себя воспламененным. Тогда не нужно никуда идти.

Ее второй вопрос:

Мы считаем себя самым сознательным и развитым видом на Земле и поэтому думаем, что способны помогать всем другим формам жизни. Но дзен, как мне кажется, указывает на другую, равнозначную истину: что все жизненные формы, и даже самые земные занятия – все это спусковые крючки, способные помочь нам реализовать высшее сознание.

В эти вечера с тобой это стало слишком очевидно, чтобы надеяться в комментариях; и все же это слишком изумительно, чтобы обойтись без них.

Маниша, даже бамбук больше не комментирует. Когда чувствуешь это так ясно, никакие комментарии не нужны. Сегодня вы – те немногие люди на Земле, которые так благословенны, так соностроены с существованием. Эта тишина – простое доказательство. Почему бамбук перестал делать свои замечания? Не без причины.

Прежде чем вы войдете в ту же тишину, что и бамбук... немного смеха.

Пэдди дает показания в суде: он хочет получить компенсацию за руку, поврежденную на работе.

– Покажите мне, как высоко вы можете поднять руку сейчас? – спрашивает адвокат.

Пэдди с огромным трудом поднимает руку на шесть дюймов.

– А не могли бы вы показать, насколько выше вы поднимали ее до несчастного случая? – спрашивает адвокат.

– Конечно, – говорит Пэдди. – Я мог поднять ее вот так...

Такова наша бессознательность.

Берти Бальсов, директор компании, звонит днем домой. Горничная-мексиканка снимает трубку.

– Позови к телефону мою жену, – говорит Бальсов.

– Сеньор, – отвечает служанка, – мне неприятно это говорить, но ваша жена в спальне занимается любовью с соседом.

– Слушай внимательно, – рычит Бальсов. – Ступай в мою комнату, открой ящик стола и вытащи оттуда пистолет. Потом иди и застрели их обоих!

– Но сеньор! – причитает служанка. – Я не могу это сделать!

– Лучше иди, – отвечает Бальсов, – иначе я приеду домой, пристрелю их и тебя заодно!

Служанка кладет трубку и через несколько минут возвращается.

– О'кей, сеньор, я сделала это, – сообщает она. – Я убила их и сбросила тела в бассейн.

– В бассейн? – говорит Бальсов. – В какой бассейн? Алло! Это дом Бальсова?

Уолтер Уибблс, тощий маленький человечек, молится Богу в дальнем уголке церкви.

– Пожалуйста, Боже, – стонет он, – я не могу заплатить за дом; моей жене нужно новое платье, а машина сломалась. Ты должен помочь мне!

В этот момент дверь церкви распахивается, и входит здоровенный негр. Он идет прямо к алтарю, смотрит вверх и кричит:

– Эй, Бог, я до тебя и вправду докопаюсь, ты, пешка! Мне нужна новая машина, новый дом и новая подружка! И они нужны мне *сейчас!*

Он поворачивается и уходит.

Уолтер не может поверить своим глазам и продолжает тихо бормотать.

На следующей неделе Уолтер снова сидит там же, в дальнем уголке церкви.

– Пожалуйста, Боже, – шепчет он, – моя жена хочет уйти от меня, я только что потерял работу и...

Его прерывает скрип тормозов. Затем дверь церкви распахивается, и входит тот же негр с красивой девушкой под ручку. Они проходят к самому алтарю, и негр кричит:

– Эй, Бог, я и вправду до тебя докопаюсь, ты, пешка. Машина классная, дом классный, и цыпленочек тоже ничего!

Для Уолтера это слишком. Когда негр уходит, он идет к самому алтарю, поднимает руки и спрашивает:

– Боже, что происходит? *Ему* ты даешь все, что он хочет, а мне не даешь *ничего!* Почему?

Неожиданно с неба раздается оглушительный голос:

– Скажи спасибо, что я не докопался до тебя, ты, пешка!

А теперь...

Ниведано...

Идите глубже!
Это мгновение...

Ниведано...

(Ниведано нет сегодня... проходит несколько секунд, пока не отзывается тот, кто его заменяет.)

Хотя Ниведано нет здесь, он все равно должен бить в барабан.

Здесь нет никого.
Просто будьте абсолютно безмолвны,
соберите всю энергию внутрь,
как будто идете домой.

Это,
помните Это...
Это высшая реальность вашего существа.

Ниведано...

Упадите замертво,
абсолютно мертвыми.
Не беспокойтесь о дышащем теле.

Будьте в своей могиле.

Это...
Это...

Не упустите его.

Я предлагаю всем вам
высочайший пик сознания.
Не упустите его.

Просто *будьте*,
и вы обрели его.

Ниведано...

Вернитесь к жизни,
тотально, живо.

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

XIII ПЯТЬ ДВЕРЕЙ В ВАШ ДОМ

8 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Один монах пришел к Кицу и, пробив совсем недолго, стал готовиться в путь. Кицу спросил:

– Куда ты идешь?

Монах ответил:

– Я хожу повсюду, обучаясь пяти ароматам дзен.

Кицу сказал:

– Да, в различных местах есть пять ароматов дзен, но здесь у меня есть только один.

Монах спросил:

– И чем же может быть твой дзен с одним ароматом?

Кицу ударил его.

Монах сказал:

– Я понял! Я понял!

Кицу сказал:

– Скажи, что! Скажи, что! – И, как только монах начал говорить, Кицу снова стукнул его.

В другой раз монах спросил Кицу:

– Что есть Будда?

– Если я скажу, – сказал Кицу, – ты поверишь мне?

Монах ответил:

– Слова мастера значат так много – как я могу не верить им?

Кицу сказал:

– Это просто ты.

Монах спросил:

– Как мы можем поддерживать это положение?

Кицу сказал:

– Если твой глаз хоть чуть-чуть замутняется, цветистые иллюзии безудержны.

В этот момент монах стал просветленным.

Маниша, дзен – это не то, что он говорит, но то, что он показывает. Это палец, показывающий на луну в абсолютной

тишине. Все слова следует понимать как пальцы, показывающие на луну. Это не философия, это намек.

Вы должны понимать эти истории, основываясь на этом.

Один монах пришел к Кицу и, пробив совсем недолго, стал готовиться в путь. Кицу спросил:

– Куда ты идешь?

В дзен эти вопросы значат не то же самое, что в обычном языке. Когда дзенский мастер спрашивает: “Куда ты идешь?”, он имеет в виду: “Невозможно куда-то идти, ты везде. Куда ты можешь пойти? Твое сознание так же обширно, как вся вселенная – *Куда ты идешь?*”

Простой вопрос подразумевает огромный подтекст:

Вы – не тело, как вы думаете,

вы – не ум, как вы думаете,

вы – не желание, как вы думаете;

вы – свидетель,

который вмещает всю вселенную.

Вы никуда не можете пойти. Куда бы вы ни шли, вы плаваете внутри себя. Весь этот океан существования – ваш. Он не имеет ограничений, пределов.

Когда Кицу спросил: “Куда ты идешь?”, монах ответил:

– Я хожу повсюду, обучаясь пяти ароматам дзен.

Он не понял вопрос. Он понял язык, но не смог увидеть подтекста.

“Я хожу повсюду...” Это просто означает, что он верит в свое “я” и также верит в то, что может куда-то пойти. Он слышал о пяти ароматах дзен, но тоже представляет их не совсем точно. Пять ароматов дзен просто означают ваши пять чувств, полностью пробужденные. Даже одного полностью проснувшегося чувства достаточно. Если вы можете видеть без всяких облаков мыслей, проходящих по небу ваших глаз... этого достаточно.

Но природа всегда дает в избытке. Вы могли бы пережить собственное существо с помощью одного-единственного чувства. Вместо одного существа подарило вам пять чувств – и вы все равно не нашли себя. Пять дверей... и вы не вошли в свой собственный дом. Хватило бы и одного.

Пять ароматов дзен означают пять органов чувств. Можно достичь дзен, достичь себя, нюхая розу. Если человек может стать одним с розой, ее ароматом, если он может на миг забыть себя, чтобы осталась только роза – всего на миг наблюдатель и наблюдаемое едины... Тогда вы нашли то, над чем раздумывали философы – истину, красоту; то, что воспевали поэты, что музыканты пытались воспроизвести на своих инструментах.

Но никому не удалось. Даже величайший поэт знает: чем лучше стихотворение, тем сильнее ощущение, что оно ему не удалось.

Один из величайших поэтов Индии, Рабиндранат, умирал. Один из его старых друзей утешал его: “Не волнуйся. Смерть приходит к каждому из нас, а ты достаточно пожил и жил богатой жизнью. Чего еще можно ждать?”

Рабиндранат открыл глаза и сказал: “Ты прав, и все же... Я хочу, чтобы это записали для будущих поколений: я не спел ту песню, которую хотел спеть”.

Он оставил шесть тысяч песен. Этот человек растерялся, потому что величайший западный поэт Шелли написал всего две тысячи песен. У Рабиндраната было шесть тысяч песен, которые можно положить на музыку; это не только поэзия – их также можно петь. И, тем не менее, последнее, что он сказал: “Все это – мои неудачи. Шесть тысяч раз я не достигал успеха; я пытался что-то сказать, но оно ускользало от меня”.

Чем крупнее музыкант, тем сильнее ощущение, что музыка, которую он хотел написать, что инструмент, на котором он хотел сыграть...

(Обрушивается неистовый ливень с ураганом; электричество ненадолго отключается, и внезапно все собрание погружается в молчаливую темноту. Когда свет включается, Ошо некоторое время ждет, прежде чем заговорить снова.)

Вы слышите дождь?

Если вы можете слышать его интенсивно, тотально, этот момент может стать вашим просветлением.

Это не вопрос, который требует обсуждения, это исследование вашего собственного внутреннего пространства. Это остановка ума, остановка блуждающих мыслей, и приход в спокойствие внутри вас, где ничто не движется.

Кицу спросил: “Куда ты идешь?”

Я спрашиваю вас: “Куда вы идете?” Снаружи такой сильный дождь. Даже бамбук танцует с ним. Если вы можете оставаться здесь без мышления, без ума... это то место, то пространство. Вам не нужно идти куда-то еще, чтобы найти его.

Кицу сказал:

– Да, в различных местах есть пять ароматов дзен, но здесь у меня есть только один.

Монах спросил:

– И чем же может быть твой дзен с одним ароматом?

Кицу ударил его.

Этот удар символичен. Он говорит: “Это ты” – так громко, как только можно. Есть лишь один аромат, просто будь без колебаний. И если в этой прекрасной атмосфере ты не можешь найти это, куда ты собираешься идти искать? Здесь присутствует столько будд, знают они о том или нет – просто соберись и посмотри внутрь.

Кицу ударил бедного монаха только для того, чтобы разбудить спящего. Он спит в каждом.

Монах сказал:

– Я понял! Я понял!

Кицу сказал:

– Скажи, что! Скажи, что! – И, как только монах начал говорить, Кицу снова стукнул его.

Дзен невозможно сказать.

Как только вы начинаете говорить его, вы упустили.

Вы можете обладать им,

вы можете быть им,

вы можете танцевать его,

но не можете перевести его в слова.

Это бессловесное переживание собственного существа.

В другой раз монах спросил Кицу:

– Что есть Будда?

– Если я скажу, – сказал Кицу, – ты поверишь мне?

Монах ответил:

– Слова мастера значат так много – как я могу не верить им?

Кицу сказал:

– Это просто ты.

Это самая простая и самая сложная вещь в мире: поверить, что вы – будда. Но, верите вы или нет... вы – будда, вы не можете быть никем больше. Вы – чистое сознание, вы – чистое существование.

Монах спросил:

– Как мы можем поддерживать это положение?

Кицу сказал:

– Если твой глаз хоть чуть-чуть замутняется, цветистые иллюзии безудержны.

В этот момент монах стал просветленным.

Но стали ли вы просветленными в этот момент? Это так просто; не нужно никакого образования, не нужно никакого обучения, не нужно никакой культуры. Вы уже есть. С самого начала времен вы – вечность в этом самом моменте.

Если вы не становитесь просветленными, это просто откладывание. Спешить некуда – вы можете стать просветленными завтра или в следующей жизни. Но помните, пока вы не станете просветленным, вы не сможете избавиться от своего несчастья, своего напряжения, беспокойства, бессмысленности. Вы не достигнете величия, которое является вашим уделом.

Лучше сделать это быстро – в этот момент, не медля; вы ждали многие века. И чем дольше вы ждете, чем лучше вы учитесь ждать, тем более и более прочным становится ваше ожидание.

Не нужно ждать. Ни единого мгновения. В этом прекрасном существовании...

И сегодня, в этот момент, это особенно прекрасно. Вокруг – таец дождя, комментарии бамбука и молчаливое собрание тысяч будд... Не упустите.

Маниша спросила:

Возлюбленный Ошо,

Интересно, понимаю ли я твои слова? Понимаю ли я твое молчание? Я знаю только, что твои слова в эти дни мало похожи на слова, а твое молчание ощущается как наше молчание – и это молчание кажется самым знакомым, самым естественным пространством.

Маниша, у меня в руке нет палки, иначе я ударил бы тебя три раза. Ну что ж, Ниведано, ударь вместо меня три раза!

Эти три удара – трехкратное “да”.

Пока не прекратился дождь, мне хотелось бы поделиться с облаками, с дождем не только вашей тишиной, но также и вашим смехом. Молчание без смеха мертво, а смех без молчания поверхностен. Когда молчание и смех соединяются... это нечто феноменальное, нечто чрезвычайно важное. Разделите с дождем свой смех так же, как разделили тишину.

Брат Брайан, брат Борис и брат Билли, трое молодых послушников, готовятся пройти последнее испытание перед тем, как принять монашество.

Старый аббат проводит их в роскошно обставленную комнату, просит снять мантии и привязывает к членам по маленькому колокольчику.

Неожиданно в комнату входит великолепная блондинка в бикини, и один из колокольчиков начинает звонить: “Динь-динь! Динь-динь!”

– Ступай в душ, брат Брайан, – говорит аббат.

Девушка начинает снимать бикини... “Динь-динь! Динь-динь!”

– Очень плохо, брат Борис, – говорит аббат, – придется и тебе пойти в душ.

Наконец, девушка полностью раздевается и начинает танцевать перед братом Билли. Колокольчик молчит.

– Слава Богу! – кричит аббат. – Мои поздравления, брат Билли. Ты выдержал испытание. Теперь ступай в душ и присоединись к тем несчастным!

“Динь-динь! Динь-динь!”

Зебра в передвижном цирке заболела, и ветеринар посоветовал оставить ее до выздоровления на ближайшей ферме. Зебра идет на скотный двор и знакомится со всеми.

– Я зебра, – говорит она, – а ты кто?

– Я курица, – отвечает курица.

– А что ты умеешь делать? – спрашивает зебра.

– Я много кудахтаю и несу яйца, – объясняет курица.

Зебра идет дальше и встречает корову.

– Я зебра, – представляется она, – а ты кто?

– Я корова, – отвечает корова.

– А что ты умеешь делать?

– Я мычу и даю молоко.

Вслед за тем зебра встречает быка.

– Я зебра, – говорит она, – а ты кто?

– Я бык.

– А что ты умеешь делать?

– Что я умею делать? – сопит бык. – Снимай эту дурацкую пижаму, и я покажу тебе!

Папа-поляк и Рональд Рейган умирают и отправляются на небеса. Они просят, чтобы Бог принял их, и находят его сидящим в удобном кресле.

– Что сделал ты, чтобы удостоиться рая? – спрашивает Бог у папы.

– Я целовал землю почти во всех крупных аэропортах мира; я боролся с коммунистическим злом и так строго запретил контроль над рождаемостью, что число католиков значительно возросло и продолжает расти.

– Очень хорошо! – говорит Бог. – Садись по левую сторону от меня.

Затем Бог поворачивается к Рональду Рейгану:

– А что сделал ты, чтобы удостоиться рая?

– Я был самым фундаментальным христианином среди президентов всех времен и народов. Я выгнал коммуны Ошо из Америки и развязал третью мировую войну, чтобы приблизить твое второе пришествие на Землю.

– Хорошая работа, – говорит Бог; затем он замечает стоящего рядом Ошо.

– О! – смущенно говорит Бог, – а что сделал ты, чтобы удостоиться рая?

– Кончай болтать, – говорит Ошо, – и слезай с моего кресла!

Теперь идите в джиббериш.

Ниведано...

Будьте безмолвны, абсолютно безмолвны,
закройте глаза и будьте внутри.

Это.

Этот самый момент – ответ на все вопросы,
когда-либо заданные.

Вы – ответ.

Ниведано...

Упадите все.
Пускай тело дышит,
но вы идите глубже и глубже внутрь себя,

оставив тело, как скорлупу,
окружающую вас.

Это.

Этот самый момент есть ваша природа будды.
Это ваша вечность.

Ниведано...

Вернитесь к жизни, тотально, интенсивно.
Никто не должен оставаться в своей могиле.
Если кто-то остается в могиле,
ударь специально для них,

Ниведано...

В этом вся суть дзен:
простая осознанность.
Пламя, которое не колеблется,
меч, что рубит глубоко,
до самого ядра вашего существа.
Помните, дзен – не слово,
но лишь тень опыта.
Вы – реальность.
Все остальное –
несущественные комментарии.

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

XIV ДЗЕН ДЛЯ НИКОГО

9 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Унго Дойо был главным учеником Тозана. Когда он впервые встретил Тозана, Тозан спросил:

– Как тебя зовут?

Он ответил:

– Дойо.

Тозан сказал:

– Скажи мне трансцендентально!

Унго ответил:

– Говоря трансцендентально, меня зовут Дойо.

Тозан сказал:

– Когда я встретил своего мастера, мой ответ не отличался.

Унго оставался с Тозаном много лет. У Тозана никогда не было меньше, чем полторы тысячи учеников, двадцать восемь из которых были просветленными.

После того, как Унго реализовал свое просветление и стал мастером, один монах задал ему вопрос. Унго сказал:

– Ты дурак!

Монах ответил:

– Ты тоже!

– Что значит “дурак”? – спросил Унго.

Монах стал танцевать.

Он ушел, и в его отсутствие Унго похвалил его, сказав: “В конце концов, все изо всех сил стремятся чего-то достичь, хотя, конечно, дзен-достижение – это не-достижение”.

В другой раз чиновник сказал Унго:

– У почитаемого во всем мире было тайное послание; Махакашьяпа не делал из него тайны. Что это за тайное слово Будды?

Унго позвал его:

– Ваша честь!

Он ответил:

– Да?

Унго спросил:

– Вы поняли?

– Нет, – ответил он.

Унго сказал:

– Если вы не поняли, это и есть тайное слово Будды; если вы поняли, это то, из чего Махакашьяпа не делал тайны.

Маниша, будет очень трудно понять эту небольшую историю, если не вернуться на двадцать пять веков назад, к Гаутаме Будде и Махакашьяпе.

Должно быть, это было собрание, похожее на наше – в полном молчании ожидающее Гаутаму Будду. Он должен был прийти и прочесть утреннюю проповедь, как обычно; но сегодня он опаздывал. Ожидание становилось напряженным; был даже некоторый страх: “Не случилось ли чего? Почему он не пришел вовремя? За срок два года учения он не пропустил ни разу. Почему он опаздывает?”

Но это не было сборищем обычных зрителей. То были люди, ищущие и исследующие свое собственное существо. И, возможно, они думали: “Это один из приемов Гаутамы Будды... научить молчливо ждать, не спрашивая”. И вдруг появился Будда, очень неожиданно, с розой в руках. Это был из ряда вон выходящий случай; Будда никогда не приходил так, как сегодня. Он всегда приходил с пустыми руками. Увидев его с цветком, каждый, должно быть, подумал – если бы вы были там, вы тоже подумали бы: “Возможно, он собирается сказать что-то об этой розе”.

Однако он не был поэтом. Он не был художником. Что он мог сказать о розе? А он вообще ничего не сказал. Он просто сел на свое место и продолжал смотреть на розу, сводя всех с ума. Что с ним случилось? Пора говорить с коммуной, а он смотрит на розу, не говоря ни слова. В ожидании наступает такой момент... люди были очень обеспокоены. Повсюду ощущалось это беспокойство.

В этот момент Махакашьяпа, который ни до того, ни после не произнес ни слова, громко рассмеялся. Он был учеником Гаутамы Будды двадцать лет. Он никогда не задавал вопросов. Обычно он сидел под особым деревом; оно почти стало его монополией. Больше никто не садился под этим деревом. Все знали, что придет Махакашьяпа; его место должно быть свободно.

Но его место было очень странным. До того, как отказаться от царства, он был принцем – так же, как Гаутама Будда, – прекрасно

образованным во всех отраслях религии и философии. Но странно, что за двадцать пять лет, которые он просидел там, он не задал ни единого вопроса.

И вот неожиданно, когда все нетерпеливо ждали, что Будда начнет говорить... этот странный малый Махакашьяпа начинает смеяться. Он не смеялся двадцать лет.

Это происшествие – начало очень специфической ветви мистцизма, которая называется дзен.

Гаутама Будда подозвал Махакашьяпу к себе – он вручил ему розу, и проповедь была окончена. Нечто было передано без единого сказанного слова; нечто такое красивое, что может выразить роза, невидимое, возможно, похожее на аромат розы. Махакашьяпа поклонился, коснулся ног Будды, положил розу себе на голову и вернулся под свое дерево. А все собрание десяти тысяч монахов просто наблюдали этот спектакль.

Будда покинул свое место. Ананда, который обычно сообщал о приходе Будды или о теме, на которую он будет говорить, объявил, что проповедь окончена.

С того самого дня в течение двадцати пяти веков те, кто интересуется Гаутамой Буддой и его учением, вновь и вновь спрашивали: “Что было передано? Что именно Будда дал Махакашьяпе? И почему Махакашьяпа смеялся?”

Махакашьяпа считается первым мастером дзен. Гаутама Будда открыл новое измерение поиска, где нужны не слова, но молчание; где вы можете сказать только не говоря, где сказать означает упустить. Да, вы можете смеяться, вы можете танцевать, потому что, когда вы смеетесь тотально, ум останавливается, время останавливается, и все ваше существо сплавляется в единое целое, в единый организм. В других случаях вы – толпа: одна рука тянет на юг, другая – на север, и ваша голова разлетается на тысячи кусочков.

Но во время хорошего утробного смеха все возвращается, и внезапно вы интегрируетесь. Смех – это начало дзен; Махакашьяпа смеялся над нетерпеливостью людей, потому что Гаутама Будда никогда еще не давал так много, сколько дал сегодня своим молчаливым. Он просто говорил: “Наблюдайте, будьте свидетелями, не говорите ни слова. Просто будьте, и в этот самый момент вы – просветленные”.

Основываясь на этом, вам будет легко понять историю, которую принесла Маниша.

Унго Дойо был главным учеником Тозана. Когда он впервые встретил Тозана, Тозан спросил:

– Как тебя зовут?

Помните, что в дзен язык используется совсем по-другому, чем обычно. “Как тебя зовут?” вовсе не означает, что у вас спрашивают имя. “Как тебя зовут?” означает: “”Кто ты? Ты здесь?” Это не вопрос о произвольном имени, это вопрос о вечном сознании внутри вас... “Нашел ли ты его?”

Он ответил:

– Дойо.

Тозан сказал:

– Скажи мне трансцендентально!

Не пользуйся словами!

Вы должны понять, что значит “трансцендентально”.

Вы видите, что мой палец указывает, ничего не говоря? Вы можете заглянуть в мои глаза и увидеть в них тишину?

Я тоже держу в руке все существование – не одну розу, но все розы, которые когда-либо цвели и когда-либо расцветут. Вы видите их? Можете ли вы увидеть в одной розе все розы прошлого и все розы будущего?

Видеть трансцендентально означает видеть не умом, но существом. Другими словами, когда язык прекращается, когда ум останавливается и вы – просто тишина, чистое пространство... тогда вы можете спонтанно сделать что угодно, и *это* будет означать трансцендентальный разговор.

Унго ответил:

– Говоря трансцендентально, меня зовут Дойо.

Тозан сказал:

– Когда я встретил своего мастера, мой ответ не отличался.

Унго оставался с Тозаном много лет. У Тозана никогда не было меньше, чем полторы тысячи учеников, двадцать восемь из которых были просветленными.

В этой части истории он говорит: “Ты не отличаешься от меня. Когда я пришел к своему мастеру, я был таким же непросветленным, как и ты сегодня. Мой ответ не отличался от твоего. Я был так же

невежественен, так же несознательен. Ты все еще пользуешься словами”.

После того, как Унго реализовал свое просветление и стал мастером, один монах задал ему вопрос. Унго сказал:

– Ты дурак!

Монах ответил:

– Ты тоже!

– Что значит “дурак”? – спросил Унго.

Монах стал танцевать.

Существование следует переживать без интеллектуальной вербализации. Танец годится, потому что в танце вы тотальны. Настоящий танцор забывает себя, танцор исчезает и остается лишь танец. Это – трансценденция.

Это может произойти по-разному. Певец может петь с такой интенсивностью и тотальностью, что его больше нет, только песня... И трансценденция случилась.

Поэт, художник, музыкант, плотник – неважно, чем вы занимаетесь. Но если вы делаете это без вмешательства ума...

Я говорил вам о величайшем танцовщике этого века, Нижинском. У него была проблема, особенно для физиков и других отраслей науки. Во время танца бывали моменты, когда он мог подпрыгнуть так высоко, что это невозможно с точки зрения расчетов физики; гравитация не позволяет сделать это. Он выходил за пределы гравитации не только когда прыгал – когда он приземлялся, он не падал на землю, как обычно падают вещи. Он спускался как перышко, очень медленно, не спеша.

Создавалось впечатление, что он приземляется сам, что его не притягивает гравитация. Его вновь и вновь спрашивали: “Как вы делаете это?”

Он говорил: “Не спрашивайте, как я это делаю, потому что я и сам удивляюсь. Когда я стараюсь это сделать, я не могу. Когда я забываю себя – когда нет никакого Нижинского и танец берет верх, танцор растворяется в танце, – возможно, гравитация теряет свою силу. Но это все, что я могу сказать: когда это случилось, меня не было. А когда я стараюсь, это никогда не случается”.

Вот что имеется в виду под “трансцендентальным”. Ваше отсутствие – трансцендентальность. Отсутствие это – трансцендентальность.

Ответ Дойо фактичен: это его имя. Но имена – всего лишь ярлыки, вы можете сменить их. Вы не родились с именем и не умрете с именем. Безымянными вы приходите, как ветерок, и безымянными исчезаете в неведомом. Все имена произвольны – они полезны для почты, для рынка. Они необходимы, но эта необходимость утилитарна, она не трансцендентна.

Если вы хотите, вы можете отбросить свое имя и сказать: “У меня нет никакого имени”. Это не проблема. Имя – просто фикция, сделанная из той же материи, что и сны.

Тозан сказал: “Пожалуйста, скажи это трансцендентально!”

Но для того, чтобы сказать что-то трансцендентально, сначала нужно знать трансцендентальность на опыте.

Унго сказал: “Говоря трансцендентально, меня все-таки зовут Дого”.

Тозан сказал: “Когда я увидел своего мастера, мой ответ не отличался. Я был таким же невежественным, как ты, таким же бессознательным, как ты, так же глубоко спал, как и ты”.

После того, как Унго реализовал свое просветление и стал мастером, один монах задал ему вопрос. Унго сказал:

– Ты дурак!

Должно быть, этот монах был человеком большого понимания, потому что он ответил: “Ты тоже дурак!”

Невинность не есть осведомленность. Дурак ближе к невинности, чем осведомленный человек. Осведомленный человек полон мусора, заимствованного. Дурак, по крайней мере, свободен от любых заимствованных знаний; он – это он.

В этом и есть уникальность дзен: для него лучше, чтобы вы были дураком, чем великим ученым, осведомленным, раввином, пандитом. Поскольку эти люди управляли всем человечеством и его прошлым, они уничтожили в человеке всякую невинность.

Дзен будет любить даже дурака, если он невинен, если он может сказать: “Я не знаю” – что и происходит в этом диалоге.

Унго сказал:

– Ты дурак!

Любой обычный человек обидится, если его назвали дураком. Но дзен говорит на совершенно другом языке. Его вибрации отли-

чаются, его мир отличается. Вместо того чтобы обидеться, он просто говорит: “Ты тоже!” Ни я, ни ты не знаем.

Не знать, просто быть – вот заключение дзен. Знание от ума, незнание от сердца. И постепенно ваше незнание становится глубже, оно достигает самого вашего существа.

В последний миг своей жизни Сократ сказал своим ученикам: “Когда я был молод, я думал, что знаю очень много. Когда я немного повзрослел, я начал осознавать, что мои знания так малы, а область невежества огромна. А теперь, перед смертью, я могу сказать вам, что я совсем ничего не знаю. Я умираю как ребенок, как чистая доска”.

В этом смысл фразы Кабира:

Джэун ки тьюн дхари динхин чадария.

“Я возвращаю тебе жизнь такой же, как ты дал мне ее – неисписанной, неиспорченной.” Невинность самого первого дня должна трепетать внутри вас всю жизнь.

Тогда вы узнаете

поэзию существования,

тогда вы узнаете

красоту, прекрасное, что окружает вас.

Тогда вы узнаете то,

что нельзя узнать,

что нельзя сказать,

но все же можно почувствовать,

можно пережить.

– Что значит “дурак”? – спросил Унго.

Монах стал танцевать.

Очень подлинный ответ: перестань беспокоить меня словами, перейди к реальности. Его танец – это ответ его невинности. К несчастью, даже поэты стали эгоистами. К несчастью, музыканты, художники, скульпторы стали эгоистами. Это люди, которые должны быть мистиками. Но вместо того, чтобы войти в невинность своей поэзии, музыки, танца, они тоже вступают в ряды политиков, хотя бы быть чем-то особенным.

Дзен для тех, кто готов быть никем, кто готов быть просто тишиной. Но эта тишина открывает двери для всего величия, скрывающегося внутри вас. В этой тишине ваш танец будет иметь

совершенно иное качество, ваша поэзия будет иметь совершенно иной оттенок, ваша музыка не будет *вашей*. Вы станете словно пус-той бамбук, и сущее будет петь через вас.

Пока вы не подобны полому бамбуку и вселенная не может петь через вас, вы – просто посредственность. Вы – просто рифмоплет, вы не в руках существования, вы боитесь. Вы защищаетесь, вы находитесь в путешествии эго... Каждый человек.

Кто-то взбирается по лестнице власти, кто-то копит деньги, кто-то еще выбирает другое направление. Но цель одна: “Меня должны признать”.

Вам не нужно признание. Вам нужно *осознание* себя – а не признание. Если признание происходит само собой, это другое дело; это просто тень. Это не ваша цель, оно приходит к вам. Вы не гоняетесь за ним.

Монах стал танцевать.

Он ушел, и в его отсутствие Унго похвалил его, сказав: “В конце концов, все из всех сил стремятся чего-то достичь, хотя, конечно, дзен-достижение – это не-достижение”.

В другой раз чиновник сказал Унго:

– У почитаемого во всем мире было тайное послание; Махакашьяпа не делал из него тайны. Что это за тайное слово Будды?

Я рассказывал вам историю Махакашьяпы.

Другой случай из жизни Будды объяснит это вам.

Он идет через лес, Ананда с ним... Пора листопада. Лес засыпан листьями, порхающими, танцующими на ветру под солнцем. Деревья стоят нагие.

Ананда спросил Будду: “У меня не было времени задать вопрос, потому что всегда кто-то есть, и я не хочу вмешиваться. Сейчас, когда мы одни, я хочу спросить одну вещь. Все ли ты сказал нам, что знаешь? Нет ли у тебя каких-нибудь тайн?”

Будда наклонился, взял несколько мертвых листьев и сказал Ананде: “То, что я сказал, подобно этим немногим листьям, а то, что я не сказал, равно всем опавшим листьям в этом огромном лесу. Но я не храню тайну – это нельзя сказать. Те, кто поймет то, что я сказал, возможно, найдут это сами; они обязательно найдут. Я только показал путь. Я не сказал ни единого слова о цели”.

Это происшествие вновь появляется, когда чиновник спрашивает Унго: “У почитаемого во всем мире, – Гаутамы Будды, – было тайное послание; Махакашьяпа не делал из него тайны” – потому что Махакашьяпа рассмеялся, поделился своим опытом. Будда молчал, все молчали. Махакашьяпа не мог удержаться, чтобы не поделиться красотой молчания, радостью молчания, и громко рассмеялся.

Поэтому в традиции дзен говорится: у Будды было много секретов, а Махакашьяпа открыл их миру.

Унго позвал его:

– Ваша честь!

Он ответил:

– Да?

Унго спросил:

– Вы поняли?

– Нет, – ответил он.

Унго сказал:

– Если вы не поняли, это и есть тайное слово Будды; если вы поняли, это то, из чего Махакашьяпа не делал тайны.

Это прекрасная история для любого, кто действительно стремится узнать внутренний секрет своего собственного существа и вселенной, которой мы принадлежим. Что касается моего мнения об этой истории, я хочу, чтобы вы знали:

Никакой тайны нет.

Все открыто так же, как небо,

просто вы закрыты.

Слепой может сказать: “Солнце делает из света тайну”. Глухой может сказать: “Все эти поэты, собравшиеся здесь, не читают своих стихов”. Ваша глухота, ваша слепота, ваша бессознательность не делают существование тайной. Оно кричит в каждой звезде, в каждом горном пике, в каждой цветке, тысячами способов.

Это не тайна – вам не нужно ее искать. Вы должны просто замолчать внутри себя – и она здесь, она бьется в вашем пульсе. Помните, ваш пульс – это пульс всей жизненной системы. Это пульс самого существования.

В этом вся моя работа.

У меня нет никакой философии и никаких догматов, кредо, никакой теологии, никакой религии. Я не проповедник. Я просто пытаюсь показать вам, что *вы и есть это*.

Маниша задала несколько вопросов. Первый:

Возлюбленный Ошо,

Когда говорят, что истина – это тайна, у меня возникает чувство, что истина – это эксклюзивный клуб, куда допускают только того, кто обладает какими-то необъяснимыми способностями.

Но я не чувствую, что у тебя есть какой-то секрет и ты скрываешь его от нас; разве что моя собственная скрытность стоит поперек дороги.

Можешь ли ты сказать что-нибудь, что я могла бы понять?

Каждый миг я даю вам розу, которую Гаутама Будда дал Махакашьяпе – всем своим существом, своим присутствием. Здесь нет никакого секрета, мои руки открыты. Я не сжимаю их в кулаки. Но существует нечто напоминающее то, что ты называешь “эксклюзивными клубами”.

Пандиты-индуисты думают, что истина есть только в санскритских писаниях. Один очень молодой и алертный человек, Свами Раматиртха, который уехал на Запад и побывал во всем мире... его любили тысячи людей. Он был редкостным человеком. Он думал по возвращении домой первым делом побывать в Каши, столице индуизма. Но он не осознавал беды, которая его ждет.

В Каши есть тайный совет индуистских книжников. Его вызвали на этот совет, и первым вопросом, который задал председатель, было: “Ты понимаешь санскрит?”

Конечно, он не знал санскрит. Он родился недалеко от Пешавара и обучался на персидском, арабском, урду; санскрит был ему совершенно неизвестен. Но чтобы знать истину, санскрит не нужен. Иначе ни Сократ, ни Пифагор не знали бы ее.

Но таково отношение всех религий. Иисуса распяли по многим причинам. Одной из них было то, что он не был раввином, не был ученым иудеем. Он был сыном бедного плотника, а его провозглашали пророком. Книжники имеют коммерческую заинтересованность в том, чтобы хранить секреты. А в писаниях ничего нет – вы только посмотрите на этих книжников: в их жизни ничего нет – ни песен, ни красоты, ни танца, ни смеха. Они точно сухое дерево.

Вы когда-нибудь видели невинно танцующего пандита? Раввина или папу? Они знают много, но им незнакомо внутреннее пространство невинности.

Это не тайна, Маниша. Это становится тайной, если вы спите. Если вы не входите в собственное существо, это становится тайной. Никто не может помешать вам, кроме вас самих, и никто не может дать вам это, кроме вас самих.

Ее второй вопрос:

Возлюбленный Ошо,

Вчерашняя вечерняя беседа была словно на Ноевом ковчеге. Твой голос был якорем, в то время как мы сидели так тихо и спокойно, буквально в центре циклона. Это был удивительный пример того, насколько существование благосклонно к нам – хотя я слышала, что один бамбук перенес множественные переломы.

Маниша, этот бамбук и еще другое дерево привезли саньясины из Бразилии... оба они были очень гордыми. Эти множественные переломы – они нуждались в них, они их заслуживали. В противном случае – вас окружают сотни бамбуков, и все они молчали вместе с вами под дождем, на ветру, под громадными тучами. С ними ничего не случилось.

Вам нужно было внимательно наблюдать за бамбуком, который сломался. А это дерево из Бразилии... это было гордое дерево. Но гордость – имя не той игры, в которую мы здесь играем. Это очень хорошо, мы позаботимся об этом бамбуке.

И я надеюсь, что он понял, почему получил эти переломы. Когда налетел ветер, налетели грозовые тучи и начался такой сильный дождь... если бамбук не качается и не танцует вместе с ветром и дождем, он сломается. Наверное, этот бамбук сопротивлялся дождю, сопротивлялся ветру; а тот, кто противится природе, окажется полностью сломанным, рано или поздно окажется в больнице.

Именно это всегда получает переломы. Ваше существо неприкосновенно, ничто не может причинить ему вреда. Даже смерть.

Прежде чем мы войдем в нашу ежедневную медитацию... бамбук ждет немного смеха. Он, может быть, не понимает языка, но ваш смех ему понятен.

Мойше Финкельштейн дремлет в своем кресле в Похоронном Доме Финкельштейна. Звонит телефон. Мойше берет часы и подносит их к уху.

– Алло, – сонно произносит он.

Телефон звонит снова. Мойше ставит часы на место и берет трубку. Менеджер сообщает ему, что Демократическая партия проводит конференцию и поэтому полностью забронировала городской отель, и что один из делегатов умер в номере 213.

Мойше закидывает в свой катафалк гроб и едет в город.

Через полчаса он звонит менеджеру в офис и сообщает, что дело сделано и обитателя 312-го номера вывезли.

– Идиот! – кричит менеджер, – я говорил про 213-й! А что, мужчина в 312-ом тоже умер?

– Он говорил, что нет, – спокойно отвечает Мойше, – но вы же знаете, какие лжецы эти политики!

Раджив Ганди, премьер-министр Индии, Франсуа Миттеран, французский президент, и Рональд Рейган из Америки сидят втроем после конференции.

– У меня есть проблема, – говорит Ганди, – и мне нужна ваша помощь. У меня двадцать личных телохранителей, и я точно знаю, что один из них – китайский шпион. Но кто?

Миттеран и Рейган сочувственно кивают, затем француз говорит:

– У меня похожая проблема. У меня двадцать любовниц, и я точно знаю, что одна из них неверна мне. Но которая?

– Это все ерунда, – говорит Рональд Рейган. – У меня в кабинете двадцать человек. Один из них, я знаю, умный... Но кто?

Старик Финкельштейн и его друг дедуля Фанкенбюргер сидят за рюмочкой после обеда.

– Знаешь, – говорит Финк, – когда мне было тридцать, у меня была такая сильная эрекция, что я никак не мог опустить его, даже обеими руками.

Фанк одобрительно кивает.

– Когда мне исполнилось сорок, – продолжает Финк, – я мог чуть-чуть опустить его, но с огромным трудом. В пятьдесят мне стало чуть полегче. А сейчас мне шестьдесят, и я легко отгибаю его на половину.

Два друга делают по глоточку.

– Просто поразительно, Фанк, – говорит Финк, насколько же сильнее у меня руки!

Рубин и Клопмен, два старых друга, встречаются на улице.

– Как дела? – спрашивает Рубин.

– Могло быть хуже, – отвечает Клопмен. – Мой дом сгорел вместе со всем, что в нем было.

– О! – говорит Рубин. – Это ужасно!

– Не так уж ужасно, – отвечает Клопмен. – Страховая компания заплатила мне двойную цену.

– О, это прекрасно! – восклицает Рубин.

– Не так уж прекрасно, – отвечает Клопмен. – Моя жена погибла в огне.

– Это ужасно, – говорит Рубин.

– Не так уж ужасно, – отвечает Клопмен. – Видишь ли, я снова женился, и моя новая жена гораздо лучше старой.

– Это прекрасно, – говорит Рубин.

– Не так уж прекрасно, – отвечает Клопмен, – потому что моя жена ходит в гости к соседу, очень смазливому типу, и очень часто проводит там всю ночь.

– Это ужасно, – говорит Рубин.

– Не так уж ужасно, – отвечает Клопмен, – потому что красотка жена моего соседа приходит ко мне!

– Так что у тебя все прекрасно! – говорит Рубин.

– Ни прекрасно, ни ужасно... – отвечает Клопмен. – Могло быть хуже.

Теперь, Ниведано, дай первый удар, и все войдите в джибберिश – как можно тотальнее.

Удар...

Ниведано, удар...

Теперь все войдите в абсолютное молчание.
Закройте глаза, никакого движения, просто будьте внутри.

Это.

Это.

Тысячу раз Это, –
это самая суть дзен.

Поймайте это,
и Бог – у вас в руках.

В этот момент
все вы становитесь храмами Бога.

Ниведано...

Теперь упадите замертво.
Позвольте телу дышать,
просто будьте сейчас и здесь.

Идите глубже, глубже.

Не будьте тем бамбуком,
который получил множественные переломы.
Идите глубже, к самым корням своего существа.

Теперь, Ниведано...

Вернитесь к жизни.

Свежие и молодые.

Послушайте... даже бамбук счастлив,
он празднует ваше молчание.

Этот благословенный бамбук каждый день
ждет этого мгновения,
чтобы быть со мной.

В молчании все сущее – один океан.

О'кей, Маниша?

Да, Ошо.

ВСЕ СТРЕЛЫ НАЦЕЛЕНЫ НА ЭТО

10 июня 1988 года

Возлюбленный Ошо,

Тозан сказал Унгану:

– Мастер, если кто-то спросит меня через сто лет, каково было, по моему мнению, ваше глубочайшее понимание, что мне сказать?

Унган ответил:

– Ответь ему, что я сказал: “Просто ЭТО”.

Тозан некоторое время молчал, и Унган сказал:

– Тозан, если ты осознал это, ты должен обстоятельно выполнять это!

Тозан по-прежнему молчал. Унган ударил его.

Через несколько лет, когда Тозан нес службу, помня о глубочайшем понимании Унгана, один монах сказал ему:

– Умерший мастер сказал: “Просто ЭТО!” Это утверждающий дух?

– Да, – ответил Тозан.

Монах спросил:

– Что это значит?

Тозан сказал:

– Когда Унган сказал это, мое представление было почти полностью ошибочно, несмотря на то, что я вполне понял то, что он имел в виду.

– Умерший учитель, – сказал монах, – знал он или нет?

Тозан сказал:

– Если он не знал, как бы он мог сказать такое? А если знал, как он мог не сказать это?

Другие мастера дзен выражали суть дзен так:

Массо сказал: “Покрытые лишайником лягушки квакают на вершинах гор в лунном сиянии.”

Пробужденный ум наконец прояснился.

Освежающий сосновый ветер

Книги Песен

Не может сравниться с ЭТИМ”.

Бейрей сказал:

“Все патриархи превыше

нашего понимания,

И они не остаются навсегда.

О мои ученики, исследуйте, исследуйте.

Что? – Почему ЭТО. Только ЭТО”.

А Дайбай сказал:

“Я – с этим, только с ЭТИМ.

Вы, мои ученики,

Твердо держитесь за это –

Теперь я могу испустить последний вздох”.

Маниша, это последняя беседа из серии, которая называется “Это. Это. Тысячу раз Это”... квинтэссенция существования, квинтэссенция вашего существа, квинтэссенция дзен – ЭТО.

ЭТО громадно:

маленькое слово, оно вмещает

полную, универсальную, вечную истину.

ЭТО безгранично.

Оно никогда не начинается

и никогда не кончается.

Оно всегда здесь.

Вы можете ходить туда и сюда, но это все равно что рыба, плавающая в океане; куда бы она ни плыла, это один и тот же океан. Вы можете быть ребенком, можете быть юношей, вы можете быть стариком, умереть, но ЭТО остается вечной истиной вашего существа. Живой или мертвый, вы не можете уйти от ЭТОГО.

Дзенские мастера вновь и вновь обращались к этому коренному вопросу. По-разному они пели свои песни, по-разному ставили свои подписи; но только способы различаются: все их стрелы нацелены на ЭТО. Мы увидим, как это повторялось, и почему это повторялось – почему тысячи лет те, кто знал, либо говорили “ЭТО”, либо оставались безмолвными в эвостии. Но в любом случае – говорили они или нет, – словами, молчанием, танцем, музыкой, просто бытием они указывали на ЭТО.

Вспомните Басё, великого мастера:

*Сидеть в молчании,
Ничего не делая.
Весна приходит,
И трава вырастает сама по себе.*

Все случается само по себе; только ненормальность заставляет человека заботиться и беспокоиться – делает его почти безумным в погоне за властью, положением, господством. Но даже богатейший человек мира беднее этого бамбука, что окружает Будда-холл, потому что этот бамбук самодостаточен, а самый богатый человек по-прежнему голоден.

Прежде чем войти в этот диалог, мне хочется рассказать вам небольшую историю.

В дверь императора постучал нищий. Было раннее утро, еще не рассвело, солнце еще не взошло над горизонтом. Император выходил на утреннюю прогулку в свой чудесный сад; в другое время нищему было бы трудно встретиться с ним. Но сейчас ему никто не мешал.

Император спросил: “Чего ты хочешь?”

Нищий сказал: “Прежде чем спрашивать, подумай дважды!”

Император никогда еще не видел такого льва в образе человека; он воевал, выигрывал войны и доказал всем, что в мире нет никого сильнее, чем он; и вдруг этот нищий говорит ему: “Подумай дважды о том, что говоришь, потому что, возможно, ты не сможешь выполнить обещание!”

Король сказал: “Не волнуйся, это моя забота; проси что хочешь, это будет исполнено!”

Нищий рассмеялся – император не мог понять его смех – и сказал: “Видишь мою нищенскую чашу? Я хочу, чтобы ее наполнили! Неважно чем – единственное условие, чтобы она была полна. Ты еще можешь сказать ‘нет’, но если согласишься, ты рискуешь”.

Настало время императору смеяться, потому что нищенская чаша... и ему ставят условие! Он приказал своему премьеру наполнить чашу нищего алмазами, чтобы он понял, с кем разговаривает.

Нищий снова сказал: “Подумай дважды”.

И вскоре стало ясно, что нищий был прав, потому что как только алмазы попадали в чашу, они просто исчезали. Алмазы, изумруды, рубины – у короля были несметные сокровища, но всего через несколько часов все они закончились, а нищенская чаша была по-прежнему пуста.

Эта новость мгновенно разнеслась по всей столице; тысячи людей пришли посмотреть на это чудо. Когда драгоценные камни закончились, король сказал: “Принесите все золото и серебро, все! Мое королевство поставлено на карту; это дело моей чести”.

Но к вечеру в нищенской чаше исчезло все, и остались только двое нищих – один из них когда-то был императором. Он сказал: “Прежде чем я коснусь твоих ног и попрошу прощения за то, что не послушал твоего совета подумать дважды, пожалуйста, открой мне тайну этой чаши”.

Нищий ответил: “Здесь нет никакой тайны. Я нашел ее в земле, это человеческий череп. Я отполировал его, сделал похожим на чашу. Я бедный человек, я не могу купить даже чашу; а поскольку это человеческий череп, ты все наполняешь и наполняешь его, и все исчезает”.

Эта история очень многозначительна. Вы когда-нибудь думали о своей нищенской чаше? Все исчезает: власть, престиж, уважение, богатство – все исчезает, а ваша нищенская чаша все раскрывает свой рот, требуя еще и еще. И из-за этих постоянных попыток добыть еще вы продолжаете упускать ЭТО. “Еще” уводит вас от ЭТОГО. Это желание, эта жажда чего-то большего уводит вас прочь от этого момента.

В мире есть только два рода людей: большинство гоняется за теньями, и они никогда не будут удовлетворены. Их нищенские чаши останутся с ними до самой могилы.

И очень незначительное меньшинство,
один из миллиона,
прекращает гонку,
просто останавливается
здесь и сейчас,
отбрасывает все желания,
ничего не требует,
и внезапно он находит
внутри себя все.
ЭТО – дверь в царство Божие.

Тозан сказал Унгану:

– Мастер, если кто-то спросит меня через сто лет, каково было, по моему мнению, ваше глубочайшее понимание, что мне сказать?

Каждому ученику время от времени становится интересно спросить мастера: “Если кто-то спросит меня, когда ты уйдешь: ‘В чем была суть его учения?’ – что мне сказать?”

Унган ответил:

– Ответь ему, что я сказал: “Просто ЭТО”.

ЭТО – не слово, а экзистенциальный момент. Вы не найдете его в словаре, вы найдете его в существовании.

Тозан некоторое время молчал, и Унган сказал:

– Тозан, если ты осознал это, ты должен обстоятельно выполнять это!

Тозан по-прежнему молчал. Унган ударил его.

... Потому что ЭТО не может быть больше, чем есть. Нет никаких деталей. Это самое простое тихое пространство, о нем ничего нельзя сказать. Поскольку Тозан ничего не сказал, его мастер, Унган, ударил его в знак одобрения. Ударяя учеников, мастера дзен говорили им: “Ты понял, получи награду!”

Через несколько лет, когда Тозан проводил службу в память о глубочайшем понимании Унгана, один монах сказал ему:

– Умерший мастер сказал: “Просто ЭТО!” Это утверждающий дух?

– Да, – ответил Тозан.

Монах спросил:

– Что это значит?

Тозан сказал:

– Когда Унган сказал это, мое представление было почти полностью ошибочно, несмотря на то, что я вполне понял то, что он имел в виду.

ЭТО – не слово, поэтому оно ничего не может значить. Вы можете жить им, но ничего не можете им сказать.

Это просто роза – на которую не смотрят, – неузнанная, невоспетая, неизвестная, открывающая свои лепестки и отдающая свой аромат ветру без всяких причин, только потому, что такова ее природа.

– Умерший учитель, – сказал монах, – знал он или нет?

... Вполне возможно, что вы просто повторяете слова, которые в ваших устах мертвы. Возможно, они были живыми в устах кого-то другого.

Тозан сказал нечто необычайно прекрасное. Он сказал:

– Если он не знал, как бы он мог сказать такое?

Он был таким искренним, прямым человеком, он не мог сказать того, чего не знал.

– А если знал, как он мог не сказать это?

Это вечная проблема, с которой столкнулся дзен: если вы знаете, вы не можете это сказать; и если вы знаете, вы не можете не сказать это. Такова природа этого опыта: он хочет быть разделенным. Если вы не знаете, конечно, вы не можете сказать. Но если вы знаете, вы тоже не можете сказать; и, в то же время, вы не можете не сказать.

Лао-цзы не сказал своим ученикам ни слова – а у него были тысячи учеников. То были золотые дни: тысяча учеников, сидящих с Лао-цзы в полнейшем молчании, день за днем, год за годом – никаких вопросов, никаких ответов. Все знают, что ЭТО есть, и оно не нуждается в проявлении, потому что как только вы выражаете это, оно перестает быть реальным, оно становится нереальным, всего лишь тенью, фальшивым отражением в зеркале. Каким бы реальным оно ни казалось, это только видимость.

Вы видели свое лицо в зеркале? Оно здесь, во всех деталях; но вы прекрасно знаете, что его нет, это только тень. Но с маленькими детьми иногда бывает... с очень маленькими детьми, еще неиспорченными. Если вы подносите к ним зеркало, они смотрят на ребенка в отражении, пытаются поймать его своими крохотными ручками, скользят по зеркалу. Они не могут удержаться от соблазна найти того, кто прячется за ним. Они стараются обойти зеркало сзади, чтобы найти того ребенка. Конечно, там никого нет, это было их собственное отражение.

Все, что сказано об истине, есть только отражение в зеркале.

Лао-цзы избегал говорить что-либо. Он ничего не писал; и когда ему было восемьдесят лет, он пошел в Гималаи, чтобы отдохнуть в вечности, в глубочайшей тишине вечных снегов гималайских вершин.

Император Китая отдал приказ по всей стране перекрыть все дороги: “Лао-цзы нельзя отпускать до тех пор, пока он не опишет свой опыт для будущих поколений”.

Его захватили до того, как он пересек границу – очень почтительно. Стражник сказал: “Я ни в коем случае не хочу быть с вами непочтительным, я просто выполняю приказ. Приказано, чтобы вы оставались в моем домике – здесь нет другого места – и записали самое главное из вашего опыта. Пока вы не сделаете этого, я не могу выпустить вас из страны, не могу позволить вам перейти границу”.

Император сам был учеником Лао-цзы. Под давлением обстоятельств Лао-цзы написал маленькую брошюру, но первое же предложение в ней – это все, что он действительно не говорил всю свою долгую жизнь – восемьдесят лет. В этом предложении говорится: “Истина есть, но в тот момент, когда вы говорите о ней что-либо, она исчезает. Так что, пожалуйста, читайте то, что я пишу, учитывая это – что никакие слова не могут вместить ее, включая мои”.

Такая искренность, такая чистота, такая правдивость очень редки – и становятся все реже и реже.

Другие дзенские мастера выражали сущность дзен так:

Массо сказал: “Покрытые лишайником лягушки квакают на вершинах гор в лунном сиянии.

*Пробужденный ум наконец прояснился.
Освежающий сосновый ветер
Книги Песен
Не может сравниться с ЭТИМ”.*

“Книга Песен” – это древний китайский трактат, одна из самых прекрасных книг. Ее можно сравнить лишь с Песней Соломона из Ветхого Завета. Но даже “Книга Песен” не сравнится с ЭТИМ.

ЭТО – единственная поэзия,
единственная песня, единственный танец,
единственный ответ –
здесь, сейчас, в самом вашем дыхании,
в самом вашем пульсе.

*Бейрей сказал:
“Все патриархи превыше*

*нашего понимания,
и они не остаются навсегда.
О мои ученики, исследуйте, исследуйте.
Что? – Почему ЭТО. Только ЭТО”.*

И если вы можете понять ЭТО, ничего больше не нужно – вы пришли домой. Вы долго блуждали, многие жизни вы скитались во многих формах, по многим дорогам; ЭТО внезапно возвращает вас к вашей сущности. А ваша сущность есть сущность вселенной. Нет никакой разницы между индивидуальным и универсальным. Как только капля росы падает в океан, все различия исчезают, капля становится океаном.

*А Дайбай сказал:
“Я – с этим, только с ЭТИМ.
Вы, мои ученики,
Твердо держитесь за это –
Теперь я могу испустить последний вздох”.*

Каждый мастер, достойный так называться, живет только ради тех, кто может понять ЭТО. У просветленного нет другой причины жить – даже один-единственный миг. Он пришел домой, но он видит, что его попутчики по-прежнему блуждают в темноте. Было бы очень жестоко не позвать их.

Все мастера – не что иное, как зов тем, кто без нужды блуждает и без нужды страдает. ЭТО! – и вы внезапно раскрываете свой внутренний лотос.

Маниша спросила:

*Возлюбленный Ошо,
Если кто-нибудь через сто лет спросит, каково, по моему мнению, было твое глубочайшее понимание, что мне сказать?*

Маниша, через сто лет или через миллион лет – тебе не нужно волноваться, я отвечу через тебя. Но ответом будет только ЭТО, без прикрас, просто чистая тишина, пространство без облаков.

Но тебе не нужно ждать сто лет, не нужно ждать даже одного мгновения. Сию минуту у тебя есть ответ. Вопрос уже задан.

Каждый миг люди, которые со мной – неважно, присутствуют они здесь физически или нет... где бы они ни были, я прошу их снова и снова, настаиваю, чтобы они пришли домой, были здесь, просто были и не гонялись за призраками.

Разве эта тишина не говорит то же самое? Разве этот бамбук не стоит с вами здесь в глубокой тиши как попутчик?

Прежде чем мы войдем в нашу ежедневную медитацию, мне хочется, чтобы бамбук немного посмеялся. Вы тоже можете присоединиться.

Фиона Филгуд приходит на осмотр к доктору Боунсу.

– Раздевайтесь, – говорит Боунс.

– Пожалуйста, доктор, – просит Фиона, – выключите свет.

– Ну что вы, мисс Филгуд, – говорит Боунс, – я же врач.

– Выключите свет, – настаивает Фиона.

Доктор Боунс выключает свет. Через пару минут Фиона спрашивает:

– Доктор, куда мне положить одежду?

– Сюда, – говорит Боунс, – на мою!

Косоглазый полицейский задерживает трех косоглазых пьяниц. Поворачиваясь к первому из них, он спрашивает:

– Как ваше имя?

– Майлз Макдаффи, – отвечает второй пьяница.

Полицейский поворачивается к нему:

– Я разговариваю не с вами!

Третий косоглазый говорит:

– А я вообще молчу!

Одри и Мэрилин, двое пенсионеров-учителей из Чикаго, всю жизнь копили деньги, чтобы поехать в Африку на сафари.

И вот они радостно продираются сквозь джунгли. Вдруг огромная горилла-самец прыгает на них с дерева, хватая Мэрилин и исчезает.

Он тащит ее в свою пещеру и целую неделю день и ночь занимается с ней любовью.

Наконец, Одри организует спасательный отряд, Мэрилин освобождают и везут в больницу. Через пару дней ее друг приходит известить ее.

– О Мэрилин! – вздыхает он, – какое ужасное несчастье! Как ты себя чувствуешь?

– Как я могу себя чувствовать? – всхлипывает Мэрилин. – Он не пишет, не звонит...

Итак, первый шаг – джиббериш. Говорите что угодно – уместное, неуместное; не беспокойтесь, потому что никто не слушает. Слушают только идиоты.

Говорите на китайском, если вы его не знаете, говорите на японском, если вы его не знаете, только не говорите на языке, который

вы знаете. Просто сойдите с ума. Иногда сойти с ума – это громадное облегчение.

Ниведано, дай первый удар. Все сходят с ума...

Ниведано...

Все становятся безмолвными, абсолютно безмолвными.

Просто закройте глаза, не двигайтесь...
пусть ваше существо устроится внутри вас.

ЭТО.

ЭТО.

ЭТО – самая суть дзен.

Идите в ЭТО как можно глубже...

Ниведано, ударь в барабан...

Упадите замертво... пусть тело дышит.

Просто наблюдайте
таковость,

этовость,
этот невероятно величественный момент.

Умрите глубже, если хотите прийти к жизни.
Чем глубже вы идете в смерть,
тем выше войдете в жизнь.
Не упускайте эту потрясающую возможность.
Не ждите сотню лет.
Я здесь.

Ниведано, удар...

Вернитесь к жизни, свежие, сияющие.
Некоторые, быть может, еще в своих могилах;
специальный удар для них, Ниведано...

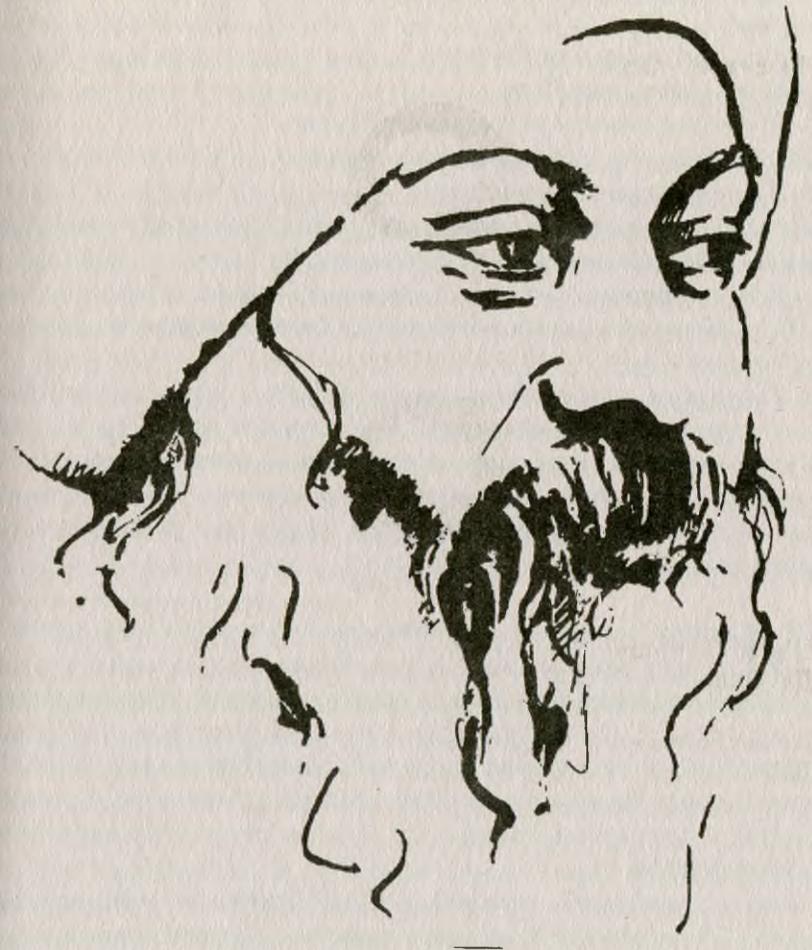
ЭТО – истина.

О'кей, Маниша?
Да, Ошо.

Ну как, можем мы праздновать?
Да!

ИСАН:

В СИНЕМ НЕБЕ НЕТ СЛЕДОВ

I КОПНИТЕ ГЛУБЖЕ

1 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Однажды Исан до поздней ночи просидел с Якудзю в тиши горного храма.

– Кто ты? – спросил Якудзю.

– Рейю, – ответил Исан.

– Поройся в очаге, – посоветовал Якудзю.

Исан сделал то, что ему велели, и сказал:

– Я не нашел ни одного уголька.

Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголь. Он показал его Исану и сказал:

– Вот, смотри!

Исан внезапно стал просветленным. Он поклонился Якудзю, который сказал:

– Ты пришел к перекрестку природы будды; ты должен наблюдать за временем и причинностью. Когда придет время, ты осознаешь это – подобно тому, как вспоминаешь нечто забытое. Это нельзя взять у других. Следовательно, когда ты просветленный, проявляется твоя изначальная природа. Теперь ты достиг ее – заботливо ее культивируй.

Маниша, сегодня мы начинаем новую серию бесед о дзен – на этот раз о мастере Исане. Название этой серии укажет вам, каким человеком был Исан. Серия называется: “Исан: в синем небе нет следов”. Он был настолько великим мастером, насколько это возможно, но не оставил после себя ни значительных писаний, ни пространных комментариев. Исан сделал в точности то, что говорил Будда о подлинном мастере – он исчез в синем небе, как птица, не оставив следов.

Откуда эта идея об отсутствии следов? В ней есть очень важный подтекст. Это значит, что великий мастер не создает движение; он не создает путь, по которому может следовать каждый. Он летает в небе, он рождает в вас жажду полета и исчезает в синеве небес, создавая в вас страстное желание узнать, что это такое – исчезнуть в предельном.

Исан точно следовал указаниям Будды. Он – великий мастер, но почти забытый. Кто помнит людей, которые не оставили за собой великого движения, не создали организованной религии, не выбрали себе преемников, не сделали свою религию политикой, силой в материальном мире? Исан ничего этого не делал. Он просто жил в безмолвии. Конечно, к нему тянулись тысячи учеников, но это не его вина. Вы не можете осуждать его за это – это была просто магнетическая сила, которой он стал, исчезнув в просветлении. Свет пролился в далекие земли, и те, у кого были глаза, пошли в укромное место, спрятанное в лесу, где жил Исан. Постепенно тысячи учеников стали жить в этом лесу – а Исан не звал никого. Они пришли сами.

И помните разницу: когда вы приходите сами, вы приходите тотально. Когда вас зовут, есть неохота, страх: возможно, вами будут управлять. Но когда вы приходите сами – вы прожили свою жизнь, вы познали ее бессмысленность. Вы приходите из великого понимания, что жизни нечего предложить вам. Вы приходите целостно и тотально – и безотлагательно, потому что никто не знает: будете ли вы завтра на земле, или нет. Смерть в любой момент может постучать в ваши двери, она непредсказуема. Она редко приходит к человеку предупредить: “Я иду”. Изредка это бывало, в сказках...

В следующем моменте нет определенности. Все, что у вас есть – этот момент. Так что не рассеивайте свое сознание; концентрируйте его на этом мгновении. Если вы действительно хотите узнать высший источник бытия и его безмерное блаженство, этого единственного момента достаточно.

Не идите по чужим следам. Истину нельзя заимствовать – так же, как и путь, по которому прошел кто-то другой. Вы должны войти в девственную землю своего внутреннего пространства, куда не может войти никто другой.

Чем глубже вы идете, тем более вы одиноки. Друзья и враги, родственники и общество – все они отбрасываются по мере того, как вы отбрасываете свой ум. Когда с умом покончено, вы остаетесь в полном одиночестве. И это одиночество – такая великая радость... Помните, это не одиночество. Одиночество – это желание другого. Одиночество – это наполненность в самом себе. Одного достаточно, это целая вселенная. То, что говорят словари – абсолютно неверно. Они делают одиночество и одиночество синонимами – это неправда.

Что касается экзистенциального опыта, Исан жил один. Но его одиночество стало таким сияющим великолепием, что люди сами

приходили к нему – к этой великой тишине, безмерной красоте истины.

Этот человек пришел домой; просто пребывая в его присутствии, вы, возможно, тоже найдете свой путь. Он не собирается давать вам путь, но в его присутствии возможно многое. Например, то, что вы убедитесь: опыт просветления – не выдумка поэтов и не философская система, изобретенная философами. Это подлинная реализация. Вы можете почувствовать это, вы можете почти коснуться этого; и, если ваше сердце открыто, вы можете увидеть, что оно танцует от радости. Рядом с таким человеком, как Исан, вся ваша жизнь обретет крылья.

Итак, пришли тысячи. Но Исан не давал никаких руководств; поэтому я выбрал для названия слова Будды: “Исан: в синем небе нет следов”. Он просто бил крылами в небесах, привлекая тех, кто забыл о своих крыльях; провоцируя, бросая вызов тем, кто забыл о своем небе, о своей свободе. Затем он исчез в далеких небесах, в синеве, без всяких следов – но оставив непреодолимую потребность пойти в измерения, где вас больше нет.

Когда вас больше нет – это высшая реализация истины.

Вы – барьер, вы – проблема. Вы – единственная проблема. Когда вы растворяетесь, в вас начинает появляться то, что вечно, то, что вы не можете назвать самостью, то, что принадлежит всему космосу. То, что вы назвали “собой” – только пыль.

Прежде, чем я перейду к сутрам, несколько вступительных замечаний о жизни Исана:

Исан Рейю, также известный как Куэй-шан Линь-ю, жил с 771 г. по 853 г. В пятнадцать лет он покинул дом, чтобы стать монахом, занимаясь под руководством местного мастера Винайи на территории современной провинции Фукиен.

Это может показаться несущественным, но я чувствую в этом важный смысл, который нужно понять. Он ушел из дома в пятнадцать лет... Это был совершенно другой мир, у человечества были совершенно другие побуждения. Что такое пятнадцатилетний мальчик?.. Но это побуждение, вероятно, было настолько распространеным и сильным в атмосфере тех дней, что даже пятнадцатилетнему мальчику хватало разума; он загорелся.

Говорят, есть люди, которые вновь и вновь повторяют одну и ту же глупость и никогда ничему не учатся. Вот почему история повто-

ряется. Это происходит из-за идиотов; иначе истории незачем повторяться. Она всегда будет приносить новый рассвет – не старый, гнилой, прожитый, полностью законченный. Но истории приходится повторяться, потому что идиоты все повторяются и повторяются, а они делают историю. Именно неразумность дает истории возможность повторяться.

Пословица говорит, что глупый не учится на своих ошибках, а разумный может учиться даже на чужих. И человек, который может учиться на чужих ошибках, обладает великими возможностями. В пятнадцать лет Исан, должно быть, был научен ошибками других. Должно быть, он внимательно наблюдал своих родителей, соседей, учителей – их безжизненную жизнь, бессмысленные блуждания безо всякого ощущения направления – ничего, кроме несчастья и страданий. Все, что у них было – это некая обещанная надежда, которая может исполниться где-то в будущем – может быть, в следующей жизни, а может быть, в раю. Но эта жизнь будет страданием, иначе быть не может. Такова природа жизни, и они с этим смирились. Он не собирался совершать ту же ошибку, что и все остальные.

В пятнадцать лет он покинул дом, чтобы стать монахом, занимаясь под руководством местного мастера Винайи.

Мастер Винайи – всего лишь раввин, пандит, ученый. “Винайя” – название буддийских писаний. Слово “винайя” означает смирение; Будда учил, что смирение – это близость к природе. Все его писания – а их много – были названы “Винайя” потому что они с разных сторон раскрывают одно и то же основополагающее учение: быть никем, быть готовым исчезнуть в синеве небес, не оставляя никаких следов.

Очевидно, он отправился на поиски; он пошел учиться к местному мастеру Винайи. Пятнадцатилетний мальчик не знает, куда идти. Тот, кто был поблизости, самый известный и ученый книжник... он отправился к нему.

В двадцать три года он принял посвящение в Хэньчжоу.

То, что он принял посвящение, означает, что теперь он принял абсолютное решение найти себя. Он говорит миру: “Помогите мне не сбиться с пути”. С его стороны это – объявление своего сокровеннейшего желания. Теперь обществу становится известно, что он

– ищущий; а в те дни общество всеми возможными способами помогало ищущим – оно давало пищу, одежду, прибежище. Все общество, казалось, направлялось одним центральным стремлением – стать буддой. Если обстоятельства не позволяли людям сделать это сейчас, они ждали благоприятного момента, чтобы исчезнуть в синем небе.

Сейчас мы очень ничтожны в этом смысле. Наши желания вертятся вокруг денег, красивых домов, успеха в мире – славы, имени, политической власти. Что касается духовного мастерства, мы, несомненно, пали. В те далекие дни люди были бедными, не было ни науки, ни технологии – и все же они были выше нас в том смысле, что все их стремления сосредоточивались на поиске смысла жизни. И тот, кто искал смысл жизни... если вы не могли пойти так далеко, вы могли хотя бы помочь. Помощь тому, кто ищет истину, сама по себе считалась великой добродетелью.

И я согласен с этой идеей. Общество должно жить... конечно, каждый не может быть монахом, если не следовать моей стратегии. И несколько сложно оставаться свидетелем в вашей обычной жизни. Легче быть свидетелем, если вы живете в монастыре, или если вы – монах и не имеете дела с обычной жизнью. Вы не зарабатываете никаких денег, у вас нет власти, вы живете только на подаяние – вы едите только раз в день. Поскольку общество было очень бедным, Будда говорил своим посвященным монахам: “Вы должны собирать себе еду, – было разрешено есть только один раз в день, – в семи домах, по кусочку – чтобы никого не обременять”.

Если один монах просит подаяние в семи домах, это не обуза, потому что в каждом доме ему дают понемногу. Поэтому ищущие могли не заниматься делами и не тратить свое время. Вся их энергия должна направляться в одну точку – их существо. Общество должно помогать им, потому что их возвысившееся сознание впоследствии будет помогать обществу.

Возможно, вы знаете это, а возможно, нет: немногие будды, случившиеся в истории, без вашего ведома возвысили ваше сознание. Без них вы до сих пор жили бы в джунглях. Вы ничего не делали, но атмосфера менялась с каждым буддой. Он давал так много от своего изобилия... не думайте, что кусок хлеба – достаточная плата. Мы ничем не можем отплатить ему; его вклад в человеческое сознание так велик, а его забота...

Будда говорил своим монахам: “Собирайте свою еду в семи домах и никогда не оставайтесь в одной деревне больше, чем на три

дня. Все время двигайтесь, потому что, оставаясь в одной деревне, вы можете стать для людей обузой. Каждый день они должны давать вам что-нибудь. Уходите прежде, чем каким-нибудь образом начнете досаждать им”.

И это – великое психологическое прозрение, потому что человеку нужно четыре дня, чтобы привыкнуть к людям или месту. Если вы переезжаете, вам понадобится четыре дня, чтобы чувствовать себя спокойно в новом доме. Вы должны уйти, пока не привыкли к деревне. Вы – чужой, вам не разрешается привыкать, знакомиться, заводить друзей. Вы должны оставаться посторонним. Вы выбрали путь постороннего.

Приняв посвящение в Хэньчжоу в двадцать три года, он отправился в Чань-си и стал учеником Якудзю.

Он нашел мастера. Учителя-книжники, с которыми он наверняка встречался, не могли удовлетворить его аппетита. Они не могли дать ему то, что он просил. Он не просил знаний; он искал того, кто знает. Его интересовало исследование самой структуры знающего, свидетеля.

Естественно, ученые не могут этого сделать. Они могут цитировать великие слова, но не могут излучать буддовость. Они не подтверждают своих цитат, они ничем не подкрепляют собственную ученость. Вся их жизнь так обыкновенна; в ней нет и следа того изящества, красоты и блаженства, о которых они говорят. Поэтому любой разумный искатель скоро поймет, что у этого человека нет ничего, кроме слов; он не знает смысла. Он носит мертвый труп и не осознает, что он мертв.

Все ученые мира – гробокопатели. Они копаются глубоко в могилах и находят кости всевозможных людей, но никогда не копают глубоко в себя. Они могут найти кости Будды... они даже поклоняются этим костям, когда находят их.

В Шри Ланке, в Канди, есть огромный храм, посвященный зубу Будды. Все научные тесты доказали, что это не человеческий зуб, он слишком велик; он может принадлежать только животному. Но кого это интересует? Канди привлекает больше туристов, чем любой другой храм в Шри Ланке, потому что там находится зуб Гаутамы Будды.

Книжники подчас кажутся такими глупыми. В Кашмире, в Шринагаре, есть волос, который считается волосом Хазрата Мухам-

меда. Мусульмане поклоняются ему, потому что это единственная реликвия, оставшаяся от тела Мухаммеда. Никто не знает, чей это волос, и нет способа доказать, что это – волос Мухаммеда. Но несколько лет назад он был украден.

Среди мусульман всего мира был большой шум. Эта мечеть, Хазрат Бал... “бал” означает “волос”; даже бал нужно называть “Хазрат”, “Ошо” – “почтенный волос”. И это была очень сложная ситуация. Начались беспорядки, потому что мусульмане были уверены, что это – дело рук индуистов. А индуистов в Кашмире – ничтожное меньшинство. И хотя индуистские лидеры в Кашмире неоднократно заявляли: “Нас совершенно не интересует ваша религия”, это было бесполезно.

В конце концов, премьер-министру Индии, Джавахарлалу Неру, пришлось послать генерала и войска, чтобы окружить мечеть и каким-то образом вернуть этот волос.

Как вы себе это представляете? Но это как-то устроили: чей-то волос положили в пустую трубку. И вот, все счастливы, что волос найден. Что это за глупость?.. Что вы будете делать с волосом? Даже если вы найдете всю голову Мухаммеда, это тоже не поможет. Но люди беспокоятся об абсолютно абсурдных вещах – они так сильно этим увлечены; и все это из-за книжников, так называемых ученых, которые провоцируют массы.

Исан, должно быть, ходил от одного учителя к другому. Он продолжал искать человека, в котором была сущность – не буддиста, но будду; который не верит ни в какие гипотезы – который *знает*. И когда он пришел к Якудзю, что-то немедленно проявилось. Он нашел мастера.

Таков путь студентов, учеников, преданных: продолжать поиски – от одного монастыря к другому, от одного монаха к другому. Нет никаких видимых знаков, никаких сертификатов, чтобы сказать: этот человек – просветленный. Вы сердцем должны искать того человека, в присутствии которого ваше сердце начинает танцевать. Это внутреннее обретение – человек, в присутствии которого вся ваша жизнь становится светом, в присутствии которого ваш ум уходит, словно он был тенью, и на вас нисходит полная тишина.

Когда он пришел к Якудзю, он немедленно стал учеником.

Позже Якудзю послал Исана настоятелем на гору И. Сначала Исан жил отшельником, но постепенно вокруг него стали соби-

раться ученики; наконец, их число выросло до тысячи. Исан учил на горе И больше сорока лет.

Это была небольшая биографическая справка. Теперь – сутры:

Однажды Исан до поздней ночи просидел с Якудзю в тиши горного храма.

– Кто ты? – спросил Якудзю.

– Рейю, – ответил Исан.

– Поройся в очаге, – посоветовал Якудзю.

Исан сделал то, что ему велели, и сказал:

– Я не нашел ни одного уголька.

Огонь совсем угас, не осталось даже углей.

Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголек. Он показал его Исану и сказал:

– Вот, смотри!

– ты искал недостаточно глубоко.

Тихой ночью в горном храме... все, что делает мастер, имеет цель. Он попросил Исана выяснить, остался ли огонь в дровах. Ночь становится все холоднее; посмотри. В обычной жизни это – незначительное действие. Исан сделал то, что его просили, и сказал: “Я не нашел углей. Огонь совсем погас”.

Якудзю взял щипцы... Таков путь дзен: прямое обучение, без слов. Якудзю взял щипцы и, порывшись глубже, вытащил крохотный тлеющий уголек. Он показал его Исану и сказал:

– Вот, смотри! Ты искал недостаточно глубоко.

Исан внезапно стал просветленным... потому что это была точная ситуация его медитаций. Он шел, но недостаточно глубоко, чтобы найти огонь жизни. Внезапно, без всяких слов – о просветлении не говорят... увидев это действие Якудзю – он пошел глубже и нашел тлеющий уголь, – Исан, должно быть, глубже вошел в себя. Он медитировал, но, должно быть, проникал недостаточно глубоко, чтобы найти живой огонь.

Исан внезапно стал просветленным.

Рациональным людям очень трудно понять, как просветление может быть внезапным. Оно внезапно, если вы понимаете, как дзенские мастера из каждой ситуации создают некий знак, который нельзя пересказать словами. В словах он вновь и вновь говорит: "Иди глубже!" Но это все, что можно сказать; все остальное зависит только от того, пойдете вы глубже, или нет.

Якудзю должен создать очень ясную экзистенциальную ситуацию, чтобы показать Исану, что он идет недостаточно глубоко. И простая вещь – то, что он нашел уголь – заставила Исана пройти внутрь настолько глубоко, насколько это возможно. Этой тихой ночью он нашел свой внутренний огонь; он стал просветленным. Это кажется неожиданным. Это не неожиданно – годы учения, годы медитации. Но в нужный момент мастер дает вам ситуацию, которая показывает, что упущено.

Ему не хватало мужества пойти в самый центр; иначе – как вы можете упустить живой огонь? Вы живы! Как вы можете упускать свою божественность, как вы можете упустить своего будду?

Исан внезапно стал просветленным. Он поклонился Якудзю, который сказал:

– Ты пришел к перекрестку природы будды; ты должен наблюдать за временем и причинностью.

Хотя он и стал просветленным, он должен пустить корни в свое просветление. Иначе оно останется только далеким проблеском, который быстро забудется или будет вспоминаться только как эхо, удаленное на тысячи миль. Теперь ты должен заботливо поливать этот внезапный цветок внутри тебя. Теперь ты должен все время следить, чтобы твое сокровище возрастало, чтобы твое внутреннее небо становилось все шире и шире, чтобы приближалось время окончательного полета капли росы в океан.

Якудзю сказал ему: *"Ты пришел к перекрестку природы будды; ты должен наблюдать за временем и причинностью"*.

Теперь будь внимателен. Причиной твоего просветления была обыденная, земная вещь. Теперь ты должен помнить, что, войдя глубже, ты внезапно стал просветленным; и ты можешь пойти еще глубже. На самом деле, пограничной черты, где ты должен остановиться, нет. Ты можешь пойти так глубоко, что станешь самой глубиной. Лишь тогда у твоего просветления вырастут корни. Теперь его нельзя уничтожить, это уже не однолетний цветок.

Когда придет время, ты осознаешь это – подобно тому, как вспоминаешь нечто забытое.

То, что ты увидел сегодня – только первый проблеск, который привел тебя на распутье. Ты все еще можешь заблудиться, другие дороги по-прежнему открыты. Теперь будь внимателен. Причина была в том, чтобы пойти глубже – так что продолжай, иди все глубже, глубже и глубже. Не останавливайся, пока ты сам не станешь глубиной, пустой бездной.

Это время, когда весна приходит в твое существо. Потом ты осознаешь, что не приобрел ничего; ты словно вспоминаешь нечто забытое. Оно всегда было здесь, так что это не нечто новое, что ты приобрел. Это нечто, что ты забыл так давно, что не имеешь представления, когда это случилось. Теперь ты вспомнил.

В тот момент, когда просветление становится просто воспоминанием, оно становится самым твоим дыханием, самым твоим пульсом. Тогда вам не нужна никакая медитация. Тогда вся ваша жизнь – медитация. Без всяких усилий, безуспешно, вы – будда. Если есть какое-то усилие, это означает, что нечто упущено. Когда будда естественен, вы даже во сне – будда. Когда вы бодрствуете, работаете, что бы вы ни делали – аромат вашей буддовости будет окружать вас.

Но это случится лишь тогда, когда вы достигнете предельной глубины, и осознание будет восприниматься не как достижение, а как простое воспоминание. Так что не начинайте хвастать им, потому что это не достижение – чем же тут хвастать? Вы просто тонете в этом новом, покинутом, забытом месте, которое и есть ваше существо.

И произойдут миллионы вещей, но вы не будете деятелем. Они будут просто случаться, потому что ваше присутствие достигло таких глубин. Когда ваше свидетельство достигнет предельной глубины, начнут расцветать цветы, распускаться лотосы – к вам пришел рассвет, вы родились заново. Вы были мертвы, теперь вы живы. Новая жизнь целиком заполнила вас и принесла великую красоту, истину и изящество.

Это нельзя взять у других. Следовательно, когда ты просветленный, проявляется твоя изначальная природа. Теперь ты достиг ее – заботливо ее культивируй.

Это очень важное утверждение Якудзю. Вы не можете культивировать просветление, это будет фальшью. Вы можете ходить как будда, вы можете ухитриться сидеть в позе лотоса... это будет особенно трудно людям, приехавшим с Запада. В холодных странах придумали стулья; в жарких странах не составляет проблемы сидеть на полу. Но в холодных странах сидеть на полу трудно. Поэтому, если Будда сидит в позе лотоса, это не значит, что вы должны сидеть в позе лотоса, и только тогда вы станете буддой. Вы можете практиковать это – многие идиоты это делают, без необходимости мучая себя.

Буддовость – это ваша природа, вы не можете культивировать ее. Но Якудзю имеет в виду совсем другое. Он говорит: *“Теперь ты достиг ее – заботливо ее культивируй.* Твое достижение так ново, можно упасть обратно во тьму. Можно снова начать думать, что это могло быть просто воображение. Возможно все. Проблеск, который ты получил, очень свеж и молод, а твое невежественное прошлое очень длинно – оно длилось четыре миллиона лет; оно очень тяжело. Под его весом это новое озарение может быть уничтожено. Этот новый цветок, что расцвел в тебе, может быть раздавлен горами прошлого”.

Вы не можете культивировать просветление, если не достигли его. Поэтому сначала достигните его – это кажется странным, – сначала получите этот проблеск, а потом защищайте, культивируйте его; затем устройте так, чтобы старое не могло одержать над вами верх, потому что прошлое очень тяжело, а новое всегда хрупко.

Так что помните, Якудзю не учит вас культивировать просветление. Он говорит: сначала получите, а потом будьте как можно внимательнее – защищайте его, очищайте, идите в него глубже, ищите больше корней. Реальная работа начинается, когда вы стали просветленным. Все, что вы делали до просветления, кажется крошечным усилием.

Настоящие усилия начинаются с первым проблеском просветления. Вы можете пасть – все ваше прошлое будет тянуть вас назад, все прошлое будет говорить вам, что все это – одно воображение.

Вы должны быть очень бдительны. Прошлое – ваш враг; а этот свежий росток, этот новый цветок – такой маленький и хрупкий, но такой прекрасный... если вам удастся защитить его, вскоре он станет вашей вечностью. Вскоре он станет вашей природой. Тогда никаких усилий нет.

Когда дзенские мастера говорят “безусильность”, они имеют в виду состояние, когда ваше просветление обрело хорошие корни. Теперь никакие усилия не нужны; теперь вы можете расслабиться и успокоиться: оно будет расти само. Оно обретет роскошную крону, расцветет множеством цветов и множеством благословений.

Секисо написал:

Источник дхармы

Не иссыкает;

Он течет даже сейчас.

*Одна капля упала и разлилась
вширь и вглубь.*

Не обманывайтесь

украшениями на краю

и окружающей его стеной.

В глухой ночи луна сияет

в середине пруда.

То, что говорит Секисо, очень символично. *Источник дхармы* – весна, когда тот, кто созрел, внезапно наполняется цветами, когда темная ночь кончается и приходит утро, – *Весна дхармы не иссыкает.* Он говорит: “Помните, весна дхармы никогда не иссыкает; она всегда приходит – так же, как она приходила во времена Гаутамы Будды или раньше”. Это часть вечной природы. Просто вы должны быть готовы успеть на поезд. Поезд всегда приходит, но вы чаще всего приходите на станцию либо до того, как он пришел, либо после того, как он ушел – вы всегда застаете пустую платформу. Печальный и разочарованный, вы идете домой.

Я слышал:

Три профессора на железнодорожной станции вели горячий спор на какую-то философскую тему. Они так увлеклись дискуссией, что забыли о том, что поезд стоит всего три минуты. Даже когда поезд тронулся, они не поняли, что происходит. Вдруг один профессор увидел отъезжающий поезд, и все трое бросились его догонять. Двоим удалось вскочить в последний вагон; третий остался на платформе. Он стоял там, такой грустный, что носильщик, который все видел, сказал:

– Что вы так расстраиваетесь? Скоро придет другой поезд, и через несколько часов вы встретитесь со своими друзьями.

Он ответил:

– Дело не в этом. Это я должен был уехать! Они пришли проводить меня. Теперь все перепуталось...

Но, когда вы спешите, это возможно.

Источник дхармы не иссякает. Он всегда доступен; просто вы не готовы. Вы должны взять всю ответственность на свои плечи. Существование так же благоволит буддам, как и всегда, но вы никогда не обращаете на это внимания. Вы не готовитесь, вы даже не свидетельствуете, чтобы, когда это придет...

В действительности, это никогда не приходит, оно всегда здесь – вы приходите к нему. Чем глубже ваше свидетельство... и внезапно вы обнаруживаете потрясающую реальность, затопляющую вас. Она по-прежнему ждет в вашем сокровеннейшем центре.

Источник дхармы

Не иссякает;

Он течет даже сейчас.

Одна капля упала и разлилась

вширь и вглубь.

Океан источника дхармы всегда готов поглотить вас; в нем всегда есть для вас место, вы всегда желанны. Никто никогда не был отвергнут природой дхармы. Даже если упала всего одна капля, она разливается по всему океану – *вширь и вглубь.*

Не обманывайтесь

украшениями на его краях

и окружающей его стеной.

В глухой ночи луна сияет

в середине пруда.

Всех нас привлекают украшения, несущественное. Озеро может быть окружено стеной с прекрасными статуями, скульптурными, архитектурными украшениями. И вы можете так увлечься этими украшениями, что не увидите, как в пруду отражается луна – в самом центре.

Это просто символ. Здесь говорится, что посреди всего этого мира украшений всегда сияет экзистенциальная истина. Власть, всевозможные желания, побуждения, стремления – но среди всей этой толпы, точно в середине, в самом в центре вашего существа отражается полная луна. Не обманывайтесь украшениями.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Я слышала, как Ты говоришь, что просветленные, как птицы, не оставляют за собой следов. И все же люди, подобные Исану, трогают наше сознание спустя сотни лет после своей смерти. Не мог бы Ты прокомментировать?

Маниша, то, что твое сознание затронуто – это другой вопрос. Для открытого сознания все будды доступны в этот самый момент – чтобы праздновать вас, чтобы взять вас в новое пространство, которого вы избегали многие века. Но это не значит оставлять следы. Это за пределами способностей птицы – оставлять следы в небе.

Внутренний мир почти такой же, как небо – это внутреннее небо. И люди, вошедшие во внутренний мир, не могут оставлять следов. И вы не можете идти за ними внешне – через их слова, через их писания. Вы должны идти внутрь себя, и вы будете неожиданно удивлены: вы исчезли, и появился будда. Вы не шли по следам Будды – он не может их оставить. В небе вы ничего не можете написать.

Все писания и все великие религии обманывают и эксплуатируют массы. Нужно идти внутрь, а все религии предлагают вам идти наружу: к Иисусу, Моисею, Мухаммеду, Будде, – но идти вовне. Следуйте их учениям, выполняйте их заповеди. Именно это Будда называет “сбиться с пути”.

Ни один будда не может оставить следов; как же вы можете следовать ему? Следование просто невозможно. Вы можете только идти внутрь себя. Вы можете понять живого будду, можете впитать его энергию; вы можете слышать его песню, можете понять его безмолвие; вы можете наполниться его присутствием – но это не следование. Это просто алхимия пребывания с мастером. Вы можете просто исчезнуть в безмолвии мастера. Но вы не идете по следам; вы идете внутрь себя, у вас свой путь от периферии к центру.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Бедняге пришлось ждать так долго, и он так бережно носит свой радужный тюрбан... Раньше он просто был старым хиппи. И вдруг он стал мини-гуру! И он так наслаждается этим, он направляет много... Это называется трансформацией.

Рональд Рейган и Джордж Буш путешествуют по горам Монтаны. Они ходят весь день, обсуждая предстоящие президентские вы-

боры, и Рональд дает Джорджу массу советов относительно того, как хорошо выглядеть по телевизору.

Внезапно они поднимают глаза и видят огромного медведя гризли, который спускается с горы прямо к ним. Буш тут же достает из рюкзака кроссовки и начинает переобуваться.

– Эй, – нервно говорит Рональд. – Ты что, надеешься убежать от гризли?

– Совсем нет, – усмехается Буш. – Я просто надеюсь убежать от тебя!

Ковальский возвращается домой с утренней охоты. В руке у него ружье, на плече висит охотничья сумка.

Его друг Слобовский видит, как он идет по дороге, и кричит:

– Привет, Ковальский! С охоты?

– Точно! – отвечает Ковальский. – Охотился на уток.

– Вот это да! – говорит Слобовский. – И сколько убил?

– Ну, – отвечает Ковальский, – если ты угадаешь, сколько уток в моей сумке, я отдам тебе обеих!

– Ух ты, – говорит Слобовский, качая головой. – Три?

Гарри и Гарриет – очень благочестивые супруги. Они тщательно выполняют все правила христианского благочестия, строго соблюдая целибат, когда это предписано.

Великим постом, который длится целый месяц, они решают воздерживаться от секса. Они очень осторожны – даже спят в разных комнатах, чтобы удержаться от искушения.

Пост заканчивается в воскресенье, в шесть часов утра – и, естественно, ровно в шесть Гарриет слышит тяжелые удары в дверь своей спальни.

– Это ты, Гарри? – спрашивает она.

– Да! – кричит Гарри. – Это твой верный любящий муж!

– Ах, Гарри! – хихикает Гарриет. – Я знаю, почему ты стучишь!

– Ты знаешь, *почему* я стучу, – кричит Гарри, – но видела бы ты, *чем!*

... Этот анекдот принесли мне; кто-то, должно быть, переделал его. И когда Нирвано рассказала мне его, он был переделан в анекдот о чете джайнов. Мужа звали Хальвабхай, а жену – Мевабхай. У

джайнов есть религиозный праздник – Парюшан, так что пост в анекдоте был назван Парюшаном. В остальном анекдот был тот же.

Но, как я сказал Нирвано, анекдоты имеют корни. Нельзя изменить их контекст. Так вот, пара джайнов не подойдет. Вы можете рассказывать какие угодно анекдоты про евреев: их аппетиты достаточно велики, так что подойдет все. Но что касается индуистов, джайнов, буддистов – нельзя просто изменить имена. Они абсолютно не подходят для этого, потому что у них не будет естественного контекста.

В Индии нет своих анекдотов. Все анекдоты – импортные; к счастью, ввоз анекдотов не облагается пошлиной! Вы можете просто изменить имена на индийские, но это будет неправильно; это не будет звучать правильно. Даже анекдот имеет определенный контекст, намек на определенный стереотип. Это не просто шутка. Нельзя вставить в него все, что вы хотите; в шутке есть своя атмосфера. Например, еврейский анекдот нельзя “пересадить” ни на одну другую национальную почву, потому что этот анекдот имеет свою историю.

Никто не пишет анекдотов, это известно. Писателей, сочиняющих анекдоты, нет. Откуда берется анекдот? – из народной мудрости; сотни лет... они проходят через множество рук, множество ситуаций, и затем приобретают отточенность. Никто не может заявить: я – автор. И никогда не пытайтесь изменить имена, потому что они будут абсолютно выбиваться из контекста.

Если вы не можете выяснить, кому должен принадлежать анекдот, просто вставьте в него еврейские имена. Они – единственный достаточно богатый народ, и по этой причине они могут принять любую шутку. Они так много страдали с тех пор, как Моисей вывел их из Египта в поисках Израиля. Вся их жизнь в течение этих четырех тысяч лет была жизнью страданий, страданий и страданий.

Я слышал:

Старый еврей, умирая, молился Богу. Вся семья была удивлена тем, что он говорит. Он говорил Богу: “Знаешь, Боже, хорошего понемножку! Теперь ты должен выбрать своим избранным народом кого-нибудь другого!”

Эта глупая идея, что евреи – избранный народ, была причиной их страданий. Но в страдании надо как-то утешаться – нужна какая-то мазь для всех этих ран. Анекдоты выросли в среде евреев. Им

приходилось смеяться; иначе, как забыть о муках? Как забыть обо всех страданиях, через которые они прошли? Они потеряли свою землю...

Они получили ее обратно только недавно, сорок лет назад; теперь идет борьба за то, чтобы сохранить ее. Они со всех сторон окружены мусульманами. И нет никакого способа – я не вижу для них никакой возможности выжить там. Это самый безобразный и преступный акт американских политиков – вернуть им Израиль, который находился в руках мусульман. Но это была хитрая стратегия. Таким способом они смогли избавиться от множества евреев, не убивая их. Они сделали в точности то, что сделал Адольф Гитлер. Он убил шесть миллионов евреев из-за проблемы: если евреи – избранный народ, кто же тогда немцы? Вот в чем суть конфликта. Адольф Гитлер считал свой народ, нордических немцев, богоизбранным народом, а евреи могли с этим не согласиться. Он прикончил шесть миллионов евреев.

Америка сделала то же самое, но более дипломатично. После второй мировой войны они отдали евреям Палестину, которая когда-то была Израилем, а затем попала в руки мусульман. Многие века у евреев не было своей страны – и я не думаю, что в этом есть какая-то необходимость. “Страны” должны исчезнуть, границы должны исчезнуть; каждый человек должен жить на планете. Но, поскольку после второй мировой войны Палестина оказалась у американцев, Америка сыграла очень уродливую шутку. Они вернули ее не мусульманам, а евреям. Это правда: несколько веков назад она принадлежала евреям. Но после этого страна так долго была в руках мусульман, что даже ее название изменилось. Эта земля больше не называлась Израилем, она стала Палестиной. Под давлением американцев, которые ею владели, ее сделали Израилем.

Нации так не создаются. Теперь тысячи евреев из всех стран, особенно из Америки, уехали в Израиль. И со всех сторон они окружены мусульманами. Сорок лет они непрерывно воюют, их все время убивают.

Фундаменталистский христианский ум сыграл эту очень хитрую шутку. И я не вижу для Израиля никакого будущего. В любой день Америка может перестать снабжать их оружием. Они – маленький остров, окруженный миллионами мусульман; все они будут убиты.

Но Америка действовала наверняка, принуждая евреев; а евреи считают, что Америка благодетельствовала их. Они жили великой надеждой, что когда-нибудь у них будет своя земля – поэтому они бросились туда со всеми своими деньгами. И они до сих пор посылают туда деньги – те евреи, что остались, – так что все их деньги уничтожались в Израиле.

Теперь они в очень сложном положении: с одной стороны, они не могут вернуться назад – они вывезли все, что имели, – а с другой стороны, они не видят в будущем никакой возможности жить в мире. Каждый день – война, всевозможные террористы; никто не застрахован.

Эта ситуация – очень редкая. Четыре тысячи лет назад, в один несчастный день, Моисей повел евреев в Израиль. Ему потребовалось сорок лет, чтобы найти эту бесплодную землю, которую он называл “святой землей”. Ему пришлось назвать ее святой, иначе его последователи убили бы его! За сорок лет блуждания в пустыне две трети из тех, кто пошел с ним, умерли. И он прошел мимо Саудовской Аравии и Ирана – евреи никогда не смогут простить его. Если бы он остановился в Саудовской Аравии, сегодня они были бы самыми богатыми людьми в мире. Но в то время никто не знал о бензине и нефти – так что это не его вина. Но одно определенно: он – не великий пророк. Он не смог разглядеть там, под землей, так много бензина и нефти... Что это за пророк?

Затем, обнаружив, что становится поздно – ему было уже семьдесят лет, а святой земли нигде не было, – в предельном разочаровании, Моисей просто объявил Израиль, абсолютно бесплодную землю, святым местом Бога, святой землей. Просто чтобы успокоить тех, кто пошел за ним... хотя они были не слишком довольны. Увидев святую землю, они сказали: “Боже мой! И мы – богоизбранный народ, а это – святая земля?”

Моисей сбежал – под предлогом, что небольшое племя евреев потерялось в пустыне: “Я ухожу, чтобы найти их и привести сюда”. Но он не вернулся. Он нашел их – они были в Кашмире. И Кашмир действительно был похож на святую землю: он так прекрасен, его нельзя сравнить ни с каким другим местом на Земле; он прекрасен. Если бы Моисей привел всех евреев в Кашмир, они были бы удовле-

творены: “Несомненно, мы – богоизбранный народ, а это – *действительно* святая земля”.

Это небольшое племя, отбившееся от каравана евреев, оказалось в Кашмире, и они думали, что прибыли! Они остались в Кашмире, и, когда пришел Моисей – его могила находится в Кашмире, – он жил с ними. Странное совпадение: Иисус тоже умер в Кашмире, и их могилы находятся рядом.

Иисус никогда не знал, что он – христианин. Он родился евреем, он жил как еврей, он объявил себя последним еврейским пророком. И именно по этой причине евреи распяли его – потому что они не могли смириться, что какой-то сын плотника, приехавший верхом на осле – их последний пророк. Это их раздражало.

Так что воскресение – просто сказка. Иисуса сняли с креста через шесть часов, потому что евреи считают субботу святым днем; в субботу ничего нельзя делать. Поэтому в пятницу вечером – Иисус был на кресте всего шесть часов – они должны были снять его, до заката.

А иудейский крест – очень примитивное, древнее орудие. Если вы хотите умереть, вам нужно повисеть на нем, по крайней мере, сорок восемь часов. За сорок восемь часов вы можете передумать; вот почему на еврейском кресте никто никогда не совершал самоубийства – кто сможет сорок восемь часов думать только о самоубийстве? Через одну-две минуты вы скажете: “Давай-ка еще подумаем. Куда спешить? И вообще, я хочу есть”.

Так что через шесть часов – Иисус был молод, ему было всего тридцать три года, он был крепким и сильным человеком – он сбегал. Это был явный заговор с Римом. Рим не интересовали проблемы евреев – был Иисус пророком или нет. Для них это было совершенно неважно. Понтий Пилат, правитель, беседовал с Иисусом перед распятием, чтобы убедиться, нужно ли распинать этого человека. Он нашел его абсолютно невинным – может быть, слегка ненормальным, потому что он приехал верхом на осле в сопровождении двадцати идиотов, которые верили, что он – единственный рожденный сын Божий, и он обещал этим идиотам: “Вам уготовано особое место в царствии Божиим”.

Естественно, остальных евреев это очень раздражало. Все смеялись: “И это – ваш последний пророк?” Подозревали даже, что его отец не был его отцом.

Через шесть часов Иисуса сняли, и римский прокуратор и его солдаты охраняли пещеру, куда его положили, сняв с креста. Он разрешил последователям Иисуса увезти его из Иудеи. Никакого воскресения не было, потому что не было никакой смерти. Он был жив-здоров; потребовалось всего несколько дней, чтобы его руки и ноги, пробитые гвоздями, зажили.

В этой ситуации ни один разумный человек не вернулся бы в Иудею. Он тоже отправился на поиски того заблудившегося племени и пришел в Кашмир. Моисей умер в Кашмире, и спустя две тысячи лет там умер Иисус. Их могилы находятся рядом. Ни евреи, ни христиане не хотят этого признавать, но это совершенно очевидно: надписи на обеих могилах сделаны на иврите, и на могильных камнях выгравированы имена этих людей – Моисея и Иисуса. Эти могилы до сих пор охраняет еврейская семья; это единственная семья во всем Кашмире, которую мусульмане не обратили в свою веру. Всех остальных евреев заставили стать мусульманами, но эту семью они оставили в покое, потому что эта семья присматривала за могилами Моисея и Иисуса, а также потому, что мусульмане тоже считают Моисея и Иисуса пророками. Так что эта семья единственная. Но ни один папа не приезжал посмотреть на могилу бедного Иисуса; христиане об этом не говорят, и иудеев не интересует, что случилось с Моисеем.

У христиан нет ответа: если даже Иисус воскрес, он должен был что-то делать после этого. Куда он делся? Или они считают, что он продолжает воскресать? Тогда он должен быть где-то!

Из-за всех этих страданий евреи научились смеяться – даже в несчастье – и придумали анекдот. Анекдот – чисто еврейское изобретение.

И никогда не следует изменять имена, потому что это не поможет. Супруги-джайны... они не могут сказать то, что говорят в анекдоте. “Ты знаешь, *почему* я стучу, – кричит Гарри, – но видела бы ты, *чем!*” Ни один индеец не скажет это. Это просто невозможно.

Итак, я сказал Нирвано: “Измени имена. Подставь какие-нибудь христианские имена”... потому что евреев слишком много били. И я

люблю их. Половина моих саньясинов – евреи, и большинство из них – потому, что я единственный человек, который любит еврейские анекдоты. В них есть неповторимый аромат. Такие страны, как Индия, очень серьезны. Рассказывать анекдоты... индусы очень обидятся, они слишком подавленные люди. Здесь есть несколько моих старых друзей-джайнов. Я сказал Нирвано: “Ты хочешь, чтобы и они ушли?” Услышав анекдот про Хальвабхай и Мевабхай, они не стали бы здесь оставаться!

Люди, которые переводят мои книги с английского на хинди, постоянно присылают мне вопросы: “Что делать с анекдотами?” А люди, которые переводят мои книги с хинди на английский, вновь и вновь спрашивают: “Что делать со стихами?”

Я говорю им: “Если можете, переводите стихи прозой. Если не можете, просто пропускайте их”. А тем, кто переводит с английского на хинди, я просто говорю: “Ничего не поделаешь – пропускайте эти анекдоты”. Индусы просто сойдут с ума – они и так сходят от меня с ума. Эта серьезность была такой длительной болезнью, неизлечимой раной.

Евреи, несомненно, доказали свой характер. Среди всех своих мучений они сохранили свой смех, они не потеряли его. Но странная психология: люди, которые страдают, всегда любят смех. Он дает возможность хотя бы ненадолго забыть о мучениях. Люди, которые живут спокойно, без страданий, не знают, что такое смех.

Я много раз думал, что нужно поговорить о психологии анекдотов. Здесь так много оттенков: почему определенная шутка является шуткой и откуда она возникла; кто были люди, придумавшие и хранившие ее? На какой почве она расцвела и приобрела отточенность? – потому что это многовековая работа. Следы одной шутки могут уходить назад на многие века; вы найдете небольшие отличия – и, в конце концов, она приобретает совершенство. Это произведение искусства. Но для этого нужна определенная атмосфера, понимание и открытость, определенный неподдавленный юмор; иначе анекдот может неожиданно вызвать обратную реакцию.

Это отличный анекдот; но Нирвано – не еврейка. Она посчитала, что лучше сделать этот анекдот христианским, потому что хорошо знает христианские имена и ей известно название Великий Пост. В еврейском контексте анекдот был бы еще лучше, потому что они –

самые неподдавленные люди в мире. Не случайно именно Зигмунд Фрейд – еврей – основал новую науку, психоанализ. Она полностью против подавления.

У каждого анекдота есть долгая история и основа. Будет хорошо как-нибудь посвятить Сардару Гурудаялу Сингху целую серию и найти корни этих шуток – их психологию, принадлежность к какому-то народу, потому что народов много. Например, евреи рассказывают анекдоты о самих себе; они – очень разумный народ. Другие люди рассказывают анекдоты про поляков; поляки – очень неразумный народ. Они не могут сами придумывать анекдоты, это невозможно. Но по-своему они хороши; они позволяют всему миру рассказывать о себе анекдоты. Отличные ребята!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза и почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь смотрите внутрь.

Соберите все свое сознание как копье, проникающее в самый центр вашего существа. Глубже и глубже; и вы неизбежно найдете огонь жизни.

Этот огонь не обжигает, этот огонь прохладен. Этот огонь подобен цветам. Эти языки пламени – ваш вечный, божественный источник.

В этот момент вы – будда.

Заботьтесь о будде двадцать четыре часа в сутки; культивируйте будду двадцать четыре часа в сутки. Ни на единый миг не забывайте о своей буддовости.

Когда ваша память углубляется, когда ваше осознание становится ясным, когда вы растворяетесь в своем свидетельствовании, спонтанно возникает будда – в ваших действиях, в ваших словах, в вашем безмолвии.

Он становится всей вашей жизнью – и это жизнь великой радости, благословения, эта жизнь – чистая поэзия, бесценная музыка, вечный танец.

Но сохраняйте ясность свидетельствования, потому что во всем вашем теле только свидетель вечен; все остальное смертно.

Рано или поздно все это окажется в могиле. Оно пришло из земли и вернется в землю.

Только свидетель полетит, не оставляя следов в синем небе, чтобы стать частью космоса.

Будда – просто название вашего свидетельствования.

Сделай это яснее,
Ниведано...

Расслабьтесь. Свидетельствуйте тело, которое лежит здесь, почти мертвое.

Ум здесь – возможно, бормочет что-то; но вы – не это. Вы – просто наблюдатель.

В этот миг вы находитесь на высочайшем пике вашего сознания, а также в глубочайшей глубине.

Тысячи цветов осыпают вас.

В этом безмолвии, в этой тишине вечер стал безмерно прекрасным.

Прежде, чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше цветов, как можно больше аромата, сока своей жизни.

И убедите будду пойти с вами. Он веками прятался в центре – приведите его на периферию, мир нуждается в нем.

Пришел момент, когда каждый будда должен выйти наружу.

Это – единственная надежда для всей планеты. Если будды смогут выйти на периферию, своей ежедневной деятельностью мы сумеем изменить самую основу человеческой жизни на земле. Она может стать благословением.

Человек жил не цивилизованно по простой причине: он никогда не шел вглубь себя.

Я называю цивилизованными только тех людей, кто достиг своего центра и увидел себя буддой.

Ниведано...

Вернитесь; но даже в своем возвращении покажите изящество, тишину, радость, блаженство этого момента.

Посидите несколько мгновений, чтобы вспомнить тот золотой путь, по которому вы прошли, и этого незнакомца – будду, которого вы нашли: не как отдельную от вас сущность, но как ваше сокровеннейшее существо, самую душу.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

II ИНЕРЦИЯ ПРИВЫЧКИ

2 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз монах спросил Исана о необходимости культивирования духовной жизни после просветления. Исан ответил, что это необходимо из-за "инерции привычки". Затем он сказал:

"То, что вы слышите, сначала должно быть воспринято вашим рассудком; а когда ваше рациональное понимание невыразимым образом углубится и обострится, ваш ум, благодаря собственной спонтанности, станет легко схватывающим и ясным, никогда не впадая обратно в состояние сомнения и заблуждения. Как бы многочисленны и разнообразны ни были тонкие учения, вы интуитивно знаете, как применить их – в соответствии со случаем."

Лишь таким образом получите вы право сидеть в кресле и носить одеяние мастера истинного искусства жизни. Подводя итог: чрезвычайно важно знать, что высшая реальность, или основной принцип разума, не допускает ни единой пылинки, тогда как среди бесчисленных дверей и способов действия не следует избегать ни единого закона или вещи".

Маниша, самая важная проблема для каждого ищущего – понять ясное различие между культивированием и просветлением. Вы можете культивировать просветление, но это будет только фальшью. Вы можете верить в эту фальшь, но ваша вера не сделает ее правдой. Даже если все общество поддерживает ее, это не имеет значения.

Истина не нуждается в поддержке; она должна быть самоочевидной. А как вы можете культивировать просветление, если не знаете его? Вы будете просто подражать другим просветленным. Но у каждого просветленного человека есть свой уникальный характер. Никто не может быть вторым Исаном. Как бы старательно он ни пытался культивировать, имитировать каждое действие Исана, подражать каждому его слову, все-таки он не может быть Исаном. Он останется собой – только его ум будет окружен выращенным, культивированным слоем. Это останется действием ума, а просветление,

безусловно, не есть действие ума. Так что никто не может культивировать просветление.

Но после просветления...

Просветление случается неожиданно. Вы можете использовать какой-то метод – без гарантии, что он приведет к просветлению. Но если рядом с вами живой мастер, наблюдающий, куда вы движетесь шаг за шагом, одной рукой поддерживая вас, как говорил один индийский мистик, Гора... Гора был горшечник, очень бедный человек, но он пришел к той же высоте, что и Гаутама Будда. Его язык, конечно, – язык горшечника. Но порой грубый язык крестьян может выразить то, что не может выразить самый изощренный язык.

Гора говорит, что мастер должен пользоваться обеими руками, как горшечник. Горшечник одной рукой давит на глину изнутри вращающегося горшка, а второй – поддерживает ее снаружи. Это давление и поддержка мало-помалу создают горшок.

Мастер должен использовать любой возможный способ, чтобы привести вас в точку, где возможно просветление. Всего лишь небольшой толчок – со стороны обстоятельств, мастера или самого ученика, – небольшой поворот. Один шаг – и старый мир ушел, и вы вошли в новое небо.

Это очень внезапно, потому что вы не готовы к этому – хотя для мастера это не неожиданность. Он готовил это со всех возможных сторон. Когда он бьет вас, кричит на вас, бывает с вами почтительным – любым возможным образом мастер ведет вас к тому краю, откуда вам нужно сделать только один шаг. Этот шаг можете сделать только вы; мастер может привести вас к этому краю.

Для этого нужен искусный мастер. Ни один обычный мастер не может это сделать; поэтому мистиков много, а мастера очень редки. Быть мистиком – само по себе трудно, но, чтобы донести весть кому-то еще или обратить сознание кого-то другого в сторону мистических переживаний, необходимо множество качеств: нужен искусный способ, чтобы дать стимул вашему стремлению, разумный подход, делающий даже иррациональное похожим на рациональное, дающий красивое объяснение даже абсурду. И нужно изобретать средства, медитации, действующие на разные стороны вашего существа: никто не знает, с какой стороны вы более всего уязвимы – с запада или востока, севера или юга. Но мастер постепенно, легко осознает, с какой стороны вы уязвимее. И тогда в это место нужно бить как можно сильнее, потому что самое слабое звено в ваших цепях прорвется первым.

Ваше освобождение, ваше просветление – это огромное искусство мастера. Найти самое слабое звено в ваших цепях и ударить так, чтобы вы вместо гнева почувствовали благодарность – это почти чудесная алхимия. Но, что касается вас, просветление случается внезапно. Мастер готовил его шаг за шагом; но это было в *его* сознании, это не часть вашего сознания. Для вас дверь открывается внезапно.

Мастер никогда не говорит, что вы подошли к двери. Он ждет нужного момента: когда вы будете абсолютно безмолвны, предельно пусты, весна придет сама по себе. По мере вашего развития, созревания дверь становится готовой открыться для вас. Но это всегда сюрприз для вас, а не для мастера, который многие годы готовил это самыми различными способами, приводя вас к точке, где вы можете исчезнуть и раствориться.

После внезапного просветления требуется определенное культивирование, потому что эта внезапность может стать проблеском. Вы спите так глубоко, ваша бессознательность так велика, что внезапный проблеск, вспышка молнии... и снова все затягивают темные тучи. Этот прекрасный момент будет вспоминаться вам; вы даже начнете сомневаться: “Был ли он на самом деле, или я все это вообразил? Сон это или явь?” Но его сладость останется с вами. Его аромат останется с вами.

Культивирование после просветления просто означает избегать любых ситуаций, которые могут разрушить ваш проблеск. Вы должны вложить в него всю свою энергию, чтобы делать его все более и более подлинным, все более и более глубоко укорененным в вас – чтобы он стал несомненной истиной. Никакие тучи не могут уничтожить его, никакая инерция не способна отнять его у вас. Слова Исана следует понимать в этом смысле.

Как-то раз монах спросил Исана о необходимости культивирования духовной жизни после просветления. Исан ответил, что это необходимо из-за “инерции привычки”.

В этих словах заключено все: *инерция привычки*. У Георгия Гурджиева, одного из самых выдающихся людей этого века, была одна идея относительно мозга, которую не отвергает ни один ученый...

Любой ученый знает, что ум делится, почти крестообразно, на четыре части. Правое полушарие разделено на две доли – переднюю

и заднюю, и точно так же – левое. Что бы мы ни делали, изучая мозг, мы не нашли никакого способа определить, в чем назначение задних долей. Они кажутся абсолютно бесполезными. Но природа никогда не создает ничего бесполезного. А мозг – вообще высочайшее творение существования; в нем не может быть ненужных частей. Более вероятно, что мы просто еще не открыли, в чем их функция.

Когда исследователи заглянули в мозг, они обнаружили странную вещь: правая рука соединена с левым полушарием мозга, а левая – с правым полушарием. Таким образом, когда я двигаю правой рукой, это движение управляется левым полушарием мозга.

Людам, родившимся левшами – и их не так уж мало, это десять процентов всего населения земли, – всю жизнь приходится трудно, потому что они родились левшами в правостороннем обществе. И никто не осознает более глубоких проблем – ни родители, ни учителя. Они заставляют левосторонних детей писать правой рукой, как все остальные, а не левой. Они не знают, что говорят ребенку; и ребенок ничего не может им возразить. Он видит, что все вокруг пишут правой рукой, и то, что он пишет левой – странно. И из-за постоянного давления он пытается делать это правой рукой. Это не так легко, но непрерывная практика дает ему способность писать правой рукой. Только очень немногие люди продолжают писать левой. Люди, которые родились левшами и пишут правой рукой, создают большую путаницу в уме.

Обе задние доли мозга, насколько нам известно, представляются совершенно бесполезными. Но это не так. По мнению Георгия Гурджиева – он один указывал на этот факт, – эти задние доли выполняют функцию некоего робота. Вы учитесь делать что-то правой рукой; сначала активизируется передняя доля левого полушария, но только в процессе обучения. Как только вы научились, передняя доля передает это умение в заднюю. Задняя доля подобна роботу, компьютеру. Мы не видим никаких функций, но она продолжает работать без нашего ведома.

Например, в Африке нашли одно племя, где люди едят только один раз в сутки – и они совершенно здоровы. Когда они увидели христианских миссионеров, они не могли в это поверить: “Что это за идиоты? Они все едят, едят и едят – это их единственная забота. Сначала завтрак, потом обед, потом полуденный чай, потом кофе. И так все время!” Эти простые люди не могли понять – какой в этом смысл?

Люди этого племени живут дольше, они здоровее; они живут в два раза дольше. Если здесь человек в среднем живет семьдесят лет, то в этом маленьком племени очень легко доживают до ста сорока – ста пятидесяти лет. И даже в сто пятьдесят лет человек не стар; в этом племени умирают только молодыми. В сто пятьдесят лет человек функционально так же молод, как молодой человек тридцати пяти лет. Но за миллионы лет они привыкли есть только раз в день.

Если вы привыкли есть по-американски, один прием пищи в день убьет вас! Что вы будете делать остальные двадцать четыре часа? Американцы едят пять раз в день, а в промежутках им нужны сигареты, жевательная резинка: рот все время должен что-то жевать. Они настолько привыкли к этому, что, если отобрать у человека жевательную резинку, его придется госпитализировать, чтобы снять зависимость! Такая простая вещь – жевательная резинка. Сначала вы делали какую-то глупость, а теперь говорите о зависимости! Вместо жевательной резинки нужно дать что-то другое – заменить ее чем-нибудь, что вызывает меньшую зависимость; и нужно несколько недель, чтобы избавиться от этой привычки.

Проблема в том, что привычка проникает в заднюю долю вашего мозга, а у нас пока нет прямого доступа к ней. Задняя доля мозга до сих пор остается неизвестным континентом, а она контролирует все. Если вы бросаете какую-то привычку, вы нарушаете естественный процесс ее работы. Она заставляет вас снова вернуться к привычке.

Я был в Калькутте с другом, мы жили в доме одного из богатейших людей Индии, Соханлала Дугара. Сейчас он уже умер. Тогда ему было, наверное, семьдесят или семьдесят пять лет, и он сказал мне:

– Я четыре раза отказывался от секса.

На глупого человека, который был со мной, это произвело огромное впечатление. Когда мы остались одни, он сказал:

– Вот это да – четыре раза!

Я ответил:

– Идиот, ты не понимаешь: отказаться от секса можно только один раз. Как можно отказываться от него четырежды?

Он подумал и согласился:

– Да, правильно. Если ты оказался один раз, ты уже отказался.

Я сказал:

– Давай подождем, когда Соханлал вернется, и я спрошу, что случилось в пятый раз.

Когда он пришел, я спросил:

– Ты рассказывал нам о своем celibate – что ты пробовал четыре раза; на моего друга это произвело огромное впечатление. Поэтому я спрашиваю: а что случилось на пятый раз?

Он сказал:

– Это несчастье. Я не стал отказываться от секса в пятый раз, потому что четыре раза у меня ничего не получалось, и я усвоил, что в отказе нет никакого смысла; лучше об этом помалкивать.

Вот почему все в мире молчат о сексе. Особенно celibаты – они хранят абсолютное молчание, потому что знают эту проблему: сколько раз они отказывались от секса, а он возвращается снова. Это не в вашей власти, и это не ваша личная особенность. Секс приходит вместе с самым вашим рождением, это биологическое свойство.

Итак, существует много разных привычек. Некоторые вы можете бросить, а некоторые имеют очень глубокие корни. Оставаться в невежестве и бессознательности – очень длительная привычка, ей миллионы лет. Если вы допустите ее на один-единственный миг, она возьмет над вами верх.

Просветление – совсем новое явление, и все против него: весь ваш старый ум, ваше бессознательное, ваша тенденция забывать. Английское слово “sin” (грех) первоначально означало забывчивость, но священники уничтожили красоту этого слова. Забывчивость, несомненно, грех – не против кого-то, против самого себя. А вы были в забвении так долго – это не жевательная резинка, которую можно бросить за несколько недель. И это такое утешение – оставаться в забвении: это так уютно, это не создает вечный вопрос, не толкает на поиски истины. Это не уводит вас на опасные пути. Вы можете быть обычным земным человеком, частью толпы, очень счастливым в своих глупостях.

Только посмотрите, как люди празднуют свадьбы – а ведь всем известно, какой будет результат! Повсюду вокруг – обломки и развалины браков; и, тем не менее, идиоты будут восседать на конях, надев тюрбаны. Когда-то они держали меч, но сейчас его заменили предметом поменьше – коротким ножом. К чему весь этот шум? – оркестры, поющие люди; торжество, праздник. Двух человек, мужчину и женщину, приговорили к виселице, а все эти дураки празднуют. И сами они тоже наслаждаются: в первый – и, возможно, последний – раз в жизни они сидят на коне, как короли, с короной на голове и, если и не при настоящем мече, то хотя бы с кухонным ножом.

Такой спектакль – и каков результат? Больше вами никто не интересуется. Все те, кто собрался отпраздновать ваше распятие... никто не придет на воскресение. Дальше будете это расхлебывать *вы*, это ваша проблема. И все люди наверняка замечали: все старые истории заканчиваются свадьбой; дальше они не идут. Во всех старых сказках говорится: “Они поженились, и с тех пор жили счастливо”. Это последний штрих, как будто они оба умерли – потому что вдаваться в то, что произошло после свадьбы, в эти запутанные и сложные проблемы, опасно.

В Индии, как и везде, трагедию в кино и романах любят больше, чем комедию. Комедия кажется совершенно не связанной с жизнью; но трагедия – это опыт каждого. Каждый человек знает ее вкус.

Просветление, сначала как проблеск, нужно защищать от всех ваших жалких привычек, старых моделей поведения, бессознательности, с которой вы делаете вещи как робот. Вот что такое культивирование. Вы боретесь с очень долгим прошлым, которое знает только темную ночь, без единой звезды. И внезапно вы пришли к проблеску рассвета и услышали песни птиц, почувствовали аромат распускающихся цветов. Во-первых, вы не верите, что это может быть правдой – возможно, вам это снится. Весь ваш опыт – это темная ночь; вы никогда не думали, что эта темная ночь когда-нибудь кончится. Кажется, что она становится все темнее, темнее и темнее. Вы никогда не понимали этой логики: чем темнее становится ночь, тем ближе рассвет. И, когда рассвет приходит в первый раз, в это невозможно поверить.

Рассвет, о котором я говорю и о котором говорит Исан, не есть что-то внешнее. Все ваши модели, старые привычки – тоже внутри вас. Они будут стараться разрушить новое хрупкое озарение, которое растет в вас; а ваши старые привычки подобны камням – они твердые и тяжелые. Битва между розой и камнем. Защитить розу от всех скал, которые вы вырастили в прошлом – трудная задача.

Испытать первый проблеск не так трудно. Настоящие трудности начинаются после этого проблеска: как его сохранить? Как сделать его таким правильным, так глубоко укорененным и сильным, чтобы ничто не могло уничтожить его, чтобы не возникало ни одно сомнение в отношении него, чтобы его истина стала самоочевидной? Вы должны жить им; это – единственный способ культивировать его.

Как вы культивировали свои привычки? Вы просто жили ими. Если вы не жили какой-то привычкой, вы не можете понять, почему кто-то другой не может оставить ее. Вы смеетесь над жевательной

резинкой потому, что не привыкли к ней; вы смеетесь над курением потому, что не привыкли к нему; или алкоголь... каждая из этих привычек проникает глубже, трансформирует вашу химию и биологию, становится глубоким голодом. Вам приходится пить алкоголь вопреки самому себе: вы не хотите, но что делать? Когда приходит время, побуждение так сильно – каждая клеточка вашего тела требует спиртного. И вы думаете: “Может быть, еще один разок – большого вреда не будет”.

Но это длится годами – “еще разок”. И в следующий раз возникнет та же ситуация. Нужно иметь мужество отсечь любую привычку мечом, одним ударом. А что касается зависимости – лучше помучиться две-три недели, чем дать привычке победить вас.

Человек, не властвующий над своими собственными привычками, не может оставаться просветленным. Даже если ему посчастливится получить проблеск, этот проблеск сделает его еще более несчастным, потому что теперь он знает, что возможно. Теперь он знает, чего он может достичь, он знает свой потенциал. Но он вынужден жить во тьме своих старых привычек и не может вырваться из этого стереотипа.

Культивирование – единственный путь. Не думайте, что просветление – только внутренний опыт. В начале это внутренний опыт; затем постепенно несите его в свою внешнюю жизнь. Именно это я говорю вам каждый день: что бы вы ни испытали, не думайте, что работа закончена. Опыт, который случается в медитации, должен присутствовать в ваших повседневных занятиях.

Работаете ли вы в офисе, в магазине, или вы домохозяйка – какой бы жизнью вы ни жили, ваша медитация должна оставаться alertной в любой деятельности. Вот что такое культивирование. Чем больше вы живете ею, тем больше она становится нормальным явлением; чем больше вы живете ею, тем меньше возможность, что старые привычки вытеснят ее. Они будут заливать вас, как наводнение, но вы должны помнить одну вещь: маленького огонька свечи достаточно, чтобы уничтожить тьму миллионов лет. Тьма не может сказать свече: “Ты слишком мала, не глупи; ты пытаешься бороться с тьмой, которой миллионы лет? Это несколько нагло!”

Таких разговоров никогда не было. Маленький огонек... и тьма исчезает, какой бы древней она ни была. Ваш первый проблеск просветления – в Японии его называют *сатори* – силен. Быть может, он еще хрупкий, новый. Защищать его будет трудно, но в нем есть соб-

ственная сила. Если вы поддерживаете его тотально, он охватит все ваше существо. Сатори перерастет в *самадхи*.

Сатори – это первый проблеск самадхи, а самадхи – это состояние, когда все ваше существо в огне. Вы не должны помнить, вы – *это*. Но это возможно, только если вы культивируете это во всех своих повседневных занятиях.

Исан ответил, что это необходимо из-за “инерции привычки”.

Культивирование в вашей повседневной жизни необходимо из-за инерции привычки.

Затем он сказал:

“То, что вы слышите, сначала должно быть воспринято вашим рассудком”.

То, что вы увидели внутри, сначала нужно сделать частью вашего рассудка. Это нельзя оставлять в стороне как иррациональный, абсурдный эпизод. Исан говорит: если вы считаете это иррациональным, неизбежно возникнут сомнения. Поэтому первым делом вы должны привести это в гармонию, синхронность со своей рациональностью. Вы не сможете защитить нечто абсурдное – фактически, это *и есть* абсурд. Сам этот опыт выходит за пределы разума; он случается, когда нет ума.

Так что первый шаг в культивировании – приблизить этот опыт к уму. Сначала вы делали все возможное, чтобы выйти из ума; теперь сделайте свое просветление ближе к уму. Сделайте его приемлемым для ума, чтобы ум в долгой борьбе между вашей инерцией и просветлением был не врагом, а другом. Да, сделайте ум своим союзником.

То, что вы слышите, сначала должно быть воспринято вашим рассудком; а когда ваше рациональное понимание невыразимым образом углубится и обострится, ваш ум, благодаря собственной спонтанности, станет легко схватывающим и ясным, никогда не впадая обратно в состояние сомнения и заблуждения.

Очень практичный и научный человек – никто другой не говорил это так ясно. Первый опыт – за пределами ума. Теперь проблема в том, что ум постарается создать всевозможные сомнения. Ум на-

полнен вашими привычками, а ваше новое просветление подобно незнакомцу, который появился внезапно – с новыми привычками, новыми направлениями, новым стилем жизни; он хочет изменить в вас все. Определенно, ваша старая личность и старый ум приготовятся к жаркой битве.

Исан демонстрирует необычайную прагматическую проницательность. Он говорит: лучший способ избежать борьбы – это приблизить просветление к вашему рассудку. Как вы можете сделать его ближе для ума? Если вы начнете жить согласно своему просветлению, ум в начале воспримет это неохотно, он будет сопротивляться, не поддаваться. Но вскоре он увидит, что путь просветления гораздо лучше старого, бессознательного образа жизни. Ум достаточно интеллигентен, чтобы признать это. Но это признание станет возможным, только если ум сможет увидеть, как действует просветление – что оно лучше работает в любви, в дружбе, в жизни; что повсюду оно приводит к лучшим результатам. Вскоре ум охотно примет его как лучший образ жизни.

Как только ум принимает просветление как лучший образ жизни, вы уничтожаете величайшего врага. Тогда ум тоже начинает использовать откровение, полученное в просветлении, и желает измениться. Когда ум убежден, что просветление делает вашу жизнь лучше – она становится более изящной и изысканной, более блаженной... что оно меняет все: оно делает ваше прикосновение золотым, и все, до чего вы дотрагиваетесь, превращается в золото... Ум достаточно интеллигентен, чтоб понять и выбрать. Что лучше: старая бессознательная или новая сознательная жизнь?

Это – единственный способ сделать так, что *рациональное понимание невыразимым образом углубится и обострится*, – чтобы ваш ум, *благодаря собственной спонтанности, стал легко схватывающим и ясным.*

Если ум, вместо того, чтобы бороться, принимает – если он примет дружбу с просветлением, он будет наполняться светом, большей радостью, блаженством, экстазом. Он будет наводнен столькими сокровищами, что не сможет бороться против просветления.

Внутри вас будет борьба, окончательная: выбрать путь света или остаться на пути тьмы. Это отправной пункт. Уму нужно дать шанс увидеть, как действует просветление, как оно преображает ваши поступки, ваше существо, как оно приносит в жизнь больше ра-

дости, больше песен, цветов, танцев. Это единственный аргумент, который может убедить ум согласиться, что просветление имеет безмерную ценность. В борьбе нет никакой необходимости; ценна дружба. Как только ум становится этому незнакомцу другом, вы можете спокойно отдыхать. Больше никакой борьбы не будет. Ум сам будет все больше и больше приводить просветление в действие; это станет его работой.

Как бы многочисленны и разнообразны ни были тонкие учения, вы интуитивно знаете, как применить их – в соответствии со случаем.

Когда ум подружится с вашим просветлением, когда он увидит все великолепии и славу этой дружбы – потому что тогда эта слава и великолепии будут отражаться также и в уме, – ваша интеллигентность вырастет. Все в вас устремится к высшей точке. Когда эта синхронность произошла, ум интуитивно чувствует, как отвечать на ту или иную ситуацию в соответствии с просветлением. Всегда помните: нужно выбирать лучшее.

Я слышал об одном нищем, который был посмешищем всей деревни. Эта деревня была центром туризма: в ней были очень древние руины, дворцы, форты. И этот нищий тоже был своего рода достопримечательностью: гиды, которые сопровождали туристов, всегда приводили их посмотреть на него. Они говорили:

– Посмотрите на это странное явление. Возьмите в одну руку рупию, в другую – пайс, покажите ему и скажите: “Выбирай”.

Туристы недоумевали:

– Но мы не понимаем... что в этом особенного?

Гид говорил:

– Попробуйте! Вы увидите чудо.

Люди пробовали; нищий всегда выбирал пайс. И тогда все начинали смеяться и говорили:

– Странно! Неужели этот нищий не понимает, что он выбрал вместо рупии пайс?

После этого другие пробовали то же самое; нищий весь день занимался тем, что выбирал пайс вместо рупии.

Однажды какой-то очень любопытный человек увидел это. Все туристы уже ушли, но он остался; он подошел к нищему и сказал:

– Я вижу, что ты – не дурак. Ты очень умен. Почему же ты выбираешь пайс?

Тот ответил:

– Потому, что я умный! Как только я выберу рупию, игра остановится. Эта игра продолжается каждый день, уже многие годы...

Этот человек понял размеры его разумности: “Он прав: если он выберет рупию, игра закончится. Тогда гид больше не приведет к нему туристов, и никто не будет испытывать его. Они наслаждаются...”

А нищий сказал:

– Я тоже наслаждаюсь их глупостью! Каждый день я получаю в среднем от десяти до двадцати рупий. Но все потому, что я выбираю то, чего не ждет никто. Даже умственно отсталый человек выберет рупию; но, поскольку я делаю нечто абсурдное, они смеются и наслаждаются. Я тоже смеюсь, но не показываю это. Я смеюсь тогда, когда все уходят.

Каким бы ни был ваш ум, он в состоянии увидеть тот факт, что просветление вносит бесценное сокровище во все ваши действия, привносит красоту во все, что вы делаете, создает радость, которая постоянно окружает вас, подобно аромату. Ум абсолютно точно способен это понять. И как только ум понимает это, он перестает быть врагом; он растворяется в невероятном событии просветления. Это верное действие со стороны ума, но это может произойти только определенным образом: вы должны дать уму шанс увидеть действие просветления.

Лишь таким образом получите вы право сидеть в кресле и носить одеяние мастера истинного искусства жизни. Подводя итог: чрезвычайно важно знать, что высшая реальность, или основной принцип разума, не допускает ни единой пылинки, тогда как среди бесчисленных дверей и способов действия не следует избегать ни единого закона или вещи.

Человек просветления, который не пришел в согласие с умом и телом... что происходит почти одновременно, потому что тело следует за умом. Как только ум принимает просветление, тело тоже принимает его – это происходит одновременно. Когда это случается – Исан говорит: “Нет ни одной вещи в мире, которую нужно отвергать”.

Вы можете преобразить все, что хотите; но мысль об отрицании – это идея старого ума, ума эскаписта, так называемого религиозного человека: “Избегай того, избегай этого; избегай жизни как таковой...” Это не такой уж смелый путь; это – путь труса. И все религии преподавали вам путь трусости.

Я учу вас пути мужества, пути льва. Оставайтесь в мире. Не избегайте ничего: трансформируйте. Если что-то ядовито, вы не должны отбрасывать это; как только вы поймете, что это яд, оно отпадет. Вы не должны совершать никаких усилий. Вы не будете избегать; это просто отпадет без всяких усилий, и ваша жизнь будет становиться все проще и проще.

Секисо написал:

*Горная цепь,
вода и камни –
все странно и необычно.
Этот прекрасный пейзаж, как известно,
принадлежит тому, кто ему подобен.*

Я должен повторить это:

*Этот прекрасный пейзаж, как известно,
принадлежит тому, кто ему подобен.
Вышний мир, нижний мир
изначально – одно.
Нет ни одной пылинки;
лишь это тихое и полное,
совершенное просветление.*

Если вы – просветленный, нет никакой дуальности этого мира и того, высшего и низшего, материального мира и священного, духовного. В миг совершенного и полного просветления *нет ни одной пылинки*. Зеркало так ясно, что отражает целое во всей его полноте. Вы стали истиной, вы стали красотой, вы стали божественным. Нет ничего, кроме вашего необъятного существа. Вы потеряли свое маленькое “я” в океане, в космосе. Кто будет избегать, и чего? Вы просто входите в этот танец и исчезаете.

Я вспомнил древнюю китайскую историю. Я так люблю ее, что каждый раз, когда вспоминаю, необыкновенно радуясь.

Этот китайский император был великим художником; он любил рисовать и каждый год приглашал других художников во дворец, чтобы устроить выставку. Состарившись, он объявил на ежегодной выставке: “Я стал совсем старым и хочу увидеть самую совершенную картину в мире. Я дам художнику место во дворце и обеспечу его всем необходимым...”

Несколько художников, считающих, что они могут создать такую картину, пришли во дворец. Кто-то из них закончил картину через месяц и принес ее императору. Она была сделана хорошо, но далека от совершенства.

Прошло три года, и остался всего один художник. Он рисовал три года; и он писал не на холсте: он расписывал стену дворца, которая находилась в отведенной ему комнате.

Он нарисовал прекрасный лес... лунную ночь, небольшой ручей и едва заметную тропинку, которая петляла между деревьями и исчезала в лесу.

Через три года он пришел к императору и сказал:

– Теперь можете посмотреть. Я сделал все, что мог. Я думаю, это – самая совершенная картина в мире. Поэтому я приглашаю Вашу Честь посмотреть на нее, и мне не нужно никакой награды: эти три года были самыми прекрасными в моей жизни. Довольно будет того, что вы ее увидите.

Все остальные художники рисовали ради награды; а когда вы рисуете с каким-то намерением, ради вознаграждения, ваша картина не может быть совершенной. Ваша заинтересованность будет пылью.

Этот художник сказал:

– Меня совершенно не интересует награда; вы уже наградили меня. Эти три года были такими прекрасными – и дни, и ночи; нельзя дать больше, чем вы дали мне. Теперь посмотрите на эту картину, чтобы я мог вернуться домой. Наверное, моя жена и дети ждут меня.

Император пошел с ним. Несомненно, этот художник создал нечто чудесное. Императору стало так интересно, что он спросил:

– Куда же уходит эта тропинка?

Художник ответил:

– Я не ходил по ней; но, если вы хотите пойти со мной, мы можем пойти и посмотреть, куда она ведет. Я тоже много раз спрашивал себя: “Куда ведет эта маленькая тропка?”

Итак, художник и император вместе шагнули на тропу и исчезли среди деревьев, и с тех пор о них ничего не слышали.

Эта история всегда делает меня необычайно счастливым. Из совершенства нет возврата, пути назад нет. Совершенство охватывает вас, и вы исчезаете.

Маниша спросила:

*Наш возлюбленный Мастер,
Существует ли какая-то связь между осознанностью и инстинктивной alertностью человека, которому однажды пришлось бороться за жизнь?*

Существует определенная связь. Есть физическая, биологическая, инстинктивная мудрость. Вы не осознаете, что ваше тело каждый миг совершает чудеса...

Если в мозг каждые шесть минут не будет поступать определенное количество кислорода, ум просто растворится. Его клетки зависят от кислорода. Тело – спит оно или бодрствует – постоянно обеспечивает мозг необходимым количеством кислорода: ни больше, ни меньше. Где нужна кровь, сколько ее требуется – тело вырабатывает ее, это не зависит от вас. Как трансформировать пищу в кровь, в плоть, кости, нервы – телу известны все эти тайны.

Даже наши ученые все еще далеко позади. Превратить хлеб в кровь – это величайшее чудо! Иисус всего лишь превратил воду в вино, и это стало великим чудом; а ваше тело изменяет тысячи вещей. Какие витамины должны попасть в определенные части тела... тело не спрашивает вас, оно совершенно вас не беспокоит. Оно обладает собственной мудростью, и вы должны уважать эту великую мудрость.

Точно так же, как в теле есть своя мудрость – она называется инстинктом, – ваша душа тоже обладает своей мудростью. Она называется интуицией. Ваш ум – заимствованная вещь; в нем нет ничего, похожего на инстинкт или интуицию. Это просто компьютер, который собирает всевозможную информацию. Но он имеет над вами огромную власть, потому что в нем содержится все, что вы знаете. Если его стереть, вы будете просто тупицей, который не знает, кто вы, куда вы идете – зачем? В чем дело?

Ум функционирует согласно знанию, которое он собрал; это – заимствованная часть в вас. Тело функционирует согласно природе, ваше сознание тоже действует согласно природе. В середине между ними находится ум, который работает, как компьютер. Он удовлетворяет самые необходимые потребности. Как слуга он хорош; как хозяин он опасен.

Когда начинает действовать интуиция вашего сознания, ум тут же понимает, кто хозяин. Как только он признает хозяина, он будет очень хорошим слугой, очень эффективным. Поскольку ум – всего лишь механизм, он может творить чудеса; но нужен хозяин, который будет им руководить. Без хозяина ум начинает считать хозяином самого себя, и это создает проблемы. Ум – не хозяин. У него нет никакой собственной природной мудрости. Даже тело находится в гораздо более выгодном положении.

Вы должны донести просветление до своего сознания и ясно показать уму, что это – гораздо лучший способ жизни. Тело всегда функционирует естественно; а ум иногда пытается хозяйничать в теле. Именно это говорили вам все религии. Все писания полны поучений о том, как подчинить тело определенной дисциплине. Целибат – это идея ума, тело ничего не знает о нем. А ум не может его обеспечить; поэтому тело подавляется, функционирует ненормально, становится извращенным. Тело очень невинно. Это ум – священник, философ, преподаватель – пытается вмешаться во все.

Просветленный человек не вмешивается, не позволяет уму вмешиваться в тело. Вы становитесь прочной колонной мудрости. Ваше тело уже в гармонии с природой; а ум перестает вмешиваться. Он тоже приходит в гармонию с вашим высшим сознанием, с вашим просветлением. Все ваше существо становится колонной чистого света.

В этом вся суть дзенского эксперимента над человеком: превратить его в единое целое, сделать его колонной мудрости.

Прежде, чем вы станете колоннами мудрости, немного глупости для бедного Сардара Гурудаяла Сингха – только ради него. Он снова сидит здесь в своем радужном тюрбане. Где он его взял? (*Мастер поворачивается к Сардару и довольно хихикает...*) Да, это великолепно. Великолепно.

Маурин и Пегги, жены Пэдди и Сина, сидят в клубе, потягивая прохладительные напитки. Маурин качает головой и вздыхает:

– Мой муж так уродлив, что, когда я хочу заняться с ним любовью, мне приходится надевать ему на голову мешок!

– Это еще что, – говорит Пегги. – Мой муж так безобразен, что, когда он родился, врач избил его мать!

Хиппи Гарольд сидит на мягких подушках, затягиваясь марихуаной, и смотрит по телевизору передачу “Сумасшедшая утка”. Звонит телефон.

– Алло, – говорит совершенно окаменевший Гарольд.

– Междугородняя связь, – говорит голос на другом конце провода. – Вам звонит Мэйбл Бикс – вы заказывали?

– Алло! – отвечает Гарольд, выдыхая клубы дыма. – Очень плохо слышно. Какая Мэйбл?

– Мэйбл Бикс! Мэйбл Бикс! – кричит оператор.

– Ах, нет, – отвечает Гарольд, выпучив глаза. – Мэйбл здесь нет.

– Нет! Нет! – кричит оператор. – Мэйбл Бикс *здесь!* Это междугородний звонок от Мэйбл Бикс!..

– В самом деле? – говорит вконец запутавшийся Гарольд. – Где, черт возьми, эта Мэйбл Бикс?

– Алло! – кричит голос. – Это Мэйбл Бикс!

– Эй, мне жаль, – говорит Гарольд, – но Мэйбл нет.

– Нет, идиот! Это Мэйбл Бикс! – кричит оператор.

Здесь вмешивается сама Мэйбл. Она говорит:

– Не обращайтесь внимания, оператор. Давайте я попробую. Алло, это Мэйбл Бикс. Джун дома? (англ. *Is June there?* – также переводится “Сейчас июнь?” – Прим. пер.)

– Июнь? – кричит Гарольд, качая головой и выглядывая в окно.
– Я не знаю, где ты, но здесь еще ноябрь!

Большой Лерой и Руби после свадьбы отправились в отель для новобрачных. Руби – девственница, и ее очень волнует необычный размер Лероева приспособления.

– Не беспокойся, детка, – успокаивает ее Лерой. – Я буду показывать тебе его по частям, чтобы тебе было не так страшно.

– Хорошо, дорогой, – просяив, говорит Руби. – Теперь выйди и жди в коридоре, а я разденусь и лягу в постель.

Через несколько минут Руби лежит на брачном ложе, завернувшись в простыни.

– Входи, дорогой! – нервно кричит она. – Я готова!

– Сейчас, моя радость! – отвечает Большой Лерой из коридора. – Я буду потихонечку просовывать член в дверь спальни, чтобы ты могла к нему привыкнуть.

Лерой просовывает в дверь головку и спрашивает:

– Тебе страшно, милая?

– Нет, детка, – отвечает Руби, – я не боюсь.

Лерой просовывает следующие два дюйма.

– А теперь?

– Нет, милый, совсем не страшно.

Лерой проталкивает в открытую дверь очередные шесть дюймов.

– А теперь ты испугалась, моя сладкая?

– Нет, – отвечает Руби, широко раскрывая глаза. – Я не боюсь. Можешь идти в постель!

– Хорошо! – кричит Лерой. – Тогда я поднимаюсь вверх!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза, почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь. Вы должны достичь центра своего существа. Соберите все свое сознание, всю свою жизненную энергию как копье, летящее к центру вашего существа.

В самом центре вы – будда. В центре ваше единственное качество – свидетельство, наблюдение, осознанность.

Когда ваше проникновение становится глубже, вся вселенная внезапно начинает радоваться вместе с вами, потому что ваш центр – также и центр всего космоса. В самом центре вы – будда. И с этого момента вы должны убеждать будду пойти в ваши ежедневные занятия – не прятаться внутри, но выйти на поверхность, на периферию, в действия, слова, безмолвие...

Узнать будду – значит узнать свое вечное существо; узнать будду – значит узнать свое исчезновение. Вы исчезаете – и внезапно появляется будда.

Каждый человек беременен буддой.

Эта тишина, это безмерно прекрасное спокойствие... вам выпало счастье быть здесь. Только здесь, и больше нигде в мире, тысячи людей пытаются открыть это скрытое величие.

Сделай это золотое пространство яснее,

Ниведано...

Расслабьтесь. Но оставайтесь свидетелем. Тело лежит здесь как объект, ум находится здесь как объект. Вы – свидетель. Вы – ни те-

ло, ни ум. Вы – чистое сознание. Это чистое сознание мы называем буддой. Будда – только символ.

Расцвело так много цветов, так много аромата... все границы исчезли, и Аудитория Будды стала озером сознания без всякой ряби. Вы должны взять с собой все это благоухание, все эти цветы.

Я принес статую Будды – прямо напротив Аудитории Будды. Он ждет там. Когда вы будете проходить мимо, помните: однажды он тоже был просто человеком, как и вы.

Отдайте ему дань уважения, почтения; поблагодарите его, потому что этот человек открыл миру новое измерение – измерение красоты, истины, достоинства.

Он объявил, что человек – Бог, и нет никакого другого бога, кроме человека.

Это было величайшее революционное заявление, когда-либо звучавшее на земле.

Ниведано...

Вернитесь, но с теми же движениями покоя, безмолвия и изящества. Приведите будду с собой. Посидите несколько мгновений тихо, вспоминая себя в своем потенциале, этот проблеск, центр и безмолвие. Запомните красоту вечности и встречу со своим буддой.

Вы принесли новые невидимые цветы; выходя из Аудитории Будды, вы можете с благодарностью осыпать Будду этими цветами.

В этот момент вы стали его современниками. Я хочу всех в мире сделать современниками Будды. Это единственная возможность для человечества выжить на высшем плане.

Вы работаете не только для себя, вы работаете также ради того, чтобы выжила эта прекрасная планета.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

III

НАЧНИТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ

3 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз в монастырь Исана пришел монах, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал вид, что поднимается.

– Пожалуйста, не вставайте! – воскликнул монах.

– Я еще не сел! – ответил Исан.

– Я еще не поклонился, – сказал монах.

– Грубое создание! – прокомментировал Исан.

В другой раз Исан смотрел на языки пламени и спросил своего ученика Дого:

– Ты видишь огонь?

– Вижу, – ответил Дого.

Мастер спросил Дого:

– Откуда берется огонь?

Дого сказал:

– Лучшее бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, задзену или лежанию.

Исан оборвал разговор и ушел.

Однажды Ишу попросил Исана сочинить для него гату. Исан ответил:

– Глупо сочинять, когда стоишь лицом к лицу, и, в любом случае – писать на бумаге!..

Поэтому Ишу пошел к Кёдзану, ученику Исана, и повторил свою просьбу. В ответ Кёдзан нарисовал на бумаге круг, а рядом написал примечание, в котором говорилось: “Думать, затем знать – это второй сорт. Не думать и знать – это третий сорт”.

Маниша, прежде чем обсуждать твои сутры, необходима не-большая биографическая справка об Исане. Я говорю “не-обходима” потому, что, пока вы не поймете этого человека, его суть, его воспитание, качества, вы не сможете осознать эти сутры в чистом виде. Они – почти как надписи на воздухе, или, если вам больше нравится, на воде. Необходимо понять человека, который написал

эти сутры – или рассказал их, или был основой этих историй, – чтобы понять то, что с ним связано, поскольку все, что он говорит, пропитано и расцвечено его собственным существом. Эти сутры нельзя вырывать из контекста.

Исан – совершенно другая личность, нежели Бодхидхарма. Бодхидхарма был жестким мастером; Исан очень вежлив. Естественно, что его вежливость накладывала отпечаток на все, что происходило вокруг него. Он был очень смиренным человеком, он никогда никого не пытался обратить, наоборот: он ускользнул в глухой лес, чтобы никто не приходил к нему. Быть мастером и низводить кого-то на уровень последователя – это несколько смущало его... Очень тонкая, деликатная личность – личность поэта, певца, танцора.

Наставляя учеников в достижении просветления, Исан был мягким и терпеливым мастером.

Он никогда не кричал, не бил и не колотил учеников; для него это было невозможно. Он был таким любящим и сострадательным, что представить, как он бьет кого-то, что было в обычае дзенских мастеров, невозможно. Он был очень смиренным; поэтому ему приходилось создавать абсолютно другие средства, чем у Бодхидхармы или Нансена.

Наставляя учеников в достижении просветления, Исан был мягким и терпеливым мастером. В отличие от мастеров дзен, предшествовавших ему, он не использовал палку или крик.

Однако мягкость его обращения была только внешним слоем, покрывающим бунтаря, боровшегося с предрассудками.

Не следует понимать, что его смирение не было революционным качеством. Вы не должны думать, что смиренность заставила его пойти на компромисс с прошлым и традициями. Он остался великим бунтарем против всего того, что может помешать просветлению.

Поэтому мягкость его манер была только внешним слоем, покровом, скрывающим внутри бунтовщика и борца с предрассудками. В глубине он был огнем. На поверхности он был очень вежлив. Люди, приходившие к нему из-за его вежливости... многие побаивались дзенских мастеров, которые могли вас ударить, поколотить, неожиданно прыгнуть на вас; их поведение выглядело так иррационально.

Исан по сравнению со своими предшественниками казался очень добрым. Несмотря на то, что он никогда не был заинтересован в учениках, в глухом лесу собралась тысяча человек; они приходили из самых далеких мест только потому, что слышали, что Исан не тот человек, который будет бить или шлепать. Он был таким обходительным и скромным, и таким любящим...

Но это был только внешний слой. Внутри был пылающий огонь. Стоило вам подойти поближе – благодаря его скромности, дружелюбному поведению, – и вы попадали в сеть. Когда вы подходили ближе, вы узнавали огненную природу его существа – но отступить было уже поздно. Вы влюбились в этого человека. Теперь, что бы ни случилось... если вы должны пройти через этот огонь, вы пройдете через него.

Маниша принесла одну историю:

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз в монастырь Исана пришел монах, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал вид, что поднимается.

– Пожалуйста, не вставайте! – воскликнул монах.

– Я еще не сел! – ответил Исан.

Когда вы на полпути, очень трудно сказать, садитесь вы или встаете.

Мулла Насреддин советовал своим последователям: если вы не хотите, чтобы вам надоедали, возьмите зонтик и встаньте в дверях.

Если к вам пришел хороший человек и вы ему рады, вы можете сказать: “Ты пришел вовремя, я только что вошел”. А если гость надоедлив, вы можете сказать: “Прости, ты пришел не вовремя. Я ухожу”. Если человек стоит в дверях с зонтиком, очень трудно решить, куда он идет – домой или из дома. Он стоит в дверях, в середине.

Там была такая же ситуация: этот человек пришел, чтобы учиться. Увидев его, Исан сделал вид, что поднимается. Это был стратегический ход, чтобы посмотреть на его реакцию – как этот человек поведет себя. Исан не вставал; он просто сделал вид, что собирается встать.

– Пожалуйста, не вставайте!

Потому что, вставая, вы делаете кому-то честь; этот человек, естественно, подумал, что Исан собирается почтить его вставанием. *“Пожалуйста, не вставайте!” – воскликнул монах.*

Но Исан с помощью этого тонкого способа хотел узнать внутренний ум этого человека. Кажется, то, что он сказал, совершенно правильно: *“Пожалуйста, не вставайте!”* Но на каком основании он решил, что Исан встает, чтобы приветствовать его?

– Я еще не сел! – ответил Исан.

“Что значит – не вставайте? Я только собираюсь сесть. Почему ты решил...”

Возможно, это предположение – результат скрытого в глубине ожидания почетного приема. Возможно, оно было бессознательным, но Исан вынес его на поверхность. Этот человек мог бы подумать, что Исан садится. Он был на полпути – обе возможности были открыты; но этот человек выбрал то, что Исан собирается встать. Это показывает его ум: страстное желание, глубокое стремление к почитанию – хотя он и пришел как студент, чтобы учиться.

Исан сказал: *“Я еще не сел!”* – о том, чтобы вставать, не было и речи.

Но бедный монах не понял этого тонкого способа:

– Я еще не поклонился, – сказал монах.

– Грубое создание! – прокомментировал Исан.

Очень странная схватка! Когда Исан сказал: *“Я еще не сел”*, это был подходящий момент, чтобы поклониться и коснуться его ног, чтобы предложить себя в качестве ученика – для медитации, для всех его поучений.

Вместо этого он резко возразил – он счел, что Исан делает из него дурака:

– Я еще не поклонился, – сказал монах.

– Грубое создание! – прокомментировал Исан.

“Это не способ быть со мной. Ты должен быть благодарен, что тебе разрешили увидеться со мной. Вместо этого ты показываешь свое эго”.

“Я еще не поклонился, – говорит он. – Не считай меня своим учеником или студентом: я еще не поклонился.” Он пришел учиться, но эго – такое тонкое явление, что оно тут же, без вашего ведома, отстаивает себя. Эго просто парирует: *“Я еще не поклонился”*.

Это необходимо понять. Есть вещи, которые не следует говорить; как только вы говорите их, они теряют все свое величие, благородство. Ваша благодарность должна выражаться не в словах, а в вашем поведении.

Поклон – это способ сказать: “Я готов. Можешь поверить, что я не потрачу даром время, которое ты уделишь мне; я правильно использую медитацию или любую дисциплину. Я пришел к тебе от всей души”. Это просто способ сказать без слов: “Я доступен”.

Но вместо этого монах говорит: *“Я еще не поклонился”*.

Как будто человек, подобный Исану, нуждается в вашей признательности! Испытывая благодарность к такому человеку, как Исан, вы не делаете его богаче ни в каком отношении; напротив, вы становитесь богаче. Вы узнали новый способ, выучили новый жест и поняли его значение.

На Западе никогда не было принято, чтобы ученик касался ног учителя; даже сейчас западный ум считает это странным: один человек касается ног другого человека. Но они не знают смысла этого жеста, они не знают его эзотерического значения.

Когда ученик касается ног мастера, это не только то, что вы видите; случается нечто большее. Когда ученик касается ног мастера, мастер касается его головы. Создается энергетический круг, невидимый глазу – потому что энергия всегда невидима для вас. Вы можете видеть только жест: один человек касается ног другого, а тот прикасается к его голове.

Но Восток уже, по меньшей мере, десять тысяч лет назад пришел к пониманию этого тайного подхода мастера. Мастер возложит руки вам на голову, только если почувствует, что ваша энергия того достойна. Прикасаясь к его ногам... Следует помнить, что энергия движется только из пальцев рук или ног: энергия идет из точек, где заканчивается мертвое. Когда кто-то касается ног мастера, он немедленно определяет тип энергии. Если он чувствует, что этого человека нужно принять, что он заслуживает работы, мастер касается его головы – своими руками он дает ученику вкус своей энергии, и затем обе энергии образуют круг. И если этот круг становится ровным и плавным, это сулит огромные возможности.

Но для постороннего это выглядит так, что один человек касается ног другого. Запад даже сегодня не в состоянии этого понять. Жизнь – не то, что видно снаружи; внутри она гораздо больше, неизмеримо больше.

Этот человек продемонстрировал эгоистический склад ума. Вот почему Исану пришлось прокомментировать: *“Грубое создание!”* Он не был принят в ученики.

Быть принятым в ученики великого мастера – не мелочь. В самом этом приятии ваше просветление приблизилось на многие мили, ваше освобождение совершило квантовый скачок. Вы на грани, вы готовы – уже потому, что мастер принял вас. Он принимает только тогда, когда видит возможность, уязвимость, открытость. Это внутренняя мистерия, невидимая для глаз.

В другой раз Исан смотрел на языки пламени и спросил своего ученика Дого:

– Ты видишь огонь?

Это кажется странным: пламя здесь, Дого, его ученик здесь, Исан тоже сидит здесь. Нет никаких причин спрашивать Дого: *“Ты видишь огонь?”*

– Вижу, – ответил Дого.

Мастер спросил Дого:

– Откуда берется огонь?

Дого сказал:

– Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, задзёну или лежанию.

Исан оборвал разговор и ушел.

Дого закрыл все двери. Когда Исан спрашивал: *“Ты видишь огонь?”*, ему следовало быть бдительным. Когда вы с мастером, вы должны быть бдительны каждый миг. То, что он говорит, может подразумевать некое более важное значение, которое не ясно из слов.

Да, это странный вопрос. Оба видят огонь; но если мастер спрашивает: *“Ты видишь огонь?”*, он имеет в виду многое, что упускает Дого. Он подразумевает: *“Ты здесь?”* Вы можете видеть огонь и, тем не менее, быть где-то еще; а огонь будет далекой, блеклой тенью. Он может не быть живым переживанием. Если ваш ум полон

мыслей, вы можете даже упустить огонь, потому что кто будет на него смотреть? Вы должны быть здесь – вот смысл, скрытый за этим вопросом.

Если бы Дого обладал пониманием, он бы немедленно подумал: этот вопрос означает, что его ум куда-то ушел. Должно быть, он думал о других вещах, других словах, других предметах.

Я рассказывал вам анекдот о двух приятелях.

Как-то утром они встретились. Первый сказал:

– Ты не поверишь: ночью мне приснилось, что я пошел на рыбалку и поймал такую большую рыбу, что еле донес ее до дома! И это продолжалось всю ночь. Это было так необычно... Я много лет ловлю рыбу, но такая огромная мне никогда не попадалась. Видел бы ты, какая это была радость!

Второй приятель сказал:

– Это еще что! Прошлой ночью мне приснилось, что я лежу в спальне, в своей постели, и с одной стороны от меня – Мерилин Монро, совершенно голая, а с другой – Софи Лорен, тоже голая. Я был просто потрясен. Никогда не думал, что в моей жизни может такое случиться!

– Идиот! – не выдержал первый. – Почему же ты не позвал меня?

– Я тебя звал, но твоя жена сказала, что ты ушел на рыбалку!

Кажется, что люди находятся в каком-то месте, но их ум может быть где угодно. Быть в этом моменте – вот ясное послание дзен.

То, что Исан спросил Дого: *“Ты видишь огонь?”*, несомненно означает, что Дого не был там. Он просто сидел там, но его ум блуждал далеко. Было бы правильнее, если бы он ответил: *“Я не вижу его, потому что ушел куда-то в свои мысли”*. Но, вместо того, чтобы сказать правду, он ответил: *“Вижу”*.

Мастер спросил Дого: *“Если ты видишь, скажи мне, откуда берется огонь?”* Он спрашивает, откуда берутся все вещи, ведь огонь – только символ; и куда они, в конце концов, уходят? Где источник, из которого они возникают, и где точка, в которой они исчезают?

Медитирующему постепенно становится ясно, что этот источник и цель – одно. Цель является источником: энергия движется по кругу и возвращается в ту же точку. Когда вы рождаетесь и когда умираете – в обоих случаях вы находитесь в одной точке. За это время вы могли сильно измениться – множество переживаний, мно-

жество знаний, – вот почему вы упускаете чистую невинность смерти. Вы упустили невинность рождения из-за невежества, и упускаете невинность смерти – из-за знаний.

Конечно, нельзя ожидать, чтобы вы узнали невинность в своем рождении – это прощительно; вам об этом не говорили и не учили. Это переживание было таким новым – вы не могли даже дать ему название. Но человек, который умирает, наполненный знаниями, снова упускает эту невинность – из-за знаний.

В кругах мистиков во всем мире давным-давно существует понимание, что, если человек не умирает таким же невинным, каким он родился, он упустил все значение и весь танец жизни, он упустил весь смысл жизни. Он проделал путь длиной в семьдесят или восемьдесят лет и вернулся к источнику, но вновь упустил его.

В Индии слово, означающее опыт этого круга – *сансара*. “Сансара” означает и этот мир, и этот круг. Весь мир – это круг. В начале вы невинны, и вы должны быть невинны в конце. Тогда ваша жизнь была великой жизнью любви, понимания, в ней было множество цветов и благословений. Вы не жили как ненормальный, вы жили разумно, медитативно; вы жили, исходя из безмолвия, а не из беспокойства, тревоги и мыслей.

Человек становится полным, только если в момент смерти он такой же, каким родился, если он снова ребенок – второе детство.

Итак, когда мастер спросил Дого: “*Откуда берется огонь?*”, этот огонь был просто предложением. Он спрашивал: “Откуда приходят все вещи, и куда они уходят?”

Но Дого снова упустил. Вместо того чтобы ответить на вопрос, Дого сказал:

– Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, задзену или лежанию.

Исан оборвал разговор и ушел.

Дого закрыл все двери. Он говорит: “Ты должен спросить меня о чем-нибудь, не связанном с задзен, – это интенсивная медитация, – с ходячей медитацией или лежачей медитацией”.

Будда использовал все действия в жизни как возможность для медитации. Когда вы ходите, вы должны ходить медитативно, полностью осознавая каждый шаг. Когда вы лежите, вы должны лежать осознанно, а не просто по старой привычке. А задзен – это интенсивное и настойчивое качество медитативности.

Дого говорит своему мастеру, который спросил: “*Откуда берется огонь?*”... Он не ответил на вопрос, потому что этот вопрос подразумевает медитацию. Только в медитации вы можете узнать, что все приходит из одного источника и возвращается в ту же вечность. Ничто не умирает, ничто не рождается; все есть, только формы продолжают меняться. То, что когда-то было деревом, теперь – огонь; то, что сейчас является огнем, скоро будет дымом.

Таковы пути исчезновения в окончательной реальности. Огонь был скрытым – он так долго скрывался в дереве. Теперь он расцвел – так же, как расцветают цветы; он вышел из тюрьмы. Короткий танец, немного радостной жизни – и огонь превратится в дым. У дыма тоже будет короткая радостная жизнь, и постепенно он исчезнет в вечности. Подразумевается медитативный опыт.

Вместо того чтобы ответить – потому что только медитирующий может ответить, откуда берется огонь... Если вы не знаете собственного центра, как вы можете ответить, откуда берется огонь? Ваша жизнь – огонь; и куда она, в конце концов, уходит? Исчезает ли она во внешнем мире, или вновь возвращается в изначальное состояние? Только медитирующий познал тайны внутренней жизни. Она то дремлет в центре, то выходит на периферию – а, устав, снова возвращается в центр.

Одним из величайших людей в истории был Патанджали: он один создал целую науку йоги. Очень трудно создать целую науку в одиночку. Прошло пять тысяч лет, но в ней не прибавилось ни единого слова – настолько она полна – и также не убавилось ни единого слова. Эта система настолько закончена сама по себе – в том, что касается йоги, превзойти Патанджали совершенно невозможно.

Но только люди, которые пойдут глубоко в себя, узнают, что и источник, и цель содержатся в одном и том же центре внутри них. Все приходит из одного центра вселенной и, в конце концов, возвращается в тот же центр.

Но вместо того, чтобы ответить на вопрос – возможно, он не мог на него ответить, – он, напротив, закрывает все двери. Он говорит: “*Лучше бы ты спросил меня о чем-нибудь, что не имеет отношения к ходьбе, – потому что в дзенских монастырях есть специальное место для ходячей медитации, – задзену, – сидячей медитации, – или лежанию.*”

Это три медитации, которые выполняют все медитирующие на пути дзен. Он говорит: “Оставь их и спроси что-нибудь другое”.

Дзен не интересуется ничто другое. На самом деле, бывали случаи, когда к мастеру приходил новый ученик... мастер почти всегда спрашивает: "Откуда ты идешь?"

Подлинный искатель скажет: "Не знаю. Я пришел к тебе, чтобы выяснить, откуда я иду". Такой ученик будет немедленно принят.

Но если вместо этого он говорит: "Из такого-то города, из такой-то деревни..." – тогда мастер спрашивает: "Сколько стоит рис в этой деревне?"

И этот человек начинает рассказывать о ценах, не зная, что мастер пытается выяснить, есть ли у него способность медитировать, из той ли материи он сделан, чтобы стать медитирующим.

Один суфийский мистик, Баязид, в первый раз пришел к своему мастеру. Мастер был в мечети. Баязид вошел туда – он был совсем один; но мастер тут же сказал:

– Оставь толпу снаружи! Заходи один, здесь не место толпе.

Баязид посмотрел по сторонам и спросил:

– Какая толпа? Здесь никого нет, кроме меня.

Мастер сказал:

– Не смотри по сторонам, смотри внутрь. Ты привел целую толпу – всех друзей, которых ты оставил, свою жену, детей, родителей. Все они попрощались с тобой на границе деревни – но они по-прежнему в твоём уме. Я говорю об *этой* толпе. Выйди и не входи сюда, пока эта толпа не уйдет.

Баязиду потребовался год. Он сидел снаружи, наблюдая свой ум, в ожидании момента, когда ум станет пустым. Как только он обнаружил: "Теперь толпа ушла", он вошел в мечеть.

Мастер обнял его и сказал:

– Мои руки слишком малы, я не могу обнять целую толпу. Теперь ты пришел один, и что-то возможно.

Однажды Ишу попросил Исана сочинить для него гату.

"Гата" – это стихотворение. Вообще-то, это неправильная просьба; сочинить гату просят, когда мастер умирает. Ученики просят, на память: "Напиши маленькое стихотворение. Твое последнее слово, написанное твоей рукой, будет для нас величайшим сокровищем". Это последнее слово называется "гата".

Однажды Ишу попросил Исана сочинить для него гату. Это глупая просьба, потому что Исан не собирался умирать.

Исан ответил: "Глупо сочинять, когда стоишь лицом к лицу. Я стою перед тобой – читай меня, читай мое сердце. Гата пишется, когда мастер умирает, потому что больше он не будет доступен. Как глупо просить о такой вещи, когда мы стоим лицом к лицу. Чувствуй мое присутствие. И, в любом случае – писать на бумаге!.."

Исан говорит: "Во-первых, когда я здесь, глупо не радоваться моему присутствию, не быть экстатичным и не опьянеть от моего присутствия. А во-вторых, *в любом случае, – писать на бумаге!*.. Какая в этом может быть ценность? Если ты не можешь понять живого мастера и его слова – что ты будешь делать с этой мертвой бумагой и мертвыми чернилами?"

Поэтому Ишу пошел к Кёдзану, ученику Исана, и повторил свою просьбу. В ответ Кёдзан нарисовал на бумаге круг, а рядом написал примечание...

Это примечание прекрасно. Он не составил гату, он ответил другим, уникальным способом, в своей собственной манере.

Он не сочинил стихотворение; напротив, он *нарисовал на бумаге круг, а рядом написал примечание, в котором говорилось: "Думать, затем знать – это второй сорт. Не думать и знать – это третий сорт"*.

Но Ишу не спросил его: "А что такое первый сорт?"

Первый сорт – это просто знать; вопрос не в том, думать или не думать... просто знать.

В тот момент, когда вы входите в глубокую медитацию, вы проходите через много вещей: думающий ум, чувствующее сердце. Вы вступаете в пространство, где все пусто, где остался только свидетель. Это свидетельствование – единственное подлинное знание; это – первый сорт.

Но Ишу продолжает упускать. Во всех этих сутрах он не сделал ни одного шага в глубину тайны жизни, хотя ему были открыты все возможности.

Сосеки написал:

Не спрашивай, почему сосны

На краю сада

Согнулись и искривились.

Прямизна,

С которой они родились,

Как раз внутри них.

Очень важное утверждение. Вы видите дерево – сосну или любое другое дерево, которое по какой-то причине не растет прямо. Быть может, обстоятельства не позволили ему быть прямым; быть может, садовник не хотел, чтобы оно было прямым; но в сокровеннейшем существе дерева по-прежнему остается возможность прямизны.

Все эти стихи – о вас. Каким бы ни был символ – огонь, или сонна... эти символы не важны; они просто дают вам указание.

*Не спрашивай, почему сосны
На краю сада
Согнулись и искривились.
Прямизна,
С которой они родились,
Как раз внутри них.*

Точно так же в случае с каждым из вас. Чем бы вы ни стали, как бы далеко ни ушли от своего естественного потенциала, это не имеет значения. Ваш будда остается внутри вас. Ваша прямизна остается внутри вас. Вы можете вернуться домой в любой момент, когда решите – тотально и предельно настойчиво. Ничто не может вам помешать.

Маниша спросила:

*Наш возлюбленный Мастер,
Вчера вечером я впервые поняла, что ум не обязательно враждебен медитации. Приложимо ли то, что Ты говорил о приятии умом просветления, также к его приятию до просветления, к примеру, свидетельствования? Может ли ум допустить, что свидетельствование часто гораздо полезнее мышления, и просто устраняться в такие моменты, не раздражаясь?*

Маниша, это невозможно. Сначала должно быть просветление. Как опыт, ум может понять это, и, увидев его изящество в действии, может с ним подружиться. Но до просветления ум может только верить, он не может стать другом.

Ум может только верить, что просветление существует. Возможно, самое большее, вера – но вера бесполезна. Ум должен испы-

тать просветление в действии – не как веру, а как деятельность. И то же самое со свидетельствованием: ум будет всегда против свидетельствования, потому что оно прекращает долгое наследие мышления. Ум знаком с мышлением; свидетельствование может стать, самое большее, мыслью, но не действительностью.

Чтобы стать свидетелем, вы должны отстранить ум; и он, несомненно, будет сопротивляться. Кому хочется, чтобы его отстраняли? – и особенно там, где ум многие века был хозяином. А вы хотите отодвинуть его в сторону ради чего-то, чего вы не знаете? Ум не позволит вам долго оставаться свидетелем.

Вы можете провести небольшой эксперимент. Поставьте перед собой часы и начните смотреть на секундную стрелку, наблюдая и свидетельствуя. Вы будете удивлены: не прошло и пятнадцати секунд, а вы забыли, что свидетельствуете. Пришли какие-то другие мысли. Через несколько секунд вы проснетесь: “Боже мой, прошло всего пятнадцать секунд!” Даже шестьдесят секунд – минуту – вы не можете устоять в свидетельствовании. Сила и поток ума слишком велики.

Вот почему искусный мастер создает необычные средства, чтобы устранить ум, не делая его врагом – потому что рано или поздно, когда вы станете просветленным, тот же самый ум будет нужен в качестве друга. Это очень полезный механизм. Но в начале ум будет сопротивляться любой попытке устранить его.

Медитация есть не что иное, как отстранение ума – ум отодвигается с дороги – и принесение свидетельствования, которое всегда было здесь, но закрывалось умом. Это свидетельствование достигнет вашего центра – и, когда вы стали просветленным, проблемы нет. Тогда приведите ум в гармонию с собой. Это – великое искусство. Сначала вы должны отстранить ум, затем – снова вернуть его, но теперь он приходит как раб. Прежде он был хозяином – поэтому, если вы пытаетесь сделать это до просветления, он будет всячески раздражаться. Это не нужно, потому что вспышки раздражения будут мешать вашему прогрессу в свидетельствовании. Не создавайте себе врага.

Начните тихо свидетельствовать, без прямой атаки ума. Вы должны быть очень внимательны, чтобы достичь центра. Ум будет всячески пытаться заманить вас во всемирный тур. Он будет завлекать, убеждать вас, давать красивые обещания: “Куда ты идешь? Что там, внутри? Друг ждет тебя снаружи, у ворот, а ты идешь внутрь. В

“Голубом алмазе” вечеринка – а кто когда-нибудь слышал о вечеринке внутри?”

Ум будет создавать множество разных вещей, но вы должны очень любовно и бережно отодвинуть его в сторону. Запомните мои слова: любовно и бережно. Не обижайте ум, потому что после просветления он будет очень полезен. До просветления это – ваше препятствие; после просветления это чрезвычайно сложный механизм, который можно использовать во всем. Теперь он больше не враг. Просто нужно разбудить хозяина; и когда ум видит невероятный свет внутри вас, он спонтанно настраивается. Нет никакого вопроса о борьбе. Но до просветления ум будет сражаться как угодно, если вы захотите отодвинуть его в сторону. Это простая психология.

Гурджиев говорил, что в классе, откуда вышел учитель, начинается разруха. Дети кричат, прыгают, дерутся, делают все то, что хотят делать всегда, но из-за учителя... А когда входит учитель, все сидят на своих местах, уткнувшись в книжки. Это не значит, что они читают; они просто делают вид, что заняты делом. Стоит тишина.

Гурджиев обычно говорил, что нечто подобное происходит, когда вы становитесь просветленным. Входит учитель; и ум, видя хозяина, внезапно осознает свое место. Он побежден этим великолепием. В этот момент вы можете подружиться с умом; он будет безмерно счастлив сослужить любую службу для вечности, которую вы принесли с собой. Но не пытайтесь сделать это до просветления – тогда ум будет создавать вам ненужные проблемы. Чем больше вы будете бороться с умом, тем больше будете заняты им – вместо того, чтобы становиться свидетелем.

Свидетельствование – это просто выскальзывание из ума: очень изящный путь, потому что в тот момент, когда вы начинаете свидетельствовать сам процесс мышления, вы ускользаете из него без всякой борьбы. Вы просто наблюдаете караван мыслей внутри себя. Вы – больше не его часть; вы стоите в стороне, на обочине, а движение продолжается. Вы не в воинственном настроении; вы даже не судите. Вы не говорите: “Это хорошо, а это плохо”. Что бы ни проходило мимо, вся ваша работа – просто смотреть. Вскоре это безмолвное смотрение... и ум – в стороне.

Именно свидетельствование приведет вас к просветлению. После просветления умом можно пользоваться, он может быть необычайно полезен и важен. Это – величайшая биологическая эволюция. Его нельзя выбрасывать в мусорную корзину; его нужно использовать. Но сначала найдите хозяина, который может его использовать.

Сейчас ум использует вас. Каждый человек – раб ума, пока он не стал просветленным. Потом просветление – это вы, а ум становится вашим рабом.

Время Сардара Гурудаяла Сингха. Я раскрыл секрет его радужного тюрбана: Сардар туго обматывает им голову, иначе было бы очень трудно терпеть так долго. И, к тому же, он очень умен: когда все начинают выбрасывать всевозможный джиббериш, этот тюрбан защищает от него.

В полночь у фермера Маффина загорелся сарай; к утру он сгорел дотла. На следующий день приезжает страховой агент, чтобы оценить ущерб.

– Политика нашей компании, – объясняет он, – такова: лучше построить новый сарай – такого же размера и из тех же материалов, – чем возмещать убытки.

– Ну, если ваша компания так ведет свои дела, – фыркает фермер, – можете расторгнуть договор о страховании моей жены!

Герман Хампский собирается жениться на Хильде, подруге детства, но очень волнуется, потому что представления не имеет, что делать в первую брачную ночь.

Он признается в этом своему опытному другу Ковальскому. Ковальский задумывается на минуту, затем ему в голову приходит идея.

– Слушай, – говорит Ковальский, – все в порядке. Я сниму в отеле номер рядом с твоим, и, когда придет время идти в постель, ты незаметно проберешься в ванную, а я через стену все тебе расскажу.

– Прекрасная мысль! – с облегчением говорит Герман, и два приятеля идут в отель заказывать номера.

Свадьба проходит великолепно. Хильда, невеста, сама подает свадебный торт, умудрившись при этом съесть огромный кусок.

Позже, когда молодая чета готовится идти в постель, Герман крадется в ванную, запирает дверь и стучит в стену. Кричать через стену очень трудно, поэтому инструктаж длится очень долго.

Тем временем, Хильда в спальне умирает от желания освободиться от невероятной порции торта, которую она съела. Она ломится в ванную, но Герман ее не пускает. В конце концов, отчаявшись, она облегчается в обувную коробку и оставляет ее под дверью ванной.

Получив от Ковальского все инструкции, Герман распахивает дверь и, естественно, шагает прямо в коробку.

– Черт! – кричит он. – Здесь полно дерьма!

За стеной раздается голос Ковальского:

– Идиот! Поверни ее!

Папа-поляк приходит в ужас, когда узнает, какое огромное количество римских католических священников заразилось СПИДом. Понимая всю безнадежность попытки спасти и сохранить христианство, он все же издает эдикт. В нем говорится, что все его кардиналы, епископы и священники немедленно должны жениться – на женщинах.

Все идет прекрасно, повсюду готовятся необычные и торжественные свадьбы. Конечно, самая грандиозная из них – это свадьба Папы-поляка и сестры Сьюзи в Риме.

Ватикан забит священниками и политиками, которые готовятся к этому великому событию. Папа-поляк в своих апартаментах облачается в лучшее папское одеяние. Ему помогает его лучший друг, Рональд Рейган.

– Вы уверены, что справитесь с семейной жизнью? – спрашивает Рейган.

– Это должно быть просто, Ронни, – отвечает Папа-поляк, любясь на себя в зеркале.

– Да, но вы всю жизнь прожили монахом, не так ли? – говорит Рейган. – Вы уверены, что ваш механизм будет работать?

– Ах, не волнуйтесь! – доверительно отвечает папа. – Прошлой ночью я испытывал его своими руками. А теперь, – добавляет он, перекрестившись, – он в руках Божиих!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны.

Закройте глаза

и почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь вы готовы пойти внутрь во всем своем сознании, со всей своей жизненной энергией. Двигайтесь к центру своего существа. Оттуда вы пришли, и туда все возвращается.

Глубже и глубже... чем глубже вы идете, тем более благоухающим становится воздух. Чем глубже вы идете... внезапно цветы начинают осыпать вас дождем.

В глубочайшей точке вы – будда.

Будда просто означает свидетельство, чистое свидетельство.

Просто свидетельствуйте: вот тело, вот ум, но вы – ни то, ни другое.

Вы – особая сила, которая исходит из центра, а этот центр соединен с вечностью. Он не знает ни рождения, ни смерти. Этот будда – ваш высший потенциал, Эверест сознания.

Безмерно великолепие этого мгновения.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь и продолжайте свидетельствовать.

Свидетельствование – единственное в вас, что вечно.

Все остальное – временно; только свидетельство – ваша реальность, самая ваша душа.

Я называю это буддой, потому что это – великое пробуждение.

В этот момент Аудитория Будды стала озером сознания без всякой ряби. Какая радость – соединиться с космосом; какая радость для капли росы – исчезнуть в океане.

Этот вечер сам по себе был красив, но ваше присутствие и ваш невероятный эксперимент сделали его в тысячу раз красивее, изящ-

нее. Все существование радуется, потому что вы достигли центра своего существа.

Соберите весь аромат, который можете собрать.

Помните: в любой момент, когда вы становитесь свидетелем, вы – будда. Возьмите будду с собой.

Скоро Ниведано позовет вас назад. Пока этого не случилось, соберите как можно больше сокровищ и убедите будду пойти с вами. Это ваше сокровеннейшее ядро, это не нечто отдельное. Это было скрыто внутри. Теперь вы должны вынести это на периферию, в свою обычную жизнь.

Если мы сможем создать в мире большое число будд, мы сумеем совершить великую трансформацию.

Больше любви, больше песен, больше праздников...

Ниведано...

Вернитесь, но с изяществом будды – тихо, безмятежно. Посидите несколько мгновений, собирая этот опыт.

С каждым днем вы становитесь все богаче и богаче. Каждый день ваша периферия приближается к вашему центру. Каждый день вы все больше и больше приводите будду в свою повседневную жизнь.

Я против отречения. Я хочу, чтобы будды были здесь, в мире, делая всевозможные вещи. К несчастью, в прошлом будды уходили от мира. Если бы они оставались в мире, мы бы не были такими варварами. Нам были бы доступны большая человечность, большая культура и большее сознание.

Вот почему я говорю, что никто не должен оставлять мир. Мы должны преобразить его. Мы несем новый религиозный подход. Вы не должны уходить из мира; лучше идите в него глубже и изменяйте его. В это больше смелости, больше бунта, больше смысла.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

IV КАК НАСЧЕТ ТЕБЯ?

4 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Однажды Исан заметил Кёдзану:

– Все будды в самадхи входят в пылинку и поворачивают великое колесо закона.

Кёдзан спросил его:

– Как насчет тебя?

Исан ответил:

– Есть один человек; сделав его примером, мы можем получить от него нагоняй.

Кёдзан показал на бутылку с водой и сказал:

– Пожалуйста, влезь в нее.

На что Исан ответил:

– Все будды, благодаря своим оккультным силам, находятся в горлышке этой бутылки, поворачивая великое колесо закона. Ты видишь, как они делают это?

Тогда Кёдзан сказал:

– Так поворачивают его все будды. Как будешь поворачивать его ты?

Исан заметил:

– Это нельзя сделать, если мы отделены от самой вещи. – На это Кёдзан поклонился.

Маниша, прежде чем я буду обсуждать сутры, нужно понять нечто чрезвычайно важное. Дзен – это ни буддизм, ни даосизм: это гибрид. Когда великий Бодхидхарма встретил в Китае мастеров дао, из их встреч и разговоров родилось нечто новое. В нем есть аромат буддизма, но он не зависит от буддийской литературы. В нем есть также аромат дао, но он не зависит от традиции даосизма. Он независим от обоих родителей.

Поскольку все гибриды лучше своих родителей – даже философские системы, теологические направления, медитация ведут себя точно так же, как фрукты, животные, люди, – гибрид по своей природе берет от обоих родителей лучшее и оставляет все несущественное.

Дзен велик и высок потому, что он оставил все несущественное в буддизме и в даосизме, и два великих пика слились в один, еще более высокий пик, в котором от обоих остался только аромат. Однако синтез этих ароматов делает его совершенно новым явлением.

Поэтому традиционный буддист отнесется к дзен без всякого уважения. Он рассмеется и скажет: “Это просто безумие”. Традиционный даос скажет то же самое: “Это безумие. Это не относится к нашей системе”. Но это стало великой возможностью – восстать против всех традиций. Дзен – это чистое восстание.

Но, к сожалению, пути истории таковы, что даже самые мятежные люди... Гаутама Будда был великим мятежным умом; он восстал против индуизма, он восстал против джайнизма, против всего прошлого Индии. В нем было мужество и гений, чтобы сделать это.

Но есть и печальная сторона: рано или поздно Будда должен был умереть. Его слова могли попасть в руки книжников. Он не мог этому помешать – хотя его последним предупреждением было: “Не делайте из меня общественный институт. Не делайте меня традицией! Я был против традиционного пути; я не хочу сам становиться традицией, но меня не будет здесь, чтобы помешать вам. Так что вот мое последнее слово: не делайте моих статуй, не стройте храмов, не пишите писаний – чтобы я мог исчезнуть, как птичий след в синем небе. Не волнуйтесь о том, что мое исчезновение каким-то образом нарушит эволюцию человечества. Придут новые, лучшие будды, придут еще более великие революционеры. Я не хочу стоять на их пути”.

Но никто не слушал. Первое, что сделали его ученики, когда он умер – они начали собирать все, что он сказал за сорок два года непрерывных бесед – утренних, вечерних. А он никому не разрешал записывать – по той простой причине, что эти записи могут стать писанием. Но эти слова были так глубоки, что на первом же собрании – уже на второй день после смерти Будды – было решено, что все просветленные ученики должны встретиться. Их было пятьсот – это называлось первой великой встречей, – и они решили, что каждый должен рассказать о своем опыте, “чтобы мы могли как-то собрать великое сокровище, которое исчезнет, если мы не сделаем этого сейчас”.

Можно понять их заботу о будущих поколениях – что Будду нельзя потерять. Но понятно также, что, хотя они были просветленными, они не смогли согласиться с последним заявлением Будды, с его последними словами – и они даже не почувствовали, что дейст-

вуют не в согласии с ними. Итак, каждый человек, который слышал, что говорил Будда, рассказал все, что он помнил. Возникли большие проблемы, потому что кто-то говорил одно, а кто-то другой возражал, что Будда говорил нечто другое.

Вскоре выяснилось, что между ними нет согласия. Возникло тридцать две школы – тридцать две разных школы и традиции, и каждая претендовала на то, что она – верная; и все начали создавать статуи Будды, писания. Статуй Будды по количеству больше чьих-либо статуй во всем мире.

Когда арабы и персы встретили в Монголии статую Будды, это была первая статуя, которую они когда-либо видели, поэтому у них слово, символизирующее статую – *будт*. “Будт” – это форма слова “будда”; они не делали никаких различий, потому что других статуй не было – только статуи Будды, – поэтому будда стал синонимом слова “будт”, статуя. Даже сегодня в урду, персидском и арабском “будт” означает “статуя”. Оно происходит от Будды – человека, который запретил делать свои статуи.

Буддизм стал традицией; и снова кому-то, кто обладал тем же гением и величием, пришлось бунтовать против этой традиции. Это не был бунт против Будды; это был мятеж против традиционализма, ритуализма. Священники, с которыми он боролся всю свою жизнь, вернулись; книжники снова стали важными людьми.

Бодхидхарма восстал против буддийской традиции, и частью его бунта была встреча с Дао; он принес все цветы Дао и создал новый опыт. Но он, как и Будда, не осознавал одного факта. Будда говорил: “Не делайте из меня традицию”, но традиция *была* создана. Бодхидхарма восстал против этой традиции, но он не понимал, что попадет в ту же ловушку человеческого ума. Он сам стал традицией.

Вскоре Ма Цзы осознал эту печальную историю – что Бодхидхарма, человек огня, сжигающий все писания, разрушающий все веры... Ма Цзы был человеком того же калибра. Бунтовать нелегко. Для этого нужны огромные внутренние ресурсы; иначе вы станете поверхностным, в ваших словах не будет традиционной глубины. Традиция дает определенную глубину, богатство, отточенность. Одному индивидууму, если он противопоставляет себя всем традициям, необходимо быть великим гением, обладать огромным творческим потенциалом.

Ма Цзы восстал против традиционализма, который вырос после Бодхидхармы. Он принес совершенно новые идеи, новые средства – палку, крик. Никто до него не слышал о том, что можно пробудить

человека, крикнув в нужный момент; то, что удар палкой может стать наградой, было великим вкладом в человеческое сознание.

В руках Ма Цзы дзен снова стал свежим – таким, каким его хотел видеть Будда. Через тысячу лет Будда полюбил бы Бодхидхарму и Ма Цзы, людей, которые восстали. Мятежный дух любит само творчество, которое бунт привносит в любое действие, мысль, медитацию, искусство, музыку. Но Ма Цзы вновь... по-видимому, так и должно быть, таков порядок вещей: каждый мятежник тоже становится традицией.

Исан тоже хотел восстать против Ма Цзы. Это было восстание не против самого Ма Цзы, а против Ма Цзы, созданного традицией. Странный феномен: Исан любил Ма Цзы так же, как Будду и Бодхидхарму, но он не мог смириться с ритуалами, которые выросли позже, когда они умерли.

Но Исан не был великим гением. Он не мог сравниться с Ма Цзы или Бодхидхармой. Он был очень вежлив, и его вежливость делала бунт совершенно невозможным. Нельзя быть вежливым революционером; вы должны быть иконоборцем и больно бить по мертвой традиции. Вежливость сделает вас уважаемым человеком, а не революционером. Именно это и случилось – к сожалению: Исан стал уважаемым мастером. Поскольку он стал уважаемым, он потерял величие революционера.

Когда человек становится уважаемым, он не может сказать ничего против массового ума. Если он скажет что-то революционное, коллективное бессознательное будет задето; любая революционность отнимет у вас уважение.

Он был очень уважаемым человеком и поддерживал это уважение. Поэтому он и потерял красоту бунта. Это демонстрируют его сутры: в них нет величия или глубины; они вполне хороши, но очень прохладны. Только потому, что Исан хотел бороться с ритуалами, которые возникли после Ма Цзы, он перестал кричать и бить учеников – но он ничего не мог предложить взамен. Поэтому он, в некотором смысле, стал очень беден. Его смирение было велико, его простота была велика, но он не мог принести человеческому сознанию ничего нового и значительного.

Вы должны это запомнить: уважение и бунт несовместимы. Если вам нужно уважение, вы должны соответствовать обществу – а общество состоит из слепых. Даже если у вас есть глаза, вы должны ходить как слепой, вы должны держать глаза закрытыми. Если вы хотите уважения от слепых... они могут уважать только слепого.

Зрячий не принадлежит массе, он кажется чужаком. Исану не хватило мужества быть чужаком.

Те, кто жил жизнью чужака, сталкиваются со странными вещами, с которыми люди в обычной жизни не сталкиваются. На днях я получил письмо от саньясина, который был на встрече джайнов, которые как-то вечером тоже пригласили к себе выдающихся поэтов страны. Там был один из величайших поэтов современной Индии, Нирадж – он был здесь, так что вы с ним знакомы. Его освистали и заставили покинуть сцену; и причина была в том, что он упомянул мое имя. Перед тем как начать читать стихи, он представился и сказал: “Все мои стихи принадлежат Раджнишу. Он – источник моего вдохновения”.

Тысячи других поэтов и писателей продолжают повторять мои слова, но им не хватает мужества ясно сказать людям, откуда приходит к ним вдохновение. Явный страх перед толпой! Но Нирадж – человек, обладающий всеми качествами льва. Он сказал: “Даже если вы кричите, неважно. Это хулиганство ничего не меняет”. Он ушел со сцены со словами: “Да здравствует Раджниш!”

Люди боятся приходить сюда, и причина понятна: если кто-нибудь узнает, что они были здесь... значит, они тем или иным образом связаны со мной. Многие люди хотят быть здесь, но не имеют мужества столкнуться с массами. Даже для того, чтобы прийти послушать меня, нужна смелость! Ни от кого не требуется соглашаться со мной; они могут быть не согласны – но они не могут прийти послушать меня даже для того, чтобы не согласиться. Они читают мои книги, пряча их под обложками других, потому что, если кто-нибудь узнает, что они читают мои книги, их репутация под угрозой.

Один из министров Гуджарата приходил сюда – до того как стал министром. После этого он перестал приходить; и не просто перестал, он сказал моему секретарю: “Вы не должны приходить ко мне в Гуджарат ни под каким предлогом, потому что я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал, что я находился под влиянием Раджниша, что я был как-то связан с ним”.

Потом он потерпел поражение и снова начал приходить сюда. Когда вы проиграли, вам не нужно бояться: люди и так не расположены к вам. Он пришел сюда несколько месяцев назад. Я сказал своему секретарю: “Я все равно ни на кого не смотрю – а на этого человека я не буду смотреть специально; он настолько труслив, что, придя к власти, известил: следует держать в тайне, что он был моим

последователем, бывал в моих лагерях. Я не люблю подобных трусливо-робких людей”.

Он понял, что это правильно. Теперь он снова стал министром, и я сказал одному из своих саньясинов: “Спроси его: хочет ли он увидеть меня?” Он сказал: “Не называйте его имени – по крайней мере, пока я у власти!”

Чтобы быть мятежником, вы должны жить как чужой среди своего народа. У Исана была возможность стать мятежником – и тогда в его изречениях, возможно, появилась бы некая глубина. Некое новое качество, новое измерение, новые цветы могли бы расцвести в его историях. Но, чтобы сохранить уважение, он держал свой мятежный дух под спудом. Изредка что-то выходит наружу; в остальных случаях он – пример бунтовщика, подавившего свой бунт.

Небольшая биографическая справка:

Наиболее выдающимся учеником Исана был Кёдзан, также известный как Янь-шан.

Вам будет интересно, почему у всех этих мастеров два имени. Причина – Китай и Япония: одно имя – китайское, второе – японское.

Мастер и ученик создали новую секта, известную как школа Куэй-янь.

Исан очень старался восстать против Ма Цзы, поэтому учитель и ученик – Исан и Кёдзан – основали новую секту; она называется Куэй-янь.

Ее характеризовало различие, сделанное между медитативным дзенем, основанном на Ланкаватара-сутре, и мгновенным дзенем, который полностью отделился от этой сутры.

Ланкаватара-сутра – одна из самых глубоких книг в мире. В ней содержится самое существо Будды, и поэтому ее почитают и любят во всех буддийских странах. Китай, Япония, Шри Ланка, Бирма, Тибет, Тайвань, Корея – весь Дальний Восток любит Ланкаватара-сутру. Она необычайно красива. Она не похожа на другие религиозные книги; в ней есть великая поэзия, это настоящее произведение искусства.

Эта новая секта, основанная Исаном и его главным учеником Кёдзаном, была против Ланкаватара-сутры. Это была трудная задача. Я не думаю, что Исан или Кёдзан могли справиться с ней. Безусловно, Ма Цзы мог бы это сделать. Они не обладали достаточным гением; и все же то, что они делали, было хорошо. Любой бунт хорош, даже если он маленький.

Ланкаватара-сутра проповедует основы постепенного просветления, которое кажется более рациональным, практичным, понятным – вы движетесь шаг за шагом и дисциплинируете себя, а когда настанет время и вы придете к точке, где возможно просветление, оно случится. Но это не мгновенное явление; это не быстрорастворимый кофе. Вы должны подготовиться, чтобы принять его, и эта подготовка может занять годы. Чтобы стать сосудом для просветления, вам может понадобиться двадцать, тридцать лет.

Это была логичная система, поэтому никто никогда не выступал против Ланкаватара-сутры. Даже такие люди, как Ма Цзы и Бодхидхарма, не упоминали ее. Они просто обходили ее. Они делали то, что хотели – и это было против Ланкаватара-сутры, – но не упоминали о ней, потому что тоже любили ее. Ее красота так глубока, что это все равно, что идти против самого себя. Поэтому они не упоминали о ней, они просто обходили ее стороной, потому что проповедовали мгновенный дзен. Они противоречили самой основе Ланкаватара-сутры, но они были способны... Бодхидхарма и Ма Цзы – эти двое действительно были способны дать новое озарение: отбросить старую идею постепенности и принести новую идею мгновенного дзена.

Она подразумевает нечто очень важное. Как только вы отбрасываете постепенный дзен, всякая дисциплина, все ритуалы, поклонение становятся бесполезными. Единственное, что остается важным – это медитация, важно оставаться свидетелем в настоящем. Я согласен с ними больше, чем с Ланкаватара-сутрой.

Именно это пытался сделать Исан – но ему не доставало гения, чтобы высказать нечто великое и глубокое, что могло бы сравниться с Ланкаватара-сутрой. Так что он был в трудном положении.

Школа, появившаяся благодаря работе Исана и Кёдзана, была попыткой оформить негативную позицию Ма Цзы по отношению к сутрам.

Ма Цзы отрицательно относился к этой сутре, но Ма Цзы мог создать нечто взамен – потому что вы не можете вырвать из рук людей то, что дает им утешение. Вы должны чем-то заменить это, иначе ваша работа разрушительна, а не конструктивна; и Бодхидхарма, и Ма Цзы оба могли это сделать.

У Бодхидхармы были свои методы, которых не было в Ланкаватара-сутре. Ма Цзы пошел еще дальше: еще никто не слышал о крике и палке. Его достижение было совершенно новым: просветление возможно, если мастер ударит вас или крикнет на вас в нужный момент; его крик приводит ваше сознание в глубочайший центр вашего существа. То, что медитация делает очень постепенно – хороший крик мастера, неожиданно, в ситуации, когда ученик задает какой-то вопрос, а мастер прыгает и кричит, или бьет его, или вышвыривает за дверь, или прыгает на него... Таких методов никогда не было. Это был творческий гений Ма Цзы в чистом виде; и Ма Цзы многих людей сделал просветленными.

Иногда это выглядело очень смешно: он выбрасывал человека из окна двухэтажного дома – а этот человек пришел спросить, на что медитировать. И Ма Цзы не просто выбрасывал его, он прыгал за ним, падал на него, садился ему на грудь и говорил: “Получил?!”

И бедняга отвечал: “Да”, – потому что, если вы скажете “нет”, он может побить вас или сделать еще что-нибудь. Достаточно этого – все переломано, а Ма Цзы, сидя на его груди, говорит: “Получил?!”

И он на самом деле получил, потому что это было так неожиданно, как гром среди ясного неба... он не мог даже представить. Он слышал, что Ма Цзы бьет людей, кричит на них, но он никогда не слышал, что мастер бросает их со второго этажа. У него множественные переломы... а потом Ма Цзы прыгает на него и сидит у него на груди. В этот момент он в таком абсолютном шоке, что ум перестает действовать – ради этого все и делалось. И, поскольку ум перестал работать, и Ма Цзы сидит на его груди, смотря ему в глаза... великое безмолвие, то самое блаженство, которое исходит из медитации. Какой странный способ!

...негативную позицию Ма Цзы по отношению к сутрам.

Ма Цзы сжигал сутры. У буддистов больше писаний, чем в любой другой религии, потому что каждая из тридцати двух школ имеет свои писания, комментарии и комментарии на комментарии; это

целый, особый мир литературы. Он сжигал сутры, но он предлагал нечто взамен.

Исан хотел быть вторым Ма Цзы – но в нем не было мужества этого человека. Выбросить человека из окна непросто; и этот человек говорит: “Как насчет моих переломов?” – а Ма Цзы отвечает: “Забудь о них! Однажды ты должен умереть. Ты умер сегодня. И есть всего лишь семь дней для выбора – не так уж много. Но ты получил это, и это – самое важное”.

В состоянии такого крайнего шока человек просто идет к центру. Такое случается во время шока. Иногда это происходило чисто случайно: ваша машина опрокидывается на дороге и летит в низину, переворачиваясь несколько раз. Несомненно, ваш ум перестанет действовать; и если вы понимаете дзен, это – великая возможность, потому что вы будете в центре. Смерть возможна, но, если вы знаете что-то о дзен, с вами этого не произойдет. Это может случиться только с вашим телом; ваше сознание расправит крылья и полетит к свободе.

Дзен нужно сделать доступным каждому человеку в мире, потому что никто не знает... каждый день происходят тысячи несчастных случаев, но, поскольку вы не знаете, как их использовать, вы упускаете великую возможность. Вы просто получаете множественные переломы и несколько месяцев лежите в больнице – а этот случай мог сделать вас буддой.

Я всегда думаю, что, если бы Ма Цзы жил сейчас, он мог бы намеренно столкнуть машину с утеса и отправить вас катиться вниз – при этом он побежал бы за вами, вытащил вас из-под обломков и первым делом спросил: “Получил?!”

Но Исан не был... поскольку он был заинтересован в уважении. Ма Цзы отбросил мысль об уважении. Людей, подобных Ма Цзы, нисколько не волнует, что думает о них мир. Мир считает их сумасшедшими – ну и что? Они говорят: “Мы считаем, что мир сумасшедший!”

В этом смысле мы все одинаковы: мир считает нас безумцами, а мы считаем, что безумен мир. Решающий фактор – то, что наше безумие блаженно, экстатично и разумно, а их сумасшествие – просто отсталость, несчастье, страдание. А если безумны и те и другие, вы тем более должны выбирать наше безумие. Ваше безумие – просто страдание, трагедия, которую вы проносите от колыбели до могилы, от одной смерти до другого рождения, а потом до следующей смерти. Это называется колесом рождения и смерти.

Сутра:

Однажды Исан заметил Кёдзану:

– Все будды в самадхи входят в пылинку и поворачивают великое колесо закона.

Это мифологическое колесо, которое все время вращается, а вы продолжаете цепляться за какую-нибудь спицу этого колеса. Вновь и вновь происходит одно и то же: рождение, брак, бизнес, страдание, смерть – и снова рождение. Но кто двигает это колесо? – вот вопрос, который задает Кёдзан.

– Все будды в самадхи входят в пылинку и поворачивают великое колесо закона.

Кёдзан спросил его:

– Как насчет тебя?

Именно здесь он показывает свою мягкость, терпеливость, смирение. Это мифология – ни один будда не превращается в пылинку, ни один будда не поворачивает колесо; на самом деле, каждый будда пытается снять вас с этого колеса. Каждый будда работает, чтобы избавить вас от этого колеса рождения и смерти. Вы умирали и рождались столько раз – это повторялось, и вы снова и снова делали то же самое. Вы не обрели ничего универсального, бессмертного; вы – просто актер в этой драме. Занавес поднимается и падает, и все это длится и длится.

Очень хорошо, что вы не помните свои прошлые жизни, иначе вы немедленно сойдете с ума: вы столько раз делали одно и то же; вы не поверите, что вы – такой идиот, такой древний идиот, что вы делали все это веками, столько рождений – одно и то же, ничего не изменилось, вы совершенно ничему не научились.

Задача будды – помочь вам вырваться из этого порочного круга.

Так что этот вопрос, прежде всего, был неверным; но Исан, который всегда старался быть смиренным и вежливым, не скажет этого. Если бы этот вопрос задали Ма Цзы, он бы так ударил этого человека, что тот больше никогда не задавал бы никаких вопросов. Ма Цзы неоднократно заявлял: “Неважно, что вы говорите – вы все равно получите удар. Не думайте, что я бью вас потому, что вы говорите что-то не то! Я бью вас потому, что вы говорите что-то – а я хочу, чтобы вы достигли точки, где ничего сказать нельзя”.

Так что, сказали вы что-то правильное или неправильное – это не имеет значения; все это поверхностно. Удар неизбежен. И как это будет? Это спонтанно. Никто не знает: вышвырнет он вас, или ударит ногой в грудь, и у него была такая большая палка... И он, возможно, действительно был самым необычным человеком в мире; он ходил, как корова, на четырех конечностях, и смотрел, как тигр. Его глаза горели, как у тигра, а его поведение – он всю жизнь ходил, как корова... Он никогда не ходил, как человек; это было ниже его достоинства. Он был очень сильным человеком, и от него можно было ожидать чего угодно – всего! Вы никогда не знали, что он сделает. И все же этого человека очень любили.

Если бы этот вопрос задали Ма Цзы, множественные переломы были бы вам обеспечены, потому что вопрос крайне безоснователен.

Но Исан – смиренный человек. Поэтому, когда Кёдзан спросил его: “Как насчет тебя? Ты тоже будда. Ты превратился в пылинку? И помогаешь ли ты вращать вечное колесо дхармы?” –

Исан ответил:

– Есть один человек; сделав его примером, мы можем получить от него нагоняй.

Он уходит от вопроса: “Как насчет тебя?”. Для того чтобы сказать: “Да, я тоже будда”, нужно больше смирения, чем у Исана. Объявить себя буддой – не декларация эго, потому что отсутствие эго – неотъемлемая часть будды. Когда вы говорите: “Я – будда”, вы говорите: “Меня больше нет”. Это просто другой способ сказать, что вас не существует – только чистая осознанность, свидетельствование.

Кёдзан показал на бутылку с водой и сказал:

– Пожалуйста, влезь в нее.

“Если ты будда и можешь стать пылинкой, то – вот бутылка: влезь в нее.”

На что Исан ответил:

– Все будды, благодаря своим оккультным силам, находятся в горлышке этой бутылки, поворачивая великое колесо закона. Ты видишь, как они делают это?

Теперь то, что он говорит, вообще неуместно. Вместо того чтобы ясно сказать: “Твой вопрос абсолютно абсурден”, вместо того, чтобы сказать: “Да, я тоже будда, но ни один будда не поворачивает колесо; каждый будда старается остановить колесо жизни, чтобы все люди могли стать бессмертными – без всякого рождения и смерти” – он запутывается все больше и больше. Только потому, что он хочет оставаться смиренным, не похожим на Бодхидхарму...

Бодхидхарма сказал Ву, императору Китая: “Ты абсолютный идиот!” Любому другому Ву отрубил бы голову; но, посмотрев на Бодхидхарму, он смог увидеть: “По сравнению с ним я – не больше, чем идиот. Он не груб; он просто говорит то, что есть на самом деле”. Это – свидетельство очень развитого ума императора. Но Исан не обладал такими качествами, поэтому он оказывается в еще более сложном положении.

Кёдзан принес бутылку и сказал: “*Пожалуйста, влезь в нее*”. Это должно стать для вас уроком: когда вы попадаете в нелепую ситуацию, остановитесь в самом начале! Чем глубже вы идете, тем труднее остановиться. Если вы сделали один шаг, вам придется сделать второй, чтобы быть последовательным – и куда это приведет? Лучше с самого начала сказать: “Это чепуха!”

Но Кёдзан был его главным учеником, и вместе с ним они создали новую школу дзен. Так что он, конечно, не мог быть груб с Кёдзаном; Кёдзан был его преемником. Исан слишком много думал о других – в этом была его ошибка, и по этой причине люди дзен в Японии полностью игнорировали его. Никто не говорит об Исане.

Это поможет вам понять: современники могут вас уважать, но в грядущих столетиях никто не вспомнит о вас. Вас полностью забудут – как имя, написанное на воде. Но о тех, кого современники осуждали, возможно, будут помнить в веках.

Мне вспомнился Сократ. Верховный судья, который огласил смертный приговор, согласно которому Сократ должен был принять яд – таков был греческий обычай, – подозвал Сократа поближе. Сократ несколько дней спорил в суде. Никто не мог его переспорить – по той простой причине, что у него самого не было никакой позиции. Он ничего не предлагал – никакого бога, которого вы можете обсуждать, о котором вы можете спорить. Он не предлагал *ничего*. Поэтому вы были в трудном положении: что бы вы ни сказали, он мог возразить. Он был великим гением спора. Он опровергал все, он приканчивал всех. Верховный судья был просто поражен.

Однако в Греции в те дни существовали только города-государства, и был совершенно другой тип демократии. Весь город имел право голосовать за любое решение; а решение о судьбе Сократа было таким важным, что собрался весь город. Против своей воли... Верховный судья понимал, что этот человек невиновен, и этот человек был славой своей страны. Но пятьдесят процентов жителей Афин хотели, чтобы он был убит. Все дело было только в двух процентах в ту или иную сторону: сорок девять процентов были за то, чтобы Сократа освободили. Но вопрос не обсуждался: решение зависело от процента голосов.

Верховный судья вынес решение – несмотря на то, что он не хотел этого делать. Прежде чем объявить его народу, который собрался, чтобы услышать приговор, он сказал Сократу:

– Лично я не хочу, чтобы тебя убили. Я хочу предложить тебе несколько возможностей. Конечно, мне придется осудить тебя, потому что пятьдесят процентов жителей города против тебя. Ты можешь уйти из Афин; там закон Афин не действует. Ты можешь жить на самой границе, чтобы люди могли встречаться с тобой.

Сократ отказался. Он сказал:

– Я не могу пойти ни в какое другое место. Если Афины, самый культурный город в Греции, не может позволить мне жить, кто тогда разрешит мне жить? Там я буду еще более чужим. Здесь я прожил всю свою жизнь. Я никому не сделал ничего плохого – и все же пятьдесят процентов жителей против меня, они хотят моей смерти. То же самое произойдет где угодно.

Судье пришлось признать, что это правда. Он сказал:

– Вторая альтернатива: ты можешь перестать учить, ты можешь принять обет молчания.

Сократ ответил:

– Это невозможно! Столько людей спотыкаются во тьме, а я знаю путь и могу показать его им. Нет, я не могу молчать, видя, как люди спотыкаются во тьме и слепоте. Мне придется говорить.

Судья сказал:

– Ты ставишь меня в безвыходное положение. Тогда остается только одно: ты должен быть готов, потому что вечером тебе дадут яд.

Сократ ответил:

– Это не такая уж большая проблема. Однажды придется умереть; возможно, мой день пришел. Я готов! Я только хочу, чтобы ты

помнил: твое имя будут вспоминать только в связи со мной; иначе никто никогда не узнал бы о твоём существовании.

И это правда. Если бы Сократа не отравили и не убили, никто не узнал бы об этом верховном судье. А Сократ, без сомнения, будет оставаться в памяти людей, пока существует род человеческий на этой планете.

Исан забыт – заслуженно, потому что он был больше занят общественным мнением, а подлинный мастер не заботится о том, что говорят люди. Он здесь не для того, чтобы с кем-то соглашаться; он здесь для того, чтобы провозглашать свою истину. Неважно, соглашаются с ним, или нет. Но вот в чем сложность: Исан понимал смирение очень неправильно. Его смирение стало компромиссом, его смирение обратилось в страх; если бы это было иначе, совершенно ясно, что он с самого начала должен был сказать Кёдзану: “О чем ты говоришь? Будды, которые превращаются в пыль? Только будды не превращаются в пыль! Они превращаются в высшее космическое сознание”.

Но, поскольку он ничего не возразил, Кёдзан спросил его: “*Как насчет тебя?*”

Будучи скромным, он не мог сказать: “Я тоже будда”. Именно здесь Кёдзан пытался направить его: “Действительно ли ты смиренный, или нет”. Но смирение не означает компромисс с ложью, оно не должно соглашаться с абсурдными гипотезами. Смирение не означает дружбу с ложью. Смирение – не овца; оно должно быть львом. Но, поскольку он пытался создать школу, отличную от Ма Цзы, он попал в трудное положение: он не мог кричать, он не мог ударить ученика, он не мог делать все то, что обычно делали мастера со времен Будды. Он хотел создать нечто новое и оригинальное, но не имел для этого способностей.

Он был простым, скромным человеком – но не очень смелым. А смирение требует большей смелости, чем что-либо другое; чтобы быть ничем, нужно больше мужества, чем для того, чтобы быть чем-то. Когда его спросили: “Как насчет тебя?”, он должен был сказать: “Я будда – и ни один будда не помогает вращаться колесу жизни и смерти, ни один будда не превращается в пыль. И то, что ты делаешь, совершенно абсурдно: только потому, что я – не Ма Цзы, я пытаюсь создать новую школу, и ты прекрасно знаешь, что я не буду кричать и бить тебя... это не значит, что ты можешь задавать нелепые вопросы. По крайней мере, я могу сказать тебе – без крика, ти-

хо, спокойно и любовно: “Не будь глупым!” Но он не смог даже этого.

Кёдзан показал на бутылку с водой и сказал:

– Пожалуйста, влезь в нее.

Вот об этом я и говорю: не соглашайтесь с глупостью, иначе у вас не будет выхода. Теперь он согласился, что будды превращаются в пыль, он согласился, что будды поворачивают колесо жизни и смерти – и Кёдзан уводит его еще дальше. Он говорит: “А теперь, пожалуйста, влезь в эту бутылку. Ты – будда”.

На что Исан ответил:

– Все будды благодаря своим оккультным силам находятся в горлышке этой бутылки.

Полная ерунда! Все будды выбрали бутылку в доме Исана и сбрались в горлышке этой бутылки, чтобы Исан не мог попасть в нее, потому что она закрыта. Стоит вам принять одну нелепость, и этому не будет конца; вам придется согласиться с еще большей нелепостью. Вы будете запутываться все больше и больше.

И что делают там все эти будды? – *поворачивают великое колесо закона*, – в бутылке! Даже я стукнул бы его как следует, а я – не насильственный человек. Он говорит: “Они поворачивают колесо закона. Ты видишь, как они делают это?”

Тогда Кёдзан сказал:

– Так поворачивают его все будды. Как будешь поворачивать его ты?

Исан заметил: “Это нельзя сделать, если мы отделены от самой вещи. Я больше не приближаюсь к этому колесу; я по-прежнему жив, я не превратился в пылинку. Вот почему я отделен от колеса и не могу поворачивать его”.

Но согласиться с самой мыслью, что будды превращаются в пыль, а потом вся их работа – поворачивать колесо жизни и смерти, – все это настолько странно и настолько противоречит духу дзен, что Исана нужно хорошенько побить. Если вы встретите его где-нибудь, сделайте это от моего имени!

Сосеки написал:

Добродетель и сострадание
Дополняют друг друга.
*То, что приходит
Через ворота снаружи,
Не может быть фамильной драгоценностью.
Отбросив всю груду хлама
В своем сердце,
С пустыми руками приходишь ты,
Принося спасение.*

Прекрасные стихи – и очень значительные.

Добродетель и сострадание
Дополняют друг друга.

Сострадание, фактически – другое название добродетели. Любой добродетельный поступок – акт сострадания. Это не разные вещи, это просто два слова, обозначающие одно качество.

*То, что приходит
Через ворота снаружи,
Не может быть фамильной драгоценностью.*

Он говорит: “Ничто из того, что приходит снаружи, не может считаться *вашим* сокровищем. Ваше сокровище всегда внутри; оно не должно приходиться снаружи”.

*Отбросив всю груду хлама
– все, что приходит снаружи –
В своем сердце,
С пустыми руками приходишь ты,
Принося спасение.*

Если вы можете отбросить все, что приходит снаружи, ваше пустое сердце, ваше пустое существо – величайшее сокровище, которое приносит вам спасение.

Именно это мы и делаем в наших медитациях. Наши медитации – концентрированный дзен. Мы пытаемся найти внутри сокровище – очень просто и радостно, очень игриво. Не нужно относиться к это-

му серьезно. Оно там – только небольшое движение внутрь, фактически – один шаг, и вы пришли домой.

Маниша задала вопрос:

Наш возлюбленный Мастер,
В эти дни, когда Ты говоришь слово “свидетель”, оно действует так же, как когда-то – слово “любовь” или “связь”. Я слушаю так, как будто это действительно пища, которая насыщает что-то витальное внутри.

Это и есть искусство мастера – разбудить голод, которого ты никогда не знал?

Да, Маниша. Вся функция мастера состоит в том, чтобы заставить вас осознать собственную жажду, собственный голод, собственные стремления, от которых вы так долго отворачивались.

Все искусство мастера – именно заставить вас жаждать, ощущать голод, чтобы вы достигли своего существа, потому что, пока вы не достигнете собственного существа, вы будете оставаться слепыми, вы останетесь во тьме. Вы будете страдать от рождения и смерти, вы будете страдать от всего, что происходит между ними.

...Вывести вас за пределы страдания, открыть для вас свободу целого неба... создать интенсивную потребность, потому что никто не знает: меня может не быть здесь завтра; вас может не быть здесь завтра. Завтра так неопределенно – если хочешь сделать что-нибудь, нужно собрать все свои силы в этом моменте.

Достижение своего центра – не что-то такое, что можно отложить. Все остальное можно отложить, но не это вхождение в центр, потому что в этом – весь смысл жизни. Это единственная цель, которая чего-то стоит. И это – ваш источник, так что, если вы сделаете интенсивное усилие, чтобы найти его, вы непременно его найдете.

Никто не может упустить бытие будды; можно только откладывать. Вы можете отложить это на завтра, на будущую жизнь – но рано или поздно, в этом веке или следующем... вы не сможете окончательно избежать контакта с собственной природой. Так почему бы не сделать это сейчас?

Но прежде чем вы сделаете это – потому что вы можете вернуться, а можете и не вернуться...

Ниведано не дает вам уйти слишком далеко. Как только он видит, что некоторые люди уходят слишком далеко, их немедленно зовут назад.

И это время прекрасно подходит для того, чтобы Сардар Гурудаял Сингх хорошенько посмеялся, потому что – кто знает? – может быть, вы еще вернетесь, чтобы посмеяться, а может быть, и нет. Так

что, прежде чем войти внутрь, посмейтесь как следует. Этот смех поможет вам быть легче; этот смех сделает вашу медитацию радостной, красивой, несерьезной игривостью.

Все религии на протяжении многих веков делали медитацию ужасно серьезной. Я считаю, что это было одним из несчастий, потому что никому не хочется быть серьезным – жизнь делает людей достаточно серьезными; и, в добавление ко всему, никто не хочет попадать в серьезные неприятности.

Но медитация несерьезна. Это одно из самых легких, мирных... танец к вашему существу.

Но, как бы там ни было, сначала – Сардар Гурудаял Сингх.

Бонзо, австралийский конный пограничник, в последний раз вешает седло на стену.

– Все, Билл, – говорит он своему старому надежному псу, – с меня хватит. Я собираюсь стать водителем грузовика.

Бонзо несколько дней учится водить машину и идет сдавать на права.

– Скажи-ка мне, – говорит инструктор, – что ты будешь делать, если перед твоим грузовиком окажется кенгуру?

– Я остановлю машину и прогоню его.

– Хорошо, – говорит инструктор. – А, предположим, ты наехал на опунцию и проколол шину – что ты будешь делать? (*Опунция – колючий кактус. Прим. пер.*)

– Возьму пару пива, съем опунцию, поменяю колесо и поеду дальше – отвечает Бонзо.

– Правильно, – говорит инструктор. – И последний вопрос: предположим, ты едешь по двухполосной трассе и видишь грузовик, который едет тебе навстречу. В это время тебя обгоняет другой грузовик, а потом ты видишь, что еще один грузовик обгоняет тот грузовик, который движется по встречной полосе. Нет никакой возможности избежать чудовищного столкновения... Что ты сделаешь?

– Тогда я разбужу Билла! – с радостной улыбкой отвечает Бонзо.

– Что? – спрашивает инструктор. – Кто такой Билл?

– Это мой пес, – отвечает Бонзо.

– И что пользы в том, что ты его разбудишь?

– Пользы никакой, – говорит Бонзо, – но Билл обожает смотреть на всякие катастрофы!

Рано утром Глория Великолепная выезжает прокатиться на своем маленьком красном “альфа-ромео”. Она мчится среди полей и

лугов, и вдруг откуда-то из мотора раздается громкий хлопок. Глория рулит на обочину и выходит из машины.

Ясно, что дальше машина не поедет. Уже поздно, и Глория идет к ближайшей ферме, чтобы рассказать о своей беде.

Старый Зеб, фермер, предлагает Глории комнату, и она спит там всю ночь.

На следующее утро Глория заходит в сарай и видит, как дочка Зеба доит корову.

– Выглядит забавно, – говорит Глория. – Можно мне попробовать?

– Конечно, – отвечает девушка, поднимаясь со стульчика.

Глория садится около коровы, берется за соски и начинает их сжимать. Через пару минут она спрашивает:

– Эй, а сколько тебе приходится дергать за эти штуки, чтобы они стали твердыми?

Тыловой адмирал Ковальский, главнокомандующий Польским военно-морским флотом, решает провести неожиданную проверку польской эскадры. Вместе с капитаном Клиффским, летчиком-асом, он садится в маленький гидросамолет, чтобы лететь в военно-морской порт.

Когда они поднимаются в воздух, тыловой адмирал Ковальский берет управление на себя и направляет гидросамолет к ближайшей взлетно-посадочной полосе.

– Простите меня, сэр, – говорит капитан Клиффский, – но этот самолет садится только на воду, его нельзя посадить на землю.

– О, да, какой же я глупец! – восклицает старый польский морской волк, тут же разворачивает самолет в сторону порта и совершает безупречную посадку на море.

Поднимаясь со своего кресла, тыловой адмирал Ковальский поворачивается к капитану Клиффскому:

– Хочу поблагодарить вас, капитан, – говорит он. – Вы так вежливо и тактично уберегли меня от большой ошибки. Вы не дали мне выставить себя настоящим дураком!

Тыловой адмирал Ковальский шеголевато отдает честь, открывает дверь и шагает – прямо в воду!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь, собрав все свое сознание, всю свою жизненную энергию – как копье, проникающее в центр вашего существа. Это один шаг; все, что вам нужно – это огромная настойчивость.

Глубже и глубже... помните, в центре остается только свидетель, подобный маленькому пламени осознания. Кажется, будто тело находится на расстоянии многих миль, а ум еще дальше. Вы – только свидетель, и это свидетельство делает вас буддой.

Я не учу буддизму, я учу будде.

Я не хочу, чтобы вы научились какой-нибудь философии, какому-то учению.

Я хочу, чтобы вы узнали, что вы – сам будда.

В этот момент, когда вы просто свидетельствуете, на вас снизошло такое великое безмолвие – чудесный аромат нового измерения. Цветы начинают сыпаться... просто придерживайтесь центра.

Сделай это яснее,
Ниведано...

Расслабьтесь, оставайтесь только свидетелем. Это – единственное качество, которое сопровождает вашу вечность. Это *и есть* ваша вечность.

Это – ваша реальная жизнь.

Тело уйдет обратно в землю. Лишь одно в вас бессмертно, и это – ваше качество свидетельства.

Этот вечер был красив сам по себе. Присутствие десяти тысяч будд, наслаждающихся великолепием свидетельства, сделало его безмерно прекрасным.

Я вижу, как Аудитория Будды превращается в озеро сознания. Вы исчезаете как отдельные индивидуальности, расслабляясь в космосе, без всякой ряби. Соберите как можно больше переживаний... потому что вы должны привести будду в свою обычную жизнь.

Мы не отрекаемся от мира, мы – празднующие.

Я хочу, чтобы *мои* будды пели, танцевали, любили, расцветали всеми красками, во всех направлениях.

Вся жизнь – наша; нет ничего, что нужно отвергать; все нужно трансформировать, облагораживать, делать лучше.

В этот миг вы – самые счастливые люди на земле. Вы должны разнести этот прохладный огонь по всему земному шару. Только этот прохладный огонь может сохранить эту землю от разрушения.

И времени очень мало: всего двадцать лет. Либо победит жизнеутверждение, либо жизнеотрицание, разрушение уничтожит мир. Никогда еще не было так необходимо быть буддой, как сегодня.

Ниведано...

Вернитесь, но придите как будда – с тем же изяществом, с той же тишиной, с тем же танцем в сердце.

Посидите несколько мгновений никем, чтобы припомнить золотой путь, по которому вы шли внутрь, в свой центр, и которым вы вернулись.

Будда все ближе и ближе подходит к вашей периферии. Скоро он станет также и вашей периферией. Этот день будет днем великой радости.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

V ПРОСТО БЫТЬ ЗДЕСЬ

5 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Исан сказал Кёдзану:

– Я слышал, что, когда ты был с Якудзю, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

– Мне бы не хотелось говорить, – ответил Кёдзан.

– Попробуй сказать что-нибудь, что выражает высший смысл буддизма, – сказал Исан.

Как только Кёдзан открыл рот, чтобы говорить, Исан крикнул:

– Квац!

Кёдзан еще дважды начинал говорить, и дважды Исан криком заставлял его замолчать.

Кёдзан склонил голову и заплакал, сказав:

– Прежний учитель говорил, что, когда я встречу другого, я могу достичь просветления. Сегодня я встретил его. Вот уже три года, как я начал искать буддовость, и это было не более, чем ходить за коровой.

Маниша, вчера я говорил, что Исан изо всех сил старался бунтовать против Ма Цзы. Не то, чтобы он не любил Ма Цзы; но Ма Цзы стал традицией, а он хотел избавиться от традиционного ума, потому что традиция убивает все. Она делает мертвое более значительным, чем живое.

Какое нелепое занятие – заставить живых людей поклоняться мертвому вместо того, чтобы искать более глубокие слои жизни внутри самих себя. Давая им плюшевых мишек, утешения – безобразные утешения, унижительные утешения...

Поэтому, когда Будда стал традицией, Бодхидхарма восстал против этой традиции – не против Будды. Кто может восстать против будды? Будда – сама ваша природа. Вы можете уйти как угодно далеко, но не уйдете от нее. Ваша природа будет с вами. Будда – высочайший пик вашего сознания.

Мы не используем слово “будда” в историческом смысле. Гаутама Будда был одним из будд. Звание “будда” не указывает на него

лично; это просто качество свидетельства, прихода домой. Конечно, он стал символом – и прекрасным символом, если вы не превращаете его в традицию, если вы сохраняете его живым, если не начинаете поклоняться ему, а просто наблюдаете его красоту, его безмолвие, его изящество – и помните, что все это принадлежит также и вам.

Итак, когда Бодхидхарма восстал, он боролся не против Будды – никто не может бороться против будды, – он восстал против книжников, пандитов и ритуалистической религии, которые выросли из пробуждения Будды после того, как он ушел. Но Бодхидхарма точно так же стал традицией. Бунтовать против буддийской традиции очень трудно, но Бодхидхарма удержал невероятно высокое качество. Его бунт вознес его на высоту Гаутамы Будды. И он обладал достаточными способностями – у него был гениальный ум, – чтобы создать совершенно другую атмосферу для искателя на пути.

Однако когда он умер, случилось то же самое: Бодхидхарма стал прототипом, за которым следуют, которому подражают. Ма Цзы не мог вынести этой глупости. Ему пришлось восстать. Это было не восстание против Бодхидхармы или Будды; оно было направлено против инерции, создаваемой традицией.

Но, чтобы бунтовать, вам нужна огромная смелость, искусность и великое мастерство – не только для самого себя, но и в отношении ума как такового. А ум проявляется тысячами способов! – мастеру приходится иметь дело с тысячами типов ума, и он должен обладать способностью встречать каждый из них спонтанно.

Ма Цзы справился с этим даже лучше, чем Бодхидхарма. Революция Ма Цзы – против всей традиции, против всех сутр – была великим событием в истории сознания. Он сжигал сутры; он просто заставлял учеников смотреть не наружу, а внутрь.

Теперь Исан пробовал бороться против Ма Цзы, потому что Ма Цзы стал традицией. Но Исан не обладал качествами Ма Цзы или Бодхидхармы. Он был очень разумным человеком и видел, что традиция начинает гнить; нужно было открыть новые источники жизни, иначе она превратится в сухое дерево. На нем перестали расцветать цветы.

Интеллектуально он понимал это, но он сам не относился к тому типу мастеров, которым под силу такое громадное дело – восстание против традиции; это восстание против четырех миллионов лет ума, против всей его структуры. А людей можно убедить, только если вы обладаете таким присутствием, такой магнетической силой, что, ко-

гда люди приходят к вам, они готовы отбросить все прошлое только ради вас. Исан для такой любви не подходил.

Вот почему вчера я говорил вам, что его сутры скромны, просты, но в них нет великолепия и величия. Сегодня мы увидим, что он вернулся назад, к Ма Цзы. Он не смог найти замену Ма Цзы. Он хотел отделиться от традиции, созданной жизнью Ма Цзы, но он не был более велик, чем Ма Цзы. Это было под силу только более великому человеку; а Ма Цзы был недостижимо велик. Почти невозможно найти человека, более великого, чем Ма Цзы; его изобретательность, его креативность, его абсолютная необычность в мире... никто не мог превзойти его.

Исан стремился отделиться от традиции. Он пытался, но понимал, что ему это не удастся, что это не работает. Он был достаточно разумен, чтобы видеть: ему нечем заменить методы Ма Цзы, который кричал, бил людей, вышвыривал их за дверь или захлопывал ее у них перед носом. Он не мог найти, что ему делать. Люди привыкли ждать от мастера нечто неожиданное. Он был добрым учителем, но не в доброте смысл.

Ма Цзы был очень впечатляющим, притягательным учителем – он жил так, как никто никогда не жил. Он всю жизнь ходил, как корова и смотрел по сторонам, как тигр; глаза и лицо тигра сочетались в нем с красотой и невинностью коровы. Необычное сочетание! И его нисколько не интересовало ни соответствие социальным нормам, ни уважение, ни манеры. Он действовал спонтанно; даже если он не знал, что из этого выйдет – все, что случится спонтанно, правильно.

Ни один человек не жил так спонтанно. Конечно, окружающим он казался абсурдным, слегка сумасшедшим. Но ищущих он притягивал невероятно; за его тигриными глазами они видели глаза будды; за внешним поведением они видели внутреннюю красоту, внутреннюю радость, внутреннее великолепие и то, что с этим человеком возможна передача лампы.

Исан был совершенно другим человеком. Он пробовал восстать против традиции Ма Цзы, но, в конце концов, ему пришлось вернуться к тем же техникам, что создал Ма Цзы. Никогда раньше их не было.

Исан сказал Кёдзану:

– Я слышал, что, когда ты был с Якудзю, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?

Кёдзан был главным учеником Исана, и в конце он должен был стать его преемником. Его готовили к этому, он был уже почти избран преемником Исана – негласно, но все ученики знали, что следующим мастером будет Кёдзан. Поэтому Кёдзан обладал привилегией задавать любые вопросы, так как, став преемником Исана, он мог столкнуться с теми же вопросами.

Здесь Исан спрашивает: *“Я слышал, что, когда ты был с Якудзю, если тебя спрашивали об одном, ты отвечал о десяти. Это правда?”* Он говорит: *“Я слышал, что ты – человек такой мудрости, что, когда тебе задавал один вопрос, ты мог ответить на него десятью разными способами. Якудзю очень высоко ценил твою многомерную мудрость”*.

– Мне бы не хотелось говорить...

– Попробуй сказать что-нибудь, что выражает высший смысл буддизма, – сказал Исан.

Высший смысл буддизма невозможно выразить, о нем нельзя сказать даже один раз – это не тот вопрос, на который можно ответить десять раз десятью различными способами. Ответить даже один раз – значит совершить ошибку; ответить десять раз – значит сделать десять ошибок. Когда речь идет о высшей точке опыта Будды, его просветлении, ответом может быть лишь безмолвие.

Как только Кёдзан открыл рот, чтобы говорить, Исан крикнул:

– Квац!

“Квац” – просто звук, но косвенно он означает: “Заткнись!” Но “заткнись!” бессмысленно, поэтому его избегают. В нем нет качества “Квац!”. “Квац” нет ни в одном языке; это просто крик, в результате которого рот закрывается. Кёдзан достаточно спрашивал, теперь он больше не должен открывать рот.

Кёдзан еще дважды начинал говорить, и дважды Исан криком заставлял его замолчать.

Так вот, крик – изобретение Ма Цзы. Создать новые средства, новые методы очень трудно. Для этого нужно быть совершенно особой личностью. Можно быть просветленным, это одно; можно идти

по хорошо утоптанному пути, пользоваться надежными, проверенными способами и приносить людям огромную пользу. Но если человек хочет быть индивидуальной вершиной, если он хочет стоять особняком – тогда ему самому нужны качества будды.

С течением времени находить новые пути становится все труднее и труднее. Великие мастера прошли раньше, и они почти исчерпали возможности поиска новых методов. Исан снова расслабился; он ясно понял, что он – просветленный, но не может быть бунтовщиком. Борьба против Ма Цзы невозможно. Даже подумать, что вы будете делать что-то против Ма Цзы... он просто покончил со всем этим. Что бы вы ни делали, это будет хуже, это не будет так эффективно, ново и оригинально, как у Ма Цзы.

В конце концов, ему пришлось вернуться к Ма Цзы. Эти крики – шаги к отступлению, потому что крики изобрел Ма Цзы. До Ма Цзы никто не пользовался криком, использовалась палка; мастер мог ударить ученика. Эти палки не причиняют боли.

Несколько дней назад я получил одну дзенскую палку из Кореи. Я жду первого немецкого просветленного, Каменноголового Нискрию, чтобы отдать ему эту палку. Это очень хорошая вещь. Она из бамбука, и в середине рассечена надвое. Вы можете держать ее за один конец, а повыше сделан надрез, так что можно бить. Шума много, но никому не больно.

Смысл был тот же, но Ма Цзы... Если неожиданно ударить человека, который задает уместный вопрос, это останавливает его ум: “В чем дело?..” Это непостижимо для ума. И именно в этом весь смысл: ум должен замолчать, хотя бы на мгновение – и вы получите проблеск.

Когда эти истории впервые были переведены на другие языки, люди просто смеялись: “И в этих анекдотах заключена религия?” Это было так странно – читать, что мастер бьет ученика, а ученик внезапно становится просветленным. Этому нельзя было найти разумное объяснение. Как может случиться, что мастер ударил ученика, а ученик кланяется с глубоким уважением и благодарностью?

Это возможно. Это можно понять. Если ваш ум полностью останавливается, хотя бы на один миг, с помощью любого метода, вы получите проблеск собственной сокровенной природы. И этот проблеск так красив, этот проблеск – такое великолепие, такое сокровище... это ваша вечность. Мастер показал вам способ: ум должен прекратить думать. Один миг вы видели путь; теперь идите вперед!

Но Ма Цзы обнаружил, что крик даже лучше удара палкой, потому что, если только ударить кого-то по голове, ум не обязательно прекращает мышление. Ум может даже начать думать больше: “В чем дело? Почему меня ударили? Я задал уместный вопрос – что за глупость?”

А когда мастер кричит, этот крик проникает в вас глубже любого удара. Удар может коснуться только вашего тела, головы, а крик может пронзить как копье, и на миг даже ваше сердце может остановиться. Крик был великим вкладом Ма Цзы, и, определенно, крик действует на ум гораздо глубже, останавливая его быстрее, чем любой удар.

Вы можете понять разницу: удар – это материальное явление, крик – психологическое. Чтобы остановить ум, нужен некий психологический удар. Крик – разновидность удара: он невидим для глаза, но полностью поражает ум, сотрясает его, повергает в некое изумление.

Некий человек пришел издалека, услышав о Ма Цзы, о его величии – что сотни людей стали просветленными благодаря ему, что тысячи людей живут в его монастыре. Человек, который проделал много миль, приходит к Ма Цзы, задает очень важный вопрос и никак не думает, что этот человек закричит или прыгнет на него, усядется на его груди и спросит, глядя ему в глаза: “Получил?”

Все, что получил этот человек – это ошеломленный, оглушенный ум; но в этом оглушенном уме спрятано откровение его собственной природы. Возможно, он изо всех сил старался найти ее. Ум – почти необъятные джунгли мыслей; вы можете уходить все дальше и дальше, это немалое пространство. Крик – великолепное средство, чтобы мгновенно вывести вас из ума.

Но сделать это может только великий мастер, это не для всех. Исан хотел привнести что-то новое, но это ему не удалось. Эти крики показывают, что он снова вернулся к старым способам Ма Цзы.

Кёдзан еще дважды начинал говорить, и дважды Исан криком заставлял его замолчать.

Кёдзан склонил голову и заплакал, сказав:

– Прежний учитель говорил, что, когда я встречу другого, я могу достичь просветления. Сегодня я встретил его. Вот уже три года, как я начал искать буддовость, и это было не более, чем ходить за коровой.

Эти крики сработали. Кёдзан был с каким-то учителем; но учитель – не мастер. Учитель может дать вам все инструкции, которые написаны в писаниях. Он может сделать вас очень образованным – и он сделал Кёдзана очень образованным. Но те дни были днями великой честности – особенно в том, что касается истины; никто не пытался обманывать.

Этот учитель сказал: “Я всего лишь учитель. Когда ты встретишь мастера, ты станешь просветленным. Со мной ты можешь только становиться все более и более знающим, великим ученым, большим интеллектуалом, потому что я сам не нашел истину. Я сам ищу мастера, который может спровоцировать, пробудить меня”.

В дни Гаутамы Будды эта земля видела невероятное явление: тысячи людей ходили по стране в поисках мастера. Они жили с учителями, а потом обнаруживали, что это – только учитель. И учитель сам говорил им: “Я сказал тебе все, что мог сказать, все, что я слышал. Теперь уходи”.

И Гаутама Будда до просветления в течение шести лет ходил ко многим учителям. Эти учителя оказывались в очень неловком положении, потому что они были очень известными, у них были тысячи последователей, и причина, по которой они оставались неразоблаченными, заключалась в том, что ни один ученик не выполнял полностью то, что они говорили. Поэтому ученики думали: “Это наша вина. Мы не следуем тому, что нам говорят, тотально”.

Но Будда создавал проблемы. Он делал немного больше, чем просили учителя. За эти шесть лет он привел в замешательство многих учителей. Им пришлось признаться: “Я сам – не просветленный, и все, что я знаю, было только ученостью. Никто не разоблачил меня, потому что никто меня не испытывал. Они слушали, они были счастливы, они накапливали знания, они становились учеными. Но тебя не интересуют писания, тебя не интересует ученость, знания – ты настаиваешь: ‘Я хочу видеть истину!’”

Все, что они говорили... Будда прошел необычные аскетические практики. Вы не поверите, но последний учитель, от которого он ушел, сказал ему, что он должен уменьшать количество своей пищи: начиная с одной еды в день – и ее должно быть столько, сколько можно удержать в двух сложенных ладонях, это не слишком много! – затем постепенно уменьшать количество, постепенно, пока не дойдешь до одного зернышка риса. Будда сделал это. Существует статуя, где он – просто скелет: вся плоть ушла, ведь понадобилось

три месяца, чтобы дойти до состояния, когда он ел всего одно зернышко риса в день. Что может дать одно рисовое зерно?

Учитель никогда не думал, что какой-нибудь человек сможет выдержать этот процесс, этот пост, но Будда сделал это в совершенстве и спросил его: “Что дальше?”

Учитель со слезами на глазах сказал: “Теперь мне придется признать поражение. Я сам не просветленный, но я давал людям такие практики, которые они не могли выполнить. Так я сохранял свое лицо. Ты разоблачил меня. Теперь мой совет: иди дальше”.

Тысячи людей ходили повсюду в поисках мастера. Были тысячи учителей, но очень большая редкость – найти мастера, который пережил истину как опыт.

Будда стал просветленным очень странным способом. В тот день, когда учитель сказал: “Ты должен идти дальше. Я – только учитель, не мастер. Я притворялся, и мне очень жаль!” – он слишком устал. Остались одни кости, и он сидел под деревом бодхи в Бодхгайе.

Название “Бодхгайя” произошло оттого, что Гаутама Будда стал там просветленным; “бодх” означает “просветление”. Благодаря Будде появился большой город, потому что тысячи людей хотели жить там, медитировать под тем самым деревом, где медитировал Будда, выполнять ту же ходячую медитацию рядом с храмом, который в память о просветлении Гаутамы Будды за этим деревом возвел один король.

Будда совершал омовение в реке, протекавшей поблизости. Это Ниранджана – очень маленькая речка; зимой она так пересыхает, что вы можете перейти ее, в ней меньше фута глубины. Он совершал омовение; но он был так слаб, что не мог перейти даже этот маленький поток. Ему пришлось на несколько минут ухватиться за ветку дерева, чтобы собрать сколько-нибудь энергии и выйти из реки. Ему стало ясно, что постом можно убить себя, но нельзя достичь просветления. Это хороший процесс постепенного самоубийства, но не процесс самадхи.

“Если я не могу перейти этот маленький поток, что говорить о мифологической реке, необъятной реке, что разделяет этот мир и другой мир, небесный? Если я не могу перейти Ниранджану, маленькую речку, то что я могу? Я не смогу пересечь ту огромную реку, разделяющую два мира. Она – почти как океан”. Это мифология, но в его уме в то время – до того времени – была одна мифология,

философия; он еще не был просветленным. Держась за ветку или корень дерева, он думал: “Я напрасно тратил время”.

Он вышел. Была ночь полнолуния, и он был так слаб, что не смог бы в тот день дойти до города и просить подаяние, поэтому он остался под деревом. Случайно одна женщина – ее имя, Суджата, означает “счастливо рожденная” или “родившаяся в высшем классе общества”... Я доказывал буддийским ученым, что ее имя просто показывает, что она родилась в низкой касте. Посмотрите: в Индии слепого называют *камальнаяян*, “лотосоокий”. Если у вас есть глаза, никто не назовет вас лотосооком; это имя оставили для слепого – чтобы не обижать его. Суджата не может быть женщиной высшего класса, иначе у нее не было бы такого имени. Это имя предполагает, что она происходит из низшей касты шудр, неприкасаемых. В утешение они дают красивые имена.

В Индии, когда кто-то умирает, говорят, что он стал возлюбленным Бога. Что же мы все делаем здесь? Только мертвый становится возлюбленным Бога. Бог, видимо, какой-то каннибал! Чем больше людей умирает, тем Бог, естественно, счастливее – приходит больше возлюбленных. Когда труп умершего переносится из дома на погребальный костер, это называется *махаятра*, великое путешествие. Это не больше мили или двух миль – не такое уж великое путешествие. Бедняга умер, но, читая об этом, вы можете подумать, что он отправился в великое путешествие. Человек всегда ловко обращался со словами, чтобы скрыть истину.

Эта женщина, Суджата, по-моему, была *хариджан* – только хариджан мог прийти в это бедное место рядом с рекой Нирджана. Она поклонялась дереву – только низшие классы поклоняются деревьям, не богатые. Она обещала дереву, что, если у нее родится мальчик, она принесет дереву много сладостей, много цветов. И это было совпадение, чистая случайность, что в эту ночь полнолуния под деревом сидел красивый молодой человек. Она подумала: “Бог дерева вышел принять сладости!” Она была необычайно счастлива, потому что очень редко случается, чтобы бог дерева выходил наружу; и она поднесла Будде все сладости.

Таким образом, впервые за три месяца у него был хороший завтрак; иначе, если жить на все меньшем и меньшем количестве... а вчера он съел всего одно рисовое зернышко. Суджата была очень счастлива. Сын родился, и бог дерева принял ее подношение. Поев, Будда впервые отбросил... Шесть лет назад он бросил королевство и все материальное в мире, всю собственность. У него оставалось

лишь одно стремление – к истине. В эту ночь, когда в небе была полная луна, он отбросил и это стремление, потому что оно стало его желанием – а если есть хотя бы маленькое желание, ум продолжается. Неважно, желаете ли вы денег или Бога; неважно, желаете ли вы власти или просветления: желание есть желание, и с желанием ум остается жив.

В эту ночь он отбросил последнее желание. За шесть лет он прошел через все пытки. Этого было довольно! И через шесть лет он впервые заснул совершенно расслабленно – никаких желаний, никаких стремлений, никакого будущего, никакой надежды, – он просто спал, без ума, без снов. Все разбилось. Он был до крайности изнурен. “Нет никакой истины и никакого мира. Все это чепуха, и я просто вредил самому себе.”

В эту ночь он спал без ума, а сон без ума очень близок самадхи. Именно так определяет его Патанджали: есть наше обычное состояние бодрствования, за ним – состояние сновидений, за ним – сон без сновидений, а за ним – просветление, наше абсолютное бодрствование.

Всю ночь он спал без сновидений. Этот сон создал возможность. Всего лишь дюйм, небольшой толчок... Когда он открыл глаза – впервые без всякого желания, – последняя звезда заходила, и с закатом последней звезды он внезапно осознал, он так наполнился осознанием... Снаружи вставало солнце, и внутри тоже вставало солнце. Из сна без сновидений он попал в четвертое состояние – пробужденности, буддовости.

Он достиг его, когда отбросил даже желание стать буддой. Ум должен быть абсолютно пуст. И функция мастера – помочь вам на этом пути пустоты, потому что пустота – это возможность для наполненности.

Сначала вы должны быть пусты от всего, что вы знаете; лишь тогда вы можете наполниться божественным. Цветы начинают сыпаться на вас из неведомых источников – и в пустоте внутри вас возникает великое пламя осознания, которое приносит вам чувство вечности, бессмертия, великий мир, превосходящий понимание, безмятежность, тишину, блаженство и экстаз, что не знает конца. Вы впервые пьяны божественным.

То были золотые дни – в том смысле, что были тысячи ищущих. Люди были бедны, не было никаких технологий, ни науки, ни прогресса; но они были богаты в другом отношении: поиск внутреннего сокровища делал их богатейшими людьми в мире. Тысячи достигали

просветления и сотни становились мастерами по созданию ситуаций, потому что просветление – ваша природа, это не достижение; не нужно никуда идти, вы должны просто быть здесь и копнуть глубже.

Когда вы выходите за пределы своего черепа, костей, скелета и находите источник жизни, из которого жизнь распространяется в ваше тело и ум, вы немедленно находите вечное космическое существование. Маленькая река вашей жизни течет из великого океана, который повсюду окружает вас. Это тот же океан, который питает деревья, тот же океан, который питает птиц, тот же океан, который питает жизнь как таковую.

Человек – самое благословенное животное в мире в том смысле, что он способен не только жить, он также способен быть сознательным; и не только сознательным – он способен стать тотально сознательным. Это тотальное сознание дает вам свободу, спасение и блаженство, которое вы искали в мелких обыденных мелочах, где его нет.

Когда говорят, что кто-то стал просветленным, это просто означает, что он нашел источник своей жизни и сознания. Но, обретая источник своей жизни и сознания, вы обретаете источник всей жизни и всего сознания. Став буддой, вы стали одним со всеми буддами. Никакого телесного разделения больше нет, никакого временного или пространственного разделения больше нет.

Если я говорю об этих буддах, я не ученый, и я говорю не как ученый. Я говорю из своего опыта. Эти будды – Ма Цзы, Исан или Кёдзан, не могли иметь другой опыт. Это один и то же океан. Где бы вы ни попробовали его, он соленый.

Кёдзан склонил голову и заплакал...

Это были слезы великой радости. Бывают времена, когда вы не можете выразить что-то словами, но можете сказать это через слезы. В миг любви так абсурдно говорить: “Я люблю тебя!” – это такая профанация! Сказать в миг благодарности “спасибо” – уродливо.

В Индии это почти невозможно – Запад не знает глубочайшего смысла. В Индии, если отец делает что-то для сына, сын не может сказать: “Спасибо, отец”; он может выразить свою признательность, коснувшись его ног, он может выразить признательность слезами, но не словами. Слова очень пусты, слезы очень наполнены; слезы исходят из ваших глубин, а слова – только из вашего ума.

Кёдзан склонил голову и заплакал, – слезами великой радости, – сказав:

– Прежний учитель говорил, что, когда я встречу другого, я могу достичь просветления. Сегодня я встретил его. Вот уже три года, как я начал искать буддовость, и это было не более, чем ходить за коровой.

Он был с учителями, и они давали ему работу – ходить за коровами, присматривать на кухне, следить за вещами. А Исан, не давая ему никакой работы, крикнул на него три раза, и он стал просветленным.

Это не значит, что люди не должны работать; это просто означает: “Работайте только возле мастера, живого мастера, иначе вы просто ухаживаете за коровами”. А быть с мастером просто означает не быть. Растворитесь. Станьте абсолютно пустым, без всяких желаний, и этот благословенный момент может случиться прямо сейчас. Для этого не нужна никакая практика или пытки аскезы; для этого нужно только вернуться в свою предельную глубину. Там вы – уже будда. Признав это однажды, вы узнали дорогу. Она очень коротка.

Мало-помалу вы можете начинать выводить будду из сокровенных источников на поверхность своей жизни. Каждое ваше действие, ваши слова начнут обретать новый золотой аромат. Ваше безмолвие начнет превращаться в песню – в музыку иного измерения. Ваша обычная походка станет похожей на танец – такой радостный. Вся ваша жизнь будет более блаженной, опьяненной. Вы будете жить тотально, любить тотально, и эта жизнь станет вашей последней жизнью.

Если вы можете достичь просветления, вам не нужно скитаться из одной утробы в другую. Многие века вы бродили от одной утробы к другой.

Если вы стали просветленным в этой жизни, смерть не приведет вас в другую утробу – вы исчезнете в космической жизни, в космическом огне. Вы станете одним с целым – вы будете этим целым.

Сосеки написал:

*Я спал у холодного окна
И вернулся из страны снов.
Глаз моего ума
Открылся сам,
Без всякой утренней звезды.*

Он ссылается на утреннюю звезду Гаутамы Будды. Он говорит: *“Глаз моего ума открылся сам, без всякой утренней звезды”*.

*Все небеса и земля подпирают
Эту гору, покрытую снегом.
Где же в мире есть место
Для практики Шакьямуни?*

Шакьямуни – это другое имя Гаутамы Будды; это его фамилия. Он был *шакьей* – это племя воинов, – поэтому его также называют *Шакьямуни*: шакья, который стал безмолвным. Это очень любовно – звать его просто Шакья.

Сосеки говорит очень красивые слова:

*Я спал у холодного окна
И вернулся из страны снов.*

Ваша страна – страна снов. Сосеки говорит: *“Я вернулся из страны снов. Глаз моего ума, – третий глаз, глаз, который смотрит внутрь, – открылся сам, ему не нужна звезда, исчезающая в синем небе”*.

Каждый человек должен стать просветленным по-своему. Хотя он любит Гаутаму Будду, он говорит: *“Не нужно идти по его следам, потому что будда не оставляет следов. Будда – словно птица, что летит в синем небе, не оставляя следов”*.

*Все небеса и земля подпирают
Эту гору, покрытую снегом.
Где же в мире есть место
Для практики Шакьямуни?*

Он говорит на языке дзен: *“Нет нужды и нет места в мире, чтобы заниматься практикой. Зачем Шакьямуни напрасно потратил на практику шесть лет? Вы можете стать буддой в этот самый момент. Зачем заниматься ненужной практикой – где взять место и время?”*

Любовная критика собственного мастера. Сосеки прав. Но у Будды были свои сложности. Он был, насколько мы знаем, первым буддой, давшим человечеству сильнейший импульс. Несомненно, до Гаутамы Будды было много будд, но они не оставили такого импульса.

Даже во времена Гаутамы Будды восемь его современников объявили, что они просветленные – и, скорее всего, они *действительно* были просветленными. Несколько слов об этих шести просветленных пришло от Будды и Махавиры – потому что они никогда ничего не писали; и эти шестеро были, по-видимому, более мятежными людьми. Они не допускали никакого движения, и несколько критических замечаний Гаутамы Будды и Махавиры...

Эти двое остались в памяти человечества. Махавира остался очень локальной фигурой; по некоторым причинам он не смог стать фигурой мирового масштаба. Иначе... Он был старше Будды и, определенно, был великой индивидуальностью, но создал для себя странные ограничения. Во-первых, он был голым. Ни одна страна не пустила бы его голым – они не пускают меня даже одетым! Я могу попробовать раздеться...

Во-вторых, у него были такие странные пути – как у Ма Цзы, – что другие люди могли подумать, что он ненормальный. Он постился месяцами. За двенадцатилетний период молчания, когда он оставался безмолвным, он ел всего тридцать дней – за двенадцать лет! И он не брал пищу у первого встречного. У него был странный способ, но в нем есть свой смысл. Утром, во время медитации, он решал: он постучит в дверь, чтобы попросить пищу, и если при этом сложится определенная ситуация... только тогда он примет эту пищу; иначе он уйдет из города. Например, если он постучится, и там будет плачущая женщина, или она будет заниматься определенной работой, или на дороге будут стоять две коровы – все, что придет ему на ум в медитации, – и если эти условия не выполнялись, он уходил обратно. Его идея была в том, что: *“Если я нужен существованию, оно должно выполнять мои условия. Если я не нужен существованию, мне нечего здесь делать. Зачем навязывать себя существованию? Я оставляю это в руках существования”*.

Необычная идея, но в ней есть большой смысл. Его доверие к сущему абсолютно: если он ему нужен, хорошо; если нет – *“Я могу расслабиться, исчезнуть. Зачем продолжать, если сущее не нуждается во мне?”* Ему было ясно: *“Если я для чего-то нужен существованию, оно будет поддерживать мою жизнь. Я оставляю это на усмотрение сущего”*.

Такой человек в любой другой стране оказался бы в трудном положении. Он не брился бритвой, он просто выдергивал волосы – потому что он не пользовался никакой техникой. Какая техника в маленькой бритве? – и все же это технологическое приспособление.

Он не пользовался никакой технологией – он намного опередил махатму Ганди. Махатма Ганди, по крайней мере, пользовался прялкой; это техническое приспособление.

Махавира не пользовался ничем: ни одеждой – потому ему не нужна была прялка... он не пользовался даже чашей для подаяния. Зачем нужна чаша? Если все животные могут обойтись без чаши для подаяния, вы выглядите крайне глупо... Он пил воду из реки, как любая собака или другое животное, и выдергивал волосы... В психологии есть особый вид ненормальности, когда человек рвет на себе волосы – особенно женщины: когда они в ярости, они начинают вырывать волосы.

В любой другой стране Махавиру сочли бы... Во-первых, он был голый; во-вторых, его странный способ питания; в-третьих, он выдергивал свои волосы, – но во всем этом был смысл. Сейчас есть всего двадцать два голых монаха – это очень маленькое течение. Но идея, которая стояла за этим, абсолютно ясна.

Даже последователи Махавиры не обсуждают точное значение его наготы. За двадцать пять веков я не встретил ни одного писания, в котором обсуждался бы вопрос о его нагоде. Они просто говорят: “Он отбросил всякую собственность – вот почему он отбросил одежду”. Но на самом деле это не так. Дело в его целибате: по его мнению, целибат должен жить голым; только тогда он может доказать, что он целибат. Только подумайте, все ваши монахи... Таков механизм секса: как только в вашем уме возникает мысль, ваш сексуальный аппарат немедленно начинает делать вам намеки – и все общество увидит: “Что это за целибат?”

Я не думаю, что какой-нибудь католический монах, папа или шанкарачарья может пройти тест Махавиры. Это абсолютно точный тест. Вопрос вот в чем: “Откуда нам знать, что ты – целибат?” Даже мысль о сексе в вашем уме мгновенно действует на тело – и все узнают, что вы не целибат.

Никто за двадцать пять веков не оценил его научность. Он абсолютно научен, потому что под одеждой вы можете быть целибатом и, тем не менее, наслаждаться мечтами о любви с Софи Лорен, и никто не узнает. Но если вы голый, это очень трудно: как только вы начинаете думать о Софи Лорен, ваш флаг немедленно поднимается.

Я абсолютно согласен с Махавирой, что каждый целибат – если он хочет быть целибатом – должен быть голым. Я не сторонник целибата, но, если кто-то хочет быть целибатом, он должен соблюдать правила игры.

Джайнские монахи, возможно, единственные, о которых можно сказать, что они – целибаты. На это уходят годы – пять ступеней тренировки. Только на последней ступени они могут стать обнаженными – когда мастер разрешает ученику: “Теперь можешь быть голым”. Причина в том, что сексуальный центр находится не в гениталиях – он находится в уме. Пока этот центр не управляется вашей медитацией, пока он полностью не очищен от всяких желаний, вы не можете быть голым; вы немедленно выдадите себя.

Те шестеро тоже были просветленными – но каждый идет своей дорогой. Будда пользовался одеждой, и просто потому, что он носил одежду, он стал мировым явлением. Весь Восток стал буддийским. Хотя Махавира был очень красивой личностью, образ жизни, который он предлагал, был не для всех; это было невероятно трудно. Так что разница была в одежде.

Конечно, были и другие будды... Махавира был буддой. Вы должны знать, что в джайнских писаниях Махавиру называют обоими терминами: Джина – “джина” означает “человек, который победил себя”, – и Будда, пробужденный. В буддийских писаниях тоже используются оба термина: джина, победитель, и будда, просветленный. Но мало-помалу установилось – потому что так можно запутаться, – что Гаутаму Будду не стали называть джиной, а Махавиру перестали называть буддой, чтобы внести ясность. Но оба были и тем, и другим!

А шестеро других были, возможно, еще более колоритными личностями, но они не допускали никаких последователей. Если вы не допускаете последователей, кто будет собирать ваши поучения, сохранять сведения о вашей жизни для грядущих поколений? Рано или поздно ваше имя исчезнет. Но для них в этом был свой смысл: “Не нужно, чтобы наши имена оставались. Когда мы исчезнем, наши имена тоже должны исчезнуть. Какой смысл в том, чтобы наши имена, наши учения оставались?”

В этом есть огромный смысл. То, что они настаивали: “Нет никакой необходимости в наших учениях”, подразумевает много значений. Первое: “Только живой мастер может трансформировать людей. Наши слова, наши учения не сделают этого; они создадут только учителей”. Второе: “Зачем нам держать в рабстве будущее? Мы прожили свою жизнь, мы делились ею с нашими современниками. Пусть будущее будет свободно для новых мастеров, новых будд. Мы не должны быть препятствием и не должны становиться обузой для будущего”, – весьма революционный подход. И эти люди...

Сосеки говорит: “Где место, где пространство, где время для практики Шакьямуни?” Он против практики. Я против практики. Практика может сделать вас только актером. Вы должны быть спонтанными, а не дисциплинированными и обученными. Вы должны быть собой, в своей естественности, в своей девственности, в своей спонтанности.

Маниша спросила:

*Наш возлюбленный Мастер,
Наше отождествление с телом и (или) умом – это все, что мешает нам быть едиными с целым?*

Да, Маниша. Отождествление с телом, умом, с нашей собственностью, семьей, друзьями – любое отождествление уводит вас наружу. Вся ваша собственность будет снаружи: ваша жена, ваш муж, дети; ваше тело – внешнее тело; ваш ум – внешний ум.

Единственное, что не снаружи – это свидетельство. Бдительность – вот ваш будда. Отождествление означает, что вы потеряли свидетельство, попали в ловушку привязанности. В этом наше несчастье, в этом наше рабство.

А теперь – время Сардара Гурудаяла Сингха.

Кажется, он сидит очень далеко. Зажгите свет! Все должны видеть его радужный тюрбан!

Однажды утром Псих Мелвин, Чокнутый Лэрри и Безумец Карл сбегают из психбольницы.

Счастливые, как дети, они отправляются в город и приходят на стройплощадку, где возводится огромный небоскреб. Они с любопытством смотрят по сторонам; неожиданно к ним подходит человек в каске.

– Эй, ребята! – кричит Клопский, прораб. – Возвращайтесь к работе и докопайте эту канаву!

Три лунатика улыбаются и кивают, потом бегут к канаве и начинают работать. Через пару часов Клопский идет проверить, как они работают. Он с удивлением видит, что Псих Мелвин яростно копает, в то время как двое других стоят без движения, задрав в небо лопаты.

– Что, черт возьми, вы делаете? – кричит Клопский Чокнутому Лэрри и Безумному Карлу.

– Мы – уличные фонари, – отвечает Чокнутый Лэрри.
– Придурки! Вы уволены! – кричит Клопский, прогоняя двух лунатиков.

Псих Мелвин тут же перестает работать.

– Нет, – говорит Клопский, – тебя я не уволил, ты работаешь хорошо, продолжай копать.

– Что? – кричит Псих Мелвин. – В темноте?

Медицинская Корпорация Америки решает, что единственный способ вылечить СПИД – это деньги, много денег. Совместно с тремя американскими телевизионными сетями они организуют грандиозный СПИД-марафон, который должен состояться в субботу ночью.

Идея марафона заключается в следующем: Рокки Ханк, знаменитая кинозвезда, занимается любовью с пятьюстами женщинами, а американские граждане звонят в студию и делают ставки.

И вот наступает эта грандиозная ночь. Рокки Ханк взбирается на четыреста семьдесят пятью женщину; деньги льются рекой. Рокфеллеровское общество жертвует миллионы долларов, НАСА ставит весь свой фонд развития космических программ. Звонит даже Рональд Рейган; он жертвует все деньги, предназначенные на платя Нэнси. Деньги текут и текут; СПИД, несомненно, будет побежден.

Однако, закончив с четыреста девяносто пятой женщиной, Рокки неожиданно падает в обморок. На него льют ведра ледяной воды; шатаясь из стороны в сторону, он плетется к следующей. Когда приходит очередь четыреста девяносто восьмой, кажется, что он окончательно выдохся, но красотке кое-как удается поднять его, и денежный поток продолжается.

Но на четыреста девяносто девятой Рокки все-таки теряет сознание, и уже никто не может привести его в чувство.

Вся страна в ярости; все звонят и берут назад свои ставки.

В конце концов, Джордж Буш, гость шоу, каким-то образом возвращает Рокки к жизни и тащит его в свой офис.

– Мы почти вылечили СПИД! – кричит он. – Что, черт возьми, случилось?

– Не понимаю, – отвечает Рокки. – Утром на репетиции все шло отлично!

Нэнси Рейган входит в столовую Белого Дома, чтобы пообедать с Рональдом и заодно обсудить, как они будут проводить время, когда Рональд выйдет на пенсию. Внезапно Элвин Майндбендер, близкий друг семьи, весь в поту, пробегает мимо Нэнси и исчезает в холле.

Нэнси проходит в столовую, садится за свой внушительный ленч и начинает болтать с Ронни.

Тем временем, в Овальном офисе, Элвин Майндбендер отчаянно звонит по всей стране, разыскивая вице-президента Буша, который заканчивает свой предвыборный тур.

Через два часа Элвин наконец ловит Буша в Санта-Фе, Нью-Мексико.

– Джордж, слава Богу! – кричит Элвин. – Я пытался найти тебя *два часа!* В Белом Доме ужасная трагедия!..

А Нэнси в столовой Белого Дома как раз заканчивает свой банановый десерт.

– И все-таки, Рональд, – говорит она, вытирая рот, – *я настаиваю*, что мы должны повесить эти полосатые пурпурно-зеленые шторы в твоей спальне на ранчо...

Внезапно в комнату врывается Элвин, который по-прежнему обливается холодным потом. При виде Нэнси, болтающей с Рональдом, он останавливается как вкопанный с отвисшей челюстью.

– Черт возьми, Нэнси! – кричит он. – Что ты делаешь? Рональд умер два часа назад!

Нэнси пристально смотрит на престарелого президента.

– Боже мой! – говорит она. – Не может быть!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь – со всем своим сознанием, с огромной настойчивостью, как будто это последний миг вашей жизни. Глубже и глубже – и вы найдете путь.

Это маленькая дорожка, которая уходит из ума, уходит из тела и приходит к источнику, который соединяется с космосом. Его единственное качество – свидетельство.

Свидетельствуйте и будьте буддой.

Великое безмолвие начинает нисходить на вас... вы впервые почувствуете глубокое желание, глубокое стремление раствориться в космосе. Огромная радость – без всякой причины – заполнит все ваше пространство.

Этот момент бесценен. Быть буддой хотя бы миг – великое благословение. Если вы знаете, как быть буддой всего лишь миг, вы узнали это. Вы можете быть буддой двадцать четыре часа в сутки, все время.

Помните только: быть буддой – значит быть свидетелем.

Великолепные цветы начинают осыпать вас – цветы мира, блаженства, экстаза.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь, но продолжайте оставаться свидетелем.

Вы – не тело, вы – не ум. Вы – тот, кто видит тело, видит ум; и, по мере углубления вашего свидетельствования, будет исчезать ваша отделенность от других. Аудитория Будды начинает превращаться в озеро сознания без всякой ряби, без всяких различий – просто чистый танец блаженства и экстаза.

Радуйтесь; и соберите как можно больше опыта свидетельствования. Этот аромат, что окружает вас, этот экстаз – соберите их, чтобы принести на периферию.

Вы должны постепенно привести своего будду из центра на периферию. Это бесценное сокровище. Вы можете взять столько, сколько хотите, оно неистощимо.

В этот момент вы вечны, вы бессмертны, вы – одно с космосом.

Этот вечер сам по себе был прекрасен, но вы своим безмолвием, свидетельствованием, радостным расслаблением у себя дома сделали его еще более золотым.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше аромата, цветов...

Ниведано...

Вернитесь, но вернитесь как будда, с тем же изяществом, с тем же безмолвием, с той же красотой.

Посидите несколько мгновений, вспоминая, где вы были, по какому золотому пути вы ходили – вперед и назад, – и сколько свидетельствования принесли вы из самого источника вашей жизни.

Это свидетельствование нужно поддерживать все время.

Обязательно придет день, когда вам не нужно будет медитировать, когда будда будет оставаться в любом проявлении периферии, во всем своем сиянии. Все действия – это его действия, вас больше нет. Будда поет, будда танцует, будда улыбается. Вы должны стать просто проходом для будды.

Этот день недалек. Это может случиться в любой момент. Будьте готовы.

Это не практика, это просто создание надлежащего момента для прихода весны – чтобы она принесла все, что возможно для вашего потенциала.

Тысячи цветов...

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

VI ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА

6 ноября 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Исан сказал Кёдзану:

– Большинство людей на этой огромной земле, с их неограниченным причинно-следственным сознанием, не осознают той изначальной природы, на которую должны полагаться. Можешь ли ты сказать, есть у них это осознание или нет?

Кёдзан ответил:

– Я сталкивался с этой трудностью.

Как раз в этот момент мимо проходил некий монах, и Кёдзан окликнул его:

– Джари!

Монах обернулся.

Кёдзан прокомментировал Исану:

– Вот пример обширного причинно-следственного сознания, не осознающего основы, на которую оно должно опираться.

Исан заметил:

– Это капля львиного молока, из-за которой сворачиваются шесть галлонов ослиного.

Как-то Исан заметил Кёдзану:

– Мы целый день спорили о дзен, и что мы получили от всего этого?

В ответ Кёдзан начертил линию в воздухе.

Исан прокомментировал:

– Если бы это был не я, он бы обманулся.

Маниша, эта история затрагивает одну фундаментальную проблему. Чтобы осознать это, вы должны понять, что в ней подразумевается. Все мы думаем, что мы сознательны; это одно из проявлений нашей бессознательности. Мы сознательны только функционально.

Мы научились делать многие вещи – ложиться в постель, вставать рано утром, идти на работу. Мы всему научились. Все это может делать даже робот. Вы не нужны. Именно это случилось с

человечеством. Это автоматическое человечество. Вы выучили все необходимое и передали это своему автоматическому уму, который все делает за вас. И, передав все это на попечение ума, вы отправились спать.

Все усилие будд состоит в том, чтобы выявить ваше сознание и заставить вас ясно осознать различие между функциональным сознанием и чистым сознанием, у которого нет никаких функций – это просто зеркало. У зеркала нет функций, оно не утилитарно: даже когда вы смотрите в него, зеркало ничего не делает. Отражение спонтанно. Зеркало отражает, даже если вы этого не хотите – и зеркалу не нужно, чтобы вы стояли перед ним.

Дзен выражает это так: полная луна отражается в озере. Луна не имеет желания отражаться, но отражается – а озеро не хочет отражать ее, но все же отражает. Ни луна, ни озеро не принимают никакого участия в отражении. И луна, и озеро просто остаются собой – а отражение случается само по себе. Вы делаете свои дела; и только делая их, вы можете отделить функциональное сознание от чистого сознания.

Когда вы идете – знаете ли вы, что идете? Когда вы молчите – осознаете ли вы, что молчите? Когда вы едите – стоит ли рядом осознанность, которая наблюдает вашу функцию еды? Эта осознанность – великое просветление. У нее нет никаких функций, она не утилитарна, это не средство достижения какой-то цели. Она самодостаточна. Это такая удовлетворенность, такое глубокое удовлетворение собой и космосом, такое сильное позволение, что вам не приходится ничего делать. Просто быть – это больше, чем вы можете себе представить, – радость чистого бытия, блаженство чистого бытия.

Я каждый день прохожу мимо пруда Мукты – эти два лебеда просто наслаждаются двадцать четыре часа в сутки, ничего не делая. И они исполнены такого достоинства, такого глубокого удовлетворения... ни тени желания или амбиций – какого-то положения в обществе, успеха. Все это глупости. Они наслаждаются каждое мгновение, просто плавая в пруду.

Сознание – в точности то, что говорит Басё: “Сидеть в молчании, ничего не делая; весна приходит, и трава растет сама по себе”. Вот что он говорит: “Что касается меня, я ничего не делаю и ничего не желаю. Весна приходит сама собой, без приглашения. Трава начинает расти без всяких усилий с моей стороны. Я – просто наблюдатель, сидящий в молчании, я ничего не делаю”.

Эта неделающая осознанность, у которой в мире нет никаких функций, кроме простого блаженства, экстаза, опьяненности, – предельно центрированная в настоящем моменте... В этом вся суть идеи будд: заставить вас осознать, что внутри вас прячется нечто. Но, поскольку оно бесполезно, вам нет до него дела.

Мир состоит из утилитарности, а ваше сознание не утилитарно. Вы не можете заработать на нем, вы не можете его продать, вы ничего не можете с ним сделать. Это не энергия деятельности. Это просто бытие – энергия бытия, которая стоит как Эверест, безмолвно, многие века.

В этой истории Исан пытается заставить Кёдзана, своего ученика, осознать эту безуильную и бездеятельную “естьность” вашего существования. И это – величайшая красота и величайшая истина. Выше нее ничего нет.

Наш возлюбленный Мастер,

Исан сказал Кёдзану:

– Большинство людей на этой огромной земле, с их неограниченным причинно-следственным сознанием, не осознают той изначальной природы, на которую должны полагаться.

Люди сознательны, но очень поверхностно, в обычных вещах. Они функциональны и делают тысячи вещей, так что нельзя сказать, что они абсолютно бессознательны. Самое большее, их можно назвать поверхностно сознательными.

Согласно исследованиям психологов, используется только одна десятая вашего сознания. Девять десятых – в девять раз больше – просто остается в бездействии, и вы этого даже не осознаете. А это – ваше вечное сокровище. Это – ваше изначальное лицо. Это – ваша невинность. Все в вас умрет, кроме этого сознания, которое просто свидетельствует – как делает Басё. Сидя в безмолвии, он, несомненно, свидетель; ничего не делая, он – свидетель; весна приходит – он свидетель; трава начинает расти сама по себе – он свидетель; но он вовлечен не более чем свидетель. Это свидетельствование – последняя основа нашего существования. Это – наша вечность.

Исан сказал Кёдзану: “Можешь ли ты сказать, обладают они этим изначальным свидетельствованием, этим изначальным сознанием? Функциональное сознание я вижу; его может увидеть каждый”.

Кёдзан ответил:

– Я сталкивался с этой трудностью.

Человек кажется прекрасно осознающим, он делает вещи... как узнать, есть в нем изначальное сознание или нет? Сознателен ли он в сокровенной глубине сердца?

– Я сталкивался с этой трудностью.

Как раз в этот момент мимо проходил некий монах, и Кёдзан окликнул его:

– Джари!

Монах обернулся.

Кёдзан прокомментировал Исану:

– Вот пример обширного причинно-следственного сознания, не осознающего основы, на которую оно должно опираться.

Человек, которого окликнули, повернул голову. Очевидно, он немного сознателен; но осознает ли он, что обернулся? Поворот головы – просто функция; для этого требуется очень немного сознания. Но *осознает* ли он, что повернул голову? Если он осознает это, то он обладает изначальным сознанием, свидетельствованием. Если его сознания хватает только на то, чтобы обернуться, то это может сделать любой автомат, машина – а машина не может стать буддой.

Вы должны понять. Во времена Будды или Исана это было недоступно, но для нас это стало яснее. Компьютер может работать лучше, чем вы, гораздо более эффективно и без усталости. Но он может делать только то, чему он обучен. Когда появляется нечто новое, компьютер будет в замешательстве, потому что ему известны только готовые ответы. Вы можете поместить в него все библиотеки – он способен вместить в своей памяти все эти библиотеки, – и все, что содержится в этих библиотеках, станет содержимым его памяти. Если вы зададите вопрос, который содержится в памяти компьютера, он немедленно даст правильный ответ. Но если вы спросите что-то такое, чем не снабдили его заранее, компьютер будет молчать. Он не может ответить самостоятельно, потому что не обладает оригинальным сознанием.

Поэтому ваше поверхностное сознание не более ценно, чем автоматический механизм. Если назвали ваше имя, вы обернетесь и посмотрите – но *осознаете* ли вы, что назвали ваше имя и вы поворачиваетесь и смотрите? Только эта глубокая осознанность может

трансформировать вашу жизнь; в противном случае вы останетесь компьютером. Для чего создано все ваше образование? – для того, чтобы сделать из вас лучший компьютер, чтобы побольше набить вас информацией.

Что бы вы ни делали и что бы ни говорили, спросите себя: вы ли это, или ваша мать говорила вам делать так – или ваш отец, учитель, священник? Вы ли это, или кто-то другой манипулирует вами? И вы будете удивлены: вы никогда, ни одного раза не действовали спонтанно, вы всегда полагались на память. Память идет от других. Возможно, в ней есть что-то из вашего опыта, но ответ не должен приходиться из памяти, он должен исходить из вашей алертности.

Однажды некий человек задал Будде какой-то философский вопрос, и Будда ответил ему. Этот человек размышлял над ответом. На следующий день он снова пришел к Будде и сказал:

– Моя проблема не решена.

Будда попросил:

– Повтори свой вопрос, – и ответил совершенно иначе.

Этот человек был в растерянности. Он сказал:

– Вчера ты сказал одно, а теперь говоришь совершенно другое.

Будда ответил:

– Вчера было вчера, а сегодня – сегодня. Не верь мне: завтра будет завтра. Я отвечаю от момента к моменту. Это не вопрос памяти и времени; это вопрос моей тотальной доступности для тебя сейчас. Я не помню твоего вопроса и не помню своего ответа. Вчера закончилось. А сегодня такой прекрасный день – зачем беспокоиться о вчера и завтра? Давай встретимся друг с другом сейчас, в этот самый момент. Ты задаешь вопрос, мое зеркало готово отражать. Но я не могу обещать, что останусь последовательным завтра, потому что – кто знает? Все течет, все изменяется. То, что правильно в этот момент, завтра может стать неправильным.

Таково действие изначального сознания. Подлинный человек никогда не бывает последовательным, не может быть; последовательным может быть только мертвый.

Для меня это было сюрпризом: почти десять лет мы сражались с индийским правительством в вопросе, является ли наша школа обучающей, относится ли она к системе образования. У правительства не было ответа; они лишили нас статуса учебного заведения, не подлежащего налогообложению. В конце концов, высшие налоговые

инстанции пришли к заключению, что они не могут дать этот статус, пока я жив, потому что завтра я могу измениться. Я согласен с ними. Этот статус можно давать только мертвым, потому что, как бы они ни вертели в своих могилах, они ничего не могут изменить. Все стало мертвым. Тогда это приемлемо, rispetабельно. А живой и спонтанный человек опасен для статус-кво.

Когда я приехал в Америку, первым вопросом, который они задали мне, было: “Вы анархист?” Они уже завели на меня большое дело.

Я сказал:

– Вы производите впечатление разумного человека. Я могу сказать, что я не анархист, и завтра стать им, потому что мое сегодня не может ограничивать всю мою жизнь, создавать рабство. Так какой же смысл задавать такие вопросы? По крайней мере, последовательность – не мой путь. Если вам удобно, можете написать, что я не анархист и не коммунист – но, что касается меня, я – и то, и другое, и еще немного.

Он спросил:

– Еще немного?

Я ответил:

– Конечно – потому что Бакунин умер, Кропоткин умер, Маркс умер. Если бы они были живы, они многое изменили бы в своей философии. А я должен завершить эту работу; вот что значит “еще немного”.

Жизнь – всегда открытая река. Вы никогда не знаете, где она сделает поворот. Вы не можете взять у реки обещание, что она не повернет в таком-то месте. Природа никогда ничего вам не обещает. Обещание означает определенное ограничение, оно означает зависимость. Оно означает, что с этого момента вы соглашаетесь не жить. Когда вы говорите: “Я – христианин”, вы мертвы. Вы не можете выйти за пределы христианства или пойти против христианства. Даже если вы ясно видите, что что-то неправильно, вы должны держать рот на замке. Вы – христианин.

Когда вы принадлежите какой-то организации, религии, политической партии, вы должны отказаться от свободы мышления, вы должны стать слепым; вы не можете видеть, потому что вещи могут отличаться от вашей мертвой идеологии, которая все решила сотни лет назад.

Вы должны наблюдать... Сейчас вы слушаете меня. Осознаете ли вы, что слушаете? Отделитесь от функции слушания и свидетельствуйте: ваш механизм слушания функционирует, а вы – просто свидетель, наблюдающий это. Эта отделенность крайне необходима, потому что мы должны отделиться от всего мусора, что собрался вокруг свидетеля, чтобы этот свидетель стал абсолютно свободным в настоящем, без всякой идеологии, без всяких предубеждений, без всего – просто пустое зеркало. Тогда его способность отражать истину безмерна. Тогда его способность отражать красоту безмерна.

Кёдзан прокомментировал Исану:

– Вот пример обширного причинно-следственного сознания, не осознающего основы, на которую оно должно опираться.

Этот человек повернул голову, но не осознавал, что он сделал и почему он сделал это.

Я много раз рассказывал вам эту историю о Гаутаме Будде. Однажды, когда Будда шел по дороге из одного города в другой, он разговаривал с Анандой. Ему на лоб села муха, и он, занятый разговором с Анандой, согнал ее – как вы делаете это, автоматически. Затем он внезапно остановился, снова поднял руку – с великим изяществом, и сделал движение рукой. Ананда был в полной растерянности. Он сказал:

– Муха улетела. Что ты делаешь?

Он ответил:

– Я сделал это механически. Я разговаривал с тобой и предоставил функциональному, автоматическому уму отогнать муху. Но я не был осознающим. Я сделал это, но без подлинного осознания. Теперь я делаю это так, как это следовало сделать.

В другой раз он проходил через деревню, и тысячи жителей были против него, как это неизбежно бывает. Только ничтожных людей уважают; великие люди подвергаются великому осуждению. Враги собрались и начали поносить его самыми грязными словами. Он слушал, стоя безмолвно, как Басё. Эти люди почувствовали легкое замешательство – почему он ничего не отвечает?

Будда сказал:

– Заканчивайте свое дело, потому что я должен идти в другой город. И поразмышляйте вот о чем... В предыдущем городе люди любят меня; они принесли сладости, цветы и многочисленные подарки. Я не могу унести их – я не могу хранить вещи, – поэтому я

сказал тем людям, чтобы они шли обратно и раздали от меня эти сладости и цветы жителям деревни.

Теперь я прошу вас – вы пришли с оскорблениями, грязными словами, безобразными выражениями. Я не принимаю их. Вы пришли слишком поздно. Вам следовало прийти десять лет назад, и здесь было бы кровопролитие. Эти руки были руками воина. Если бы десять лет назад было сказано хотя бы одно слово из того, что вы наговорили, все эти головы катались бы по земле. Но, к счастью, вы немного опоздали. Теперь я не действую подобно автомату. Я вижу, что вы – невежественные люди, я вижу вашу бессознательность – и, если я не принимаю ваши оскорбления, вы не можете дать их мне.

Вам придется унести домой весь тот мусор, что вы принесли. Что вы будете с ним делать? Раздайте его от моего имени всей деревне. И если осталось еще что-то недосказанное – когда я буду возвращаться по этой же дороге, я специально останусь здесь на день. Вы можете стыдить меня, вы можете высказать сколько угодно лжи и жалоб, но помните: если я не приму это, ваша работа абсолютно напрасна. Вы говорите в небеса. Ваши слова не оставили на мне ни одной царапины. Я просто наслаждался. Спасибо. – И он ушел.

Ананда, его ученик – он тоже был воином, он был двоюродным братом Гаутамы Будды, – сказал:

– Я совершенно забыл о твоих идеях сострадания, доброты и любви. Я был готов отрубить им головы. Я так и искал меч – но я ничего не мог сделать в твоём присутствии. Я совершенно забыл.

Ананда оставался непросветленным, пока Будда не умер. Он стал просветленным после смерти Гаутамы Будды, на следующий день. И Будда сказал: “Пока я жив, ты будешь непросветленным. Твоя привязанность ко мне – это барьер. Твоя любовь ко мне – барьер. Ты не можешь забыть, что ты – мой двоюродный брат. Это мешает тебе стать учеником, так что твое ученичество – одно лицемерие. И я знаю, что ты беспомощен, ты ничего не можешь сделать. Ты стараешься сделать все, но стараться – это одно, а то, что возникает спонтанно, – совсем другое”.

И странно, что это действительно случилось в тот день, когда Будда умер. На следующий день Ананда не двинулся с места – он целый день сидел без пищи, без воды. Все хотели помочь ему. Это был такой удар, потому что в течение сорока двух лет он непрерывно служил Будде, днем и ночью, никогда не думая о себе; единственной его заботой было обеспечить Будду всеми возможными удобствами. Может быть, удар был слишком сильным. Он закрыл

глаза и сидел, как каменное изваяние. Но никто не осмелился потревожить его. Это было слишком деликатное дело. Только вечером следующего дня он открыл глаза и сказал: “В конце концов, он был прав. Теперь вы можете отрубить мне голову, но не можете даже поцарапать мое сознание”.

Итак, функциональное сознание – это одно; оно есть у всех. Вы должны найти более глубокого, изначального свидетеля, который может свидетельствовать ваше тело, ум, мысли, поступки, и все же оставаться вдали от любой привязанности или суждения. Это открытие – величайшее в истории сознания. Ни одно научное открытие в любой области – математике, логике или философии – не может быть более значительным, величественным и безусловным, чем открытие свидетеля. Этот свидетель делает вас буддой.

Исан заметил:

– Это капля львиного молока, из-за которой сворачиваются шесть галлонов ослиного.

Он говорит, что изначальное сознание – даже малая капля – настолько ценно, что заполнит океаны. Всего одно мгновение изначального сознания, простое и однократное столкновение с самим собой – и вы никогда не будете прежним. Вы будете совершенно новым человеком – тем новым человеком, о котором я говорю каждый день, чтобы просто напомнить вам, что этот новый человек готов родиться внутри вас. Ему нужно только чуть больше свидетельства.

Свидетельствование – это пища для беременного будды в вас. И когда эта пища с каждым днем проникает все глубже и глубже... однажды вы внезапно увидите: вам не нужно идти в центр; будда вышел встретить вас на периферии. Однажды вы можете вдруг проснуться буддой, и в этом пробуждении весь мир меняет свой колорит. Все приобретает иную красоту, святость, изящество. Звуки становятся нежнее и музыкальнее. Скромные полевые цветы становятся такими же ценными, как любые лотосы или розы.

Быть буддой – революция не только внутри вас, это революция самого вашего представления о мире, об отношениях, любви, дружбе. Эта революция тотальна. Она меняет все ваше восприятие, все ваши концепции. Она меняет все ваши старые механические привычки. Она впервые делает вас не роботом.

Как-то Исан заметил Кёдзану:

– Мы целый день спорили о дзен, и что мы получили от всего этого?

В ответ Кёдзан начертил линию в воздухе.

Исан прокомментировал:

– Если бы это был не я, он бы обманулся.

Кёдзан ответил необычайно ясно. Целый день спорить о дзен – все равно, что чертить линию в воздухе. Споры не могут привести вас куда-то, они не способны вести. Слова приводят к другим словам, и это – порочный круг. Вы можете спорить без конца, но это не приведет вас к центру вашего существа; споры так же тщетны, как надписи в воздухе. Вы еще не закончили писать, а надпись уже стерлась.

Исан сказал: “Ты абсолютно прав – поскольку я могу видеть, у меня есть глаза, чтобы видеть невидимое. Но любой другой мог бы обмануться. Он бы подумал, что в ходе дискуссии мы чего-то достигли; он не смог бы понять, что это за линия. Даже это движение – линия в воздухе – препятствие. Тебе следовало быть абсолютно безмолвным, потому что ничто не достигнуто, даже линия в небе. Если бы на моем месте был кто-то другой, он бы мог обмануться – подумать, что, продолжая спорить, вы мало-помалу можете постичь дзен, можете достичь буддовости.

Что касается меня, – сказал Исан, – это совершенно правильно, поскольку я понимаю, что линия в небе ничего не означает; но кто-то другой мог бы обмануться”.

Все это – процесс подготовки преемника. Кёдзан должен был стать преемником Исана. Исан готовит его к любым возможностям, с которыми ему придется столкнуться. Просто быть просветленным – недостаточно. Чистое просветление даст вам все радости мира, но вы станете абсолютно немым. Вы не скажете ничего, вы не найдете никакого способа выразить это.

Перед просветлением мастер должен подготовить людей, которые будут его преемниками, сделать их более искусными, развить в них способность облекать бессловесное в слова, трансформировать тишину в песни, абсолютно недвижимое – в танец. Лишь тогда он сможет что-то передать и принести слепому человечеству какую-то пользу.

По этой причине Будда делил своих просветленных на две категории. Все они были на равной высоте – здесь не бывает более низ-

кого или высокого качества, – все они принадлежали одной и той же космической реальности, коренной природе. Но он выделил две категории. Одну из них он назвал *архатами*; архаты – это люди, которые стали просветленными и остались в безмолвии; вторую категорию он назвал *бодхисатвами*. Они тоже стали просветленными, но их работа – передать людям нечто: некое средство, некие намеки относительно своего опыта.

Архатов называют *Хиньяна* – маленькая лодочка, в которой один человек может переправиться на другой берег. Конечно, он попадает на другой берег. А бодхисатв Будда назвал *Махаяна*; это огромный корабль, на котором тысячи людей могут переплыть на тот берег. Этот другой берег – тот же, но бодхисатва помогает многим. Архат не искусен; он простой, хороший, крайне смиренный человек, но он не произнесет ни единого слова о том, чего достиг. Для него говорить что-то – это слишком много. Он совершенно доволен, зачем ему говорить? И, в любом случае, каждый человек должен найти свой собственный путь, так зачем же без нужды беспокоить людей? У архата своя точка зрения.

Будде приходилось спорить с архатами и бодхисатвами, потому что и те и другие стали просветленными, когда он был жив. Это была постоянная борьба. У архатов был свой резон: вы не можете отрицать, что каждый должен искать свой собственный путь, так что передавать что-то людям не обязательно. Это может стать препятствием. Все писания стали препятствиями.

Ни один архат не оставил каких-либо писаний. Архат не двинет даже пальцем, чтобы показать на луну, потому что это опасно: люди могут привязаться к пальцу, думая, что это – луна. Он соблюдает полную тишину. Не думайте, что в нем нет сострадания; просто у сострадания тоже много способов выражения.

Он проявляет сострадание, не вмешиваясь в вашу жизнь, и он демонстрирует свое доверие: сущее как-нибудь приведет вас – не сегодня, так завтра, не завтра, так в следующей жизни. Вечность открыта; куда торопиться? “И если кто-то достаточно разумен, он может увидеть мою маленькую лодочку, плывущую к другому берегу. Это – достаточный намек. Если он не может его понять, значит, он не может понять ничего другого.”

Поэтому Будда, в конце концов, признал эти две категории равными, не выделяя, кто выше и кто ниже. “Архаты, – сказал он, – продолжайте свой путь безмолвия.” А бодхисатвам, который были готовы попробовать, он сказал: “Что в этом плохого? Вы стали про-

светленными, вы не можете потерять это – нет способа потерять это, – что же плохого в том, чтобы попытаться немного спровоцировать людей и бросить им вызов, создавая в них великий порыв и жажду? Вы можете работать над тысячами и, возможно, один будет готов; но даже это – очень много по сравнению с целой землей. Даже если маленькая свеча горит в самой темной ночи... ее свет и сияние велики, потому что она может подсказать другим поискать свечу – зачем жить во тьме?”

Бодхисатвы, ходящие среди толпы, подобны факелам – радостным, танцующим и полным изящества. Они будут пробуждать потребность, глубоко подавленный голод и жажду высшего.

Сосеки написал:

*Клочки белого облака
Носятся возле входа в пещеру,
Не мешая моему другу по дхарме,
Когда он приходит постучать в мою дверь.
Я никогда не находил способа
Скрыть, что не делаю ничего
День за днем.
Мы беремся за руки и ходим туда и сюда,
Туда и сюда.*

Таинственное стихотворение, но очень простое. Иногда простота более таинственна, чем сложность. Клочки белого облака...

Просто представьте – потому что дзенские стихи не для чтения, их нужно видеть. Представьте себе пещеру:

*Клочки белого облака
Носятся возле входа в пещеру,
Не мешая моему другу по дхарме...*

Кто этот друг? Мы всегда называли его буддой. Эти белые облака не могут помешать моему будде,

*...когда он приходит постучать в мою дверь.
Я никогда не находил способа
Скрыть, что не делаю ничего
День за днем.*

Он говорит, что эти белые облака не мешают ему быть буддой. Этот стук приходит не снаружи; вы не слышали стука, который раздается изнутри. Будда хочет выйти на поверхность. Довольно. Многие жизни, века, тысячелетия он жил, скрываясь в центре вашего существа. Приходит день, когда он тоже хочет посмотреть на восход и закат, увидеть звездную ночь и все прекрасные цветы мира.

Медитирующий, в конце концов, однажды слышит стук изнутри. Вы слышали только тот стук, что доносится снаружи, но однажды, посреди ночи, вы услышите, как кто-то стучит изнутри. Это очень странное ощущение. Не бойтесь, это ваш друг по дхарме. Это самое ваше существо, которое говорит: “Теперь ты готов: открой двери, позволь мне войти. Позволь мне возобладать – в твоих действиях, жестах, словах, безмолвии”.

Так что, если вы иногда слышите стук, не ошибитесь. Анандо слышит стук. Она думает, что кто-то стучит в ее дверь – скорее всего, я. А я заперт в своей комнате, и ключ – у Нирвано; я не могу оттуда выйти. А Анандо... Я снова и снова пытаюсь убедить ее, так что она начала думать: “Возможно, это стучит Майтрейя, который умер”, – он жил рядом с ней, он был ее соседом и большим другом, они обменивались газетами. “Быть может, по ночам, когда он лежит в холодной могиле, ему иногда хочется узнать, что происходит в мире. Возможно, это стучит он, такое бывает.”

Но, насколько я понимаю, главный вход заперт, все закрыто. Этот стук раздается внутри; но, поскольку вы никогда не слышали, чтобы он приходил изнутри, создается ошибочное впечатление, что он раздается снаружи.

Так что, Анандо, когда этот стук повторится в следующий раз, помни: он приходит не снаружи, от какого-то духа, святого или не святого. Здесь полно всяких духов; но это стучит твое собственное существо. Не подавляй его, не пытайся от него убежать. Прислушайся к нему. Чего оно хочет? Оно хочет выйти. Ваше существо хочет выйти в мир во всем его великолепии.

Сосеки говорит: “Ничто не может помешать другу, когда он стучит в мою дверь”.

Конечно, Сосеки волнуется: “Что он подумает? – потому что я никогда не находил способа скрыть, что не делаю ничего день за днем; я просто продолжаю ничего не делать”. Возникает легкое беспокойство: “Что подумает будда? Что это за отвратительный лентяй, который ничего не делает день за днем?..”

Но, в конце концов, *мы беремся за руки и ходим туда и сюда, туда и сюда* – с центра на периферию, с периферии в центр. Мало-помалу вы и будда становитесь одним, это не две сущности.

Когда вы становитесь менее защищенным, более тихим, уязвимым, когда вы полностью открываетесь, эти две руки – ваши. Тогда начинается новый танец – танец, красота которого неопишима. Тогда начинается опьянение, которое не от мира сего. Вы можете назвать это только божественным вином; именно так называют это суфии.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

Каждую ночь, прежде чем погрузиться в сон, я двадцать раз тихо повторяю слово “свидетельствование”, вызывая в памяти это пространство. Неизменно, первая или вторая мысль после пробуждения – это воспоминание о свидетеле.

Что происходит? Ум гипнотизируется, вспоминая свидетеля?

Маниша, первое: не нужно отсчитывать двадцать раз – продолжай повторять, ты должна уснуть, повторяя. Тогда это не будет первая или вторая мысль; это абсолютно точно будет первая мысль, когда ты проснешься – если ты непрерывно продолжаешь повторять “свидетельствование” и создаешь это пространство... не только само слово “свидетельствование”, но и то пространство, которое окружает это слово в твоей медитации. Просто продолжай – это пространство и это слово. Не считай, не будь такой скупой – двадцать раз...

Хорошо, что на моем месте не Ма Цзы, иначе он прямо отсюда прыгнул бы на Манишу и сделал бы ее пожизненным свидетелем – мертвым или живым, не имеет значения. Ты делаешь правильно. Не называй это гипнозом, потому что это слово было осуждено христианством. Это прекрасное слово, и весь этот процесс прекрасен – и все же, поскольку тебя растили христианкой, очень трудно избавиться от этого воспитания.

Так что, если ты называешь это гипнозом, христианский ум немедленно скажет, что ты делаешь что-то неправильное. Забудь о гипнозе; это медитация. Ты просто пытаешься заставить ум помнить, что первой мыслью после пробуждения должно быть свидетельство и все пространство свидетельства. Это прекрасный процесс.

Если ты, засыпая, продолжаешь повторять это слово и вспоминать это пространство, они войдут в твой сон. Ты спишь, но твой глубинный ум продолжает повторять их. Вся ночь становится медитацией. Утром, естественно, свидетельство будет первой мыслью, потому что всю ночь оно оставалось с тобой, как подводное течение.

Но не называй это гипнозом, хотя в этом слове нет ничего дурного; это другое название медитации. Но христианство нанесло миру большой ущерб: этот феномен, который может открыть в человеке множество тайн, который может вылечить множество умственных болезней, избегается. Из-за христианства... другие религии тоже стали подражать ему, потому что христианские государства, к несчастью, во всем мире стали великими империями. Поэтому, даже если страны не были христианскими, все равно – модель образования, общая атмосфера, созданная христианской империей, вошла в индуистов, мусульман, буддистов.

Это бедствие не только для христиан, это всемирное бедствие – но для христиан еще большее, и особенно для Маниши. Ее учили в христианской школе, ее готовили быть сестрой милосердия, потому что это добродетель: ухаживать за больными – великая добродетель, вы получите очень большую награду на небесах.

Поэтому, чем больше больных, тем лучше – особенно для христиан. Чем больше сирот, тем лучше для матери Терезы и Папы-поляка – их можно обратить в христианство. Чем больше в мире нищеты, тем лучше для христианства, потому что обратить можно только нищих.

Ни одному богатому буддисту даже во сне не придет в голову обратиться в христианство. Христианство – такая заурядная религия, настолько детская и глупая, что ни одного культурного индуиста, мусульманина или христианина – да, я включаю сюда и интеллигентных христиан – не может убедить христианская теология. Человек просто формально утверждает, что он – христианин.

Я был в Греции. Амрито здесь; я спросил ее, каков процент греческой ортодоксальной церкви в стране. Она сказала мне, что около девяноста процентов населения – ортодоксальные христиане, но только четыре процента христиан посещают церковь.

А что же остальные восемьдесят пять процентов? Они только формально – христиане. Ни один разумный человек не может принадлежать такой третьесортной религии, как христианство. Оно зависит от бедных, от сирот – и ради того, чтобы создать больше сирот и нищих, оно против контроля над рождаемостью.

Это странное явление, учитывая ситуацию в мире: население будет убивать само себя; человек будет убивать человека, есть человек. К концу этого столетия наступит момент, когда люди по милости христианства станут людоедами.

Глубоко в бессознательном Маниша хранит христианское воспитание.

Поэтому не нужно пользоваться словом “гипноз”. Вообще, это прекрасное слово, такое же прекрасное, как слово “медитация”. Это синонимы, но лучше избегать его. Медитируйте и не считайте, потому что, если вы считаете, кто тогда медитирует? Если вы считаете, кто свидетельствует? Не считайте, потому что ваш свидетель потеряется в счете. Пространство свидетельствования будет утеряно.

И куда спешить? Сон придет сам по себе. Просто продолжайте наслаждаться пространством свидетельствования и позвольте сну слиться с ним. Несколько мгновений вы будете слышать далекий отзвук, а затем полностью забудете о свидетельствовании. Но оно будет продолжаться, как подводное течение. Шесть или восемь часов сна вы можете превратить в необычайно плодотворную медитацию.

И залог успеха в том, что первая мысль, когда вы открываете глаза – или даже до того, как вы их открываете: когда вы осознаете, что сон закончился, – первой мыслью, с которой вы встретитесь, будет последняя мысль, которую вы оставили до того, как погрузиться в сон. Это означает, что есть связь; это подспудно течет, не прерываясь, с вечера, когда вы еще бодрствовали, до утра, когда вы снова проснулись.

Ты занимаешься прекрасной медитацией. Тебе нужно только отбросить две вещи: не считай и не называй это гипнозом.

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Направьте на него свет! Хорошо! Только посмотрите на этот тюрбан. Он приходит с такой великой радостью. Однажды он и мне принес тюрбан. Он хотел, чтобы я пришел в аудиторию в тюрбане.

Я сказал: “Это будет слишком! Правительство и так подозревает, что я создаю беспорядки в Пенджабе. Я не выхожу из своей комнаты, но правительственные детективные агентства все время интересуются, какова моя позиция относительно Пенджабской проблемы. Если я приду в этом фантастическом тюрбане, это создаст ненужные сложности”.

Но он приходит, как жених на праздник. Мне приходится искать для него анекдоты. Я не знаю... он очень древний, он может перекинуться в любой день. Но мы посадим на его место чучело в тюрбане – я обещаю, – потому что без него мне не захочется рассказывать анекдоты!

Нэнси Рейган возле бассейна в Белом Доме болтает со своей лучшей подружкой Эстер Майндбендер.

– Жизнь ужасна, – всхлипывает Нэнси. – Особенно с тех пор, как Рональд стал импотентом на *четыре*ста процентов... в моей жизни не осталось ничего!

– Погоди-ка, – говорит Эстер. – Сто процентов импотенции – это достаточно плохо, но *четыре*ста?

– Ты не понимаешь, – хнычет Нэнси. – Он стал стопроцентным импотентом, когда на скачках лошадь Джона Уэйна лягнула его по яйцам. Но на прошлой неделе, – продолжает Нэнси, – он упал со своего вращающегося стула, сломал обе руки и прикусил кончик языка!

Колокола Ватикана медленно вызванивают печальную весть: “Папа-поляк умирает”.

Верующие католики собрались на площади святого Петра помолиться за своего польского понтифика, и кардинал Катзасс начинает совершать особый обряд.

– Послушайте, – говорит Катзасс толпе. – Я хочу, чтобы кто-нибудь из вас пожертвовал часть своей жизни богохранимому Поляку – то есть Папе.

Миссис Хлорекс выходит вперед, воздевает руки и кричит:

– Я отдам неделю своей жизни Папе-поляку!

Раздается оглушительное одобрение. Затем выходит отец Фамбл:

– Я жертвую два дня своей жизни Папе-поляку! – кричит он.

Толпа выражает одобрение.

В это время на площади с группой еврейских туристов появляется Мойше Финкельштейн. Он тут же начинает размахивать руками и кричать:

– Я жертвую двадцать лет жизни...

– Что? – вмешивается его друг Хаим. – Ты что, сумасшедший? Так много – а ведь ты еврей!

Мойше смотрит на Хаима и продолжает:

– ... жизни моей тещи!

Каждую пятницу Нелли сбегает из психбольницы и начинает голышом носиться по лесу, окружающему лечебницу.

Каждую пятницу Чокнутый Лэрри, Псих Мелвин и Безумный Карл наблюдают, как она скидывает с себя одежду и исчезает за забором.

Каждую пятницу Эгский, больничный охранник, посылает трех чокнутых вернуть голую Нелли.

На этот раз они ходят слишком долго, поэтому Эгский решает пойти за ними. Он входит в лес, и мимо него тут же пронесется голая Нэнси с широкой ухмылкой на лице. Затем Эгский видит Чокну-

того Лэрри и Безумного Карла, которые преследуют ее, обливаясь потом.

Через пару минут, тяжело дыша, подтягивается Псих Мелвин. В обеих руках у него – по ведру с песком.

– Эй, Мелвин, подожди минутку! – кричит Эгский. – Что ты делаешь, зачем ты бегаешь с этими ведрами? Как, черт возьми, ты собираешься поймать с ними Нелли?

– Понимаете, – задыхаясь, говорит Мелвин, – сегодня моя очередь носить песок, потому что я поймал ее на прошлой неделе!

Вы поймете это в свое время!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза. Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь со всем своим сознанием, с такой настоятельностью, как будто это ваш последний миг на земле. Лишь с такой настойчивостью вы можете совершить квантовый скачок с периферии в центр.

Глубже и глубже... когда вы начинаете приближаться к центру, вся атмосфера Аудитории Будды меняется. Великая безмятежность, тишина начинают нисходить вместе с цветами радости и мира.

Помните только одно: в центре вы – не что иное, как свидетель: свидетель тела, свидетель ума, свидетель всего того великолепия, которое вы переживете в центре. В центре все вы – будды. Аудитория Будды – место встречи будд.

В этот момент вы соединены со своей вечностью. В этот момент вас больше нет. Аудитория Будды стала озером чистого сознания без всякой ряби.

Радуйтесь: вы благословенны – потому что весь мир забыл красоту источника жизни, блаженство подлинного лица, безмерное блаженство и благословение исчезновения в океане – подобно тому как капля росы соскальзывает с листа лотоса в океан и становится океаном.

Сделай это абсолютно ясным, Ниведано...

Расслабьтесь. Но продолжайте помнить, что вы – свидетель.

Тело – не вы, ум – не вы. Вы – не что иное, как чистый свидетель. Это единственная часть в вас, которая бессмертна; все остальное – прах.

Этот вечер сам по себе был прекрасен, но вы принесли ему безмерную красоту и изящество тем, что были в источнике своего существования. Вы сделали его незабываемым.

Вы видите повсюду шутихи... их запускают в честь великого медитирующего, Махавиры.

Он достиг просветления в безлунную ночь. Эта ночь приближается. И этот праздник огней в Индии посвящен памяти Махавиры.

Он достиг просветления.

Просветление есть не что иное, как праздник огней.

Внутри себя вы несете будду во всей его славе и великолепии. Все дело вашей жизни – это привести будду из сокровенного центра на периферию вашей деятельности, в ваши песни, в ваши танцы, в ваши обычные дела и функции. Рука об руку, отведите будду обратно, и скоро вы обнаружите, что медленно таете, и будда занимает ваше место.

Это день великого праздника – когда вас больше нет, и есть только будда. Соберите это прекрасное пространство и цветы, осыпаящие вас, потому что скоро Ниведано позовет вас назад.

Будьте готовы.

Убедите будду пойти с вами. Он никогда никому не отказывал. Он всегда готов идти – всего лишь изящное приглашение, молитвенный подход...

Ниведано...

Вернитесь, но вернитесь как будды, с великой тишиной, покоем, безмятежностью, изяществом.

Посидите на своих местах несколько мгновений, чтобы вспомнить, что происходило в центре – на что это было похоже, какой у этого был вкус, и по какому золотому пути вы прошли вперед и назад, потому что вы должны ходить по нему. Он будет становиться все короче и короче с каждым днем, и однажды, из ничего, центр и периферия станут одним.

Вы – периферия; будда – центр.

В день, когда они встречаются, рождается новый человек.

Этот новый человек будет славой мира.

Этот новый человек создаст новый мир спонтанности.

Этот новый человек – единственная надежда.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

VII СИНЕЕ НЕБО

1 декабря 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Как-то раз двое монахов, пришедших в монастырь Исана из соперничающей общины, заметили:

– Здесь нет ни одного человека, который может понять дзен.

Позже, когда все монахи пошли собирать дрова, Кёдзан увидел, что они отдыхают. Он поднял одно полено и спросил их:

– Можете ли вы сказать об этом?

Оба безмолвствовали; Кёдзан прокомментировал:

– Не говорите, что здесь нет никого, кто может понять дзен.

Вернувшись в монастырь, Кёдзан сказал Исану:

– Сегодня я разоблачил двух дзенских монахов.

– Как? – спросил Исан, и Кёдзан рассказал ему.

Исан прокомментировал:

– Сейчас я так же разоблачил тебя.

Маниша, дзенская встреча – не в словах. Встреча в дзен – это общение в безмолвии. Когда встречаются два дзенских мастера, тот, кто заговорит первым, теряет свой статус. Могут проходить дни; они могут вместе есть, смотреть на красоту заката, утра, звездной ночи; но никто не скажет ни одного слова. Не говоря ни слова и оставаясь просто зеркалом...

Зеркало никогда не говорит ничего об отражении, так же, как и озеро. Луна может быть прекрасной, луна отражается; озеро должно танцевать от радости.

То же самое в случае с сознанием. На высочайшем пике сознания слова остаются далеко внизу – вы как будто поднялись над облаками. Как только вы привнесли какое-то слово, вы испортили сообщение.

Дзен – единственное учение в мире, которое полностью отбросило слова, язык, писания. Эта небольшая история покажет это вам. На первый взгляд, в ней не так много смысла, но в глубине она обладает всем тем смыслом, каким может обладать истина, той же красотой, какую может иметь Бог.

Эта история проста. Дзен не верит в сложность, в ненужный лингвистический жаргон. Он прямо указывает на факт, не прибегая даже к помощи слов, потому что слова не могут помочь вам. На самом деле, слово – это барьер. Уберите слово, допустите состояние без слов, состояние не-ума, и все становится таким кристально ясным и прозрачным, каким оно было от вечности. Просто ваши глаза были затуманены словами... ваш ум накопил так много мусора, который вы называете религиозным. Фактически, любой мусор религиозен, и наоборот.

Функция дзен в том, чтобы без раздумий отсечь весь этот хлам одним ударом, как мечом; и все небо – ваше, вся вселенная – ваша.

Как-то раз двое монахов, пришедших в монастырь Исана из соперничающей общины, заметили:

– Здесь нет ни одного человека, который может понять дзен.

В дзен были соперничающие монастыри. Это началось в тот день, когда умер Будда: немедленно возникли тридцать две школы, и эти тридцать две школы говорили нечто существенно истинное – но это была неполная истина. Наверное, язык вообще не может высказать всю истину. В ней так много граней – вы можете охватить только одну грань, – она настолько всепоглощающа и всеохватна, что вы забываете, что это – не вся истина; вы только прикоснулись к ее краю.

Первой заботой монахов после смерти Гаутамы Будды было собрать все случаи, высказывания, притчи для будущих веков – но они не могли согласиться друг с другом. Среди них было сто просветленных, но даже они не были готовы согласиться между собой. В итоге образовалось тридцать две школы, а потом стали возникать новые ветви и подветви... и буддизм превратился в огромное дерево с необъятной кроной.

Так что не думайте, что эти соперничающие монастыри были врагами. Слово “соперник” создаст у вас неверное впечатление. Монастыри-соперники просто говорят: “Таков *наш* путь, на котором мы нашли истину”. Они не отрицают ваш путь, они не говорят, правилен он или нет; они ничего не говорят о вашем пути. И это был прекрасный метод обучения. Мастера даже посылали своих учеников к мастерам-соперникам: “Ты должен знать, что у истины есть и другие стороны; у меня нет на нее монополии”.

Это совсем другой и очень сострадательный подход. Обычно, христианин не пошлет своих учеников поучиться у мусульманского суфия или буддийского монаха. Это уже принято: “Истина – у нас. Если кто-то другой заявляет, что у него есть истина, он ошибается”. Христианство и индуизм, мусульманство и иудаизм пали очень низко. Вы можете провозгласить свою истину, но не можете объявить на нее монополию; но все *pretendуют* на эту монополию.

Христианин может принять, что Будда, возможно, осознал истину, “но наш путь гораздо лучше, гораздо короче”. Он просто уступает, потому что хочет сосуществования в мире. Сосуществование допускает соперника, но не позволяет ему иметь превосходство: другие тоже хороши, но не настолько.

Дзен с самого начала принял другой подход, более гуманный, более экзистенциальный, более истинный. Дзен не хочет приспособить истину к себе; он сам хочет приспособиться к истине. Человек дзен готов отдать все – он готов выбросить все свои условности, писания, статуи. И он понимает, что истина – такое огромное явление, что никто не может претендовать на ее полноту.

Мы привыкли к аристотелианской логике, которая очень бедна, потому что допускает только “да” или “нет”. Это просто, ясно. Если кто-то спрашивает вас: “Что вы думаете о Боге?”, вы говорите либо: “Да, Бог есть”, либо: “Нет, Бога нет”. Увы, реальность не так проста.

Логика Гаутамы Будды имеет четыре деления, не два. Если вы спрашиваете о Боге Будду, его логика четырехмерна. Он скажет: “Да, Бог есть”; “Нет, Бога нет”; “И да, и нет”, и четвертое, *анирвачания, авьякхья* – то, что нельзя сказать.

Это покажется очень запутанным; вы не сможете получить правильное направление – куда идти? Да, или нет, или и да, и нет, или то, что нельзя сказать...

Махавира пошел еще дальше. Его логика максимальна – в ней семь измерений. Да, нет, и да, и нет, то, что нельзя сказать – эти четыре измерения принял Будда. Махавира идет немного глубже: да и то, что нельзя сказать; нет и то, что нельзя сказать, и седьмое – невыразимое.

Эти различия очень показательны. Они говорят о том, что эти люди не заботились о философии, они больше заботились о том, чтобы принести вам как можно больше истины с возможно большего числа сторон. Вот почему последний пункт всегда *анирвачания* – то, что нельзя сказать. Вы должны пойти в то место внутри вас, куда не может проникнуть ни одно слово, и из этой точки вы не можете

вынести никаких объяснений. Вы можете принести опыт. Вы преобразитесь, вы возродитесь, но не сможете вынести оттуда философию. Вы будете новым существом, новой радостью, новым смехом. Новые цветы расцветут в вас, но все, что вы можете делать – это петь, танцевать, играть на своей флейте. Слова – самое низкое в том, что касается опыта.

Как-то раз двое монахов, пришедших в монастырь Исана из соперничающей общины, заметили:

– Здесь нет ни одного человека, который может понять дзен.

Конечно, обычный ум всегда думает: “Я выше, я разумнее. Я обладаю большей истиной”.

Позже, когда все монахи пошли собирать дрова, Кёдзан увидел, что они отдыхают. Он поднял одно полено и спросил их:

– Можете ли вы сказать об этом?

Оба безмолвствовали; Кёдзан прокомментировал:

– Не говорите, что здесь нет никого, кто может понять дзен.

Вы не можете объяснить даже полено; что вы можете сказать о дровах?

Один из самых значительных философов этого века, Дж. Э. Мур, написал книгу “Что есть добро?” всю свою жизнь он искал смысл добра. Его окончательный вывод – после двухсот пятидесяти страниц долгих рассуждений о добре, – в конце он приходит к выводу, что добро неопределимо.

Это именно то, что говорит Будда: *анирвачания*. Это означает неопределимое. Именно это говорит Махавира: *авьякхья* – неопределимое.

Но после двухсот пятидесяти страниц очень сложных доказательств... и в самом конце он говорит, что вы не можете ничего определить. Например, если кто-то спрашивает вас: “Что такое желтое?”, что вы скажете? Вы скажете: “Желтое – это желтое”, но это вряд ли можно назвать ответом.

Когда вы приблизитесь к реальности, вы станете безмолвны. Даже такие слова, как “желтое” становятся неопределимыми. Дрова? – что вы можете о них сказать? Что вы можете сказать такого, что не было сказано раньше?

Два монаха безмолвствовали; Кёдзан прокомментировал: “Не говорите, что здесь нет никого, кто может понять дзен. Возьмите свои слова обратно”.

Вернувшись в монастырь, Кёдзан сказал Исану, мастеру:

– Сегодня я разоблачил двух дзенских монахов.

– Как? – спросил Исан, и Кёдзан рассказал ему.

Исан прокомментировал:

– Сейчас я так же разоблачил тебя.

Это нужно понять – потому что сам Кёдзан на пути, он не достиг. Что он знает о просветлении? Что он знает об обличении людского невежества? Если вы начинаете обличать людей и приходите с таким гордым видом, как будто сделали великое дело...

Он пришел к мастеру Исану, чтобы тот похвалил его. Но Исана так легко не обманешь. Исан сказал ему: “Сейчас я так же разоблачил тебя. Ты так же глуп, как эти двое монахов. Ни они, ни ты не знают, что такое безмолвие”.

А истина – это абсолютно безмолвное состояние, настолько безмолвное, что вы почти исчезаете, настолько тихое, что вы просто становитесь осознанностью – нет ни тела, ни ума, все осталось позади; в прекрасной тишине, окружающей вас, есть лишь маленькое пламя осознанности. Об этом ничего нельзя сказать.

Несколько дней назад вы, наверное, слышали фейерверки. Люди не понимают, они забыли, зачем мы устраиваем все эти огни. В эту ночь Махавира стал просветленным. Махавира – исключение, потому что все будды становились просветленными в ночи полнолуния; Махавира стал просветленным в безлунную ночь. Нельзя ничего сказать – лишь тысячи свечей в честь Махавиры. Миллионы свечей по всей стране – это Праздник огней.

Если кто-то спрашивает вас: “Что есть истина?”, покажите ему свое безмолвие. Покажите ему свой аромат, свою любовь. Поделитесь с ним своим присутствием.

О Лао-цзы рассказывают... Каждое утро он ходил гулять в горы. Сосед спросил его:

– Можно мне пойти с тобой?

Лао-цзы сказал:

– Эта дорога не принадлежит мне. Но, если ты хочешь пойти со мной, есть условие: не говори ни слова.

Соседу это удалось. Он много получил, когда в молчании пришел в глухой лес. Присутствие Лао-цзы постепенно становилось все более и более интимным. Вскоре он понял, почему Лао-цзы поставил условие не разговаривать, потому что разговор нарушил бы это великое благословение, это огромное блаженство, которое росло в сердцах обоих – эти маленькие огни, это блистание света.

Но однажды сосед спросил Лао-цзы:

– Ко мне на несколько дней приехал друг. Можно мне взять его с собой?

Лао-цзы ответил:

– С тем же условием.

Но друг не понял, что к этому нельзя относиться небрежно. Он, сколько мог, хранил молчание, но было много моментов, когда он готов был что-то сказать, но сдерживался. А когда начало всходить солнце, это было так красиво – и эти песни птиц, – что он не смог удержаться. Он забыл условие и сказал:

– Какое прекрасное утро!

Это было слишком... Но Лао-цзы посмотрел на своего соседа. Вернувшись домой, Лао-цзы сказал:

– Твой друг не может ходить со мной: он слишком много говорит.

Сосед возразил:

– За два часа он сказал всего одну фразу: “Какое прекрасное утро!”

Лао-цзы сказал:

– Ты слышал только то, что он сказал вслух, ты не слышал того, что он говорил про себя и контролировал. Из-за него испорчено все мое утро. И если он чувствует, что утро прекрасно... разве мы слепые? Мы тоже видим, что утро прекрасно; какой смысл говорить это? Кому он говорит?

Бывают моменты, когда вы внезапно чувствуете расширение сознания. Это может случиться, когда вы слушаете великую музыку, великую поэзию, или смотрите на великую картину, или просто медитируете, сидя в безмолвии, ничего не делая.

Никто не может превзойти Басё – ни один поэт в целом мире, ни на одном языке, – когда он говорит: “Сидеть в безмолвии, ничего не делая; весна приходит, и трава растет сама по себе”.

Просто научитесь быть безмолвными, без малейшей ряби в сознании, и вы – будда. Это небольшое препятствие языка – единствен-

ное. Если его нет, каждый человек – будда. поэтому я говорю: быть буддой очень просто.

Однажды, поняв, что барьер – только в языке, я отбросил его. И если весна приходит для Басё, она приходит и для меня. Если трава растет сама по себе, о чем волноваться? Я просто обосновался в своей буддовости.

Не нужно делать никаких усилий; все усилия нужны, чтобы уничтожить усилия, утомить вас, привести к моменту, когда вы падаете, совершенно мертвый от усталости – “Хватит!” Это миг когда новый жизненный источник, новая звездная ночь, новые розы начинают расцветать вокруг вас.

Сосеки написал:

*Все тревоги и беды
Ушли из моей груди,
И я радостно играю
Вдали от мира.
Для человека дзен
Не существует границ.
Синее небо должно стыдиться,
Что оно так мало.*

Только человек дзен, только человек просветления может сказать это:

*Синее небо должно стыдиться,
Что оно так мало.*

Ваше сознание стало таким необъятным, и в этой необъятности, в этой океаничности кто будет заботиться о тривиальном – правильно ли повязан ваш галстук? Кому нужны эти мелочи? А все наши тревоги – о мелочах. Вы никогда не тревожитесь о чем-то великом. Оглянитесь – и вы не найдете ничего такого, о чем могли бы сказать: “Как здорово, что я об этом позаботился”, – сплошные мелочи.

Мулла Насреддин всегда покупал туфли, которые были ему малы – на размер меньше. Он постоянно ворчал и жаловался всем:

– Я умру от этих туфель!

Люди говорили:

– Почему бы тебе не поменять их?

Когда он в следующий раз пришел в обувной магазин, чтобы поменять их, он снова спросил тот же размер. Сапожник сказал:

– Ты что, сумасшедший? Эти туфли всегда создают тебе проблемы.

Мулла Насреддин ответил:

– В этом есть великая философия. У меня так много проблем; эти туфли занимают меня, и все остальные тревоги становятся ничтожными. Я должен ходить в этих туфлях. Единственный способ избежать остальных забот – создать еще большую. Это так просто. А вечером, когда я прихожу домой и снимаю их... Боже, какое облегчение! Эти туфли – моя единственная надежда найти в жизни какое-то облегчение.

Маниша спросила:

Наш возлюбленный Мастер,

То время, когда ты не с нами – имеет ли оно какое-то значение в твоей работе с нами?

Маниша, все, что происходит здесь, имеет свой смысл. Вы должны научиться моему присутствию и моему отсутствию, и вы должны прийти в точку, где присутствие или отсутствие не важны. Вы не должны привязываться к моему присутствию.

Вот почему Гаутама Будда говорил своим ученикам: “Если я прихожу в вашу медитацию, немедленно отрубите мне голову. Не цепляйтесь за меня, иначе я стану барьером”.

А любовь между учеником и мастером – самая близкая, последняя. Вы должны научиться моему отсутствию; вы должны радоваться моему отсутствию так же, как радуетесь моему присутствию, потому что я не могу остаться здесь навсегда. И не откладывайте, потому что в любой день...

Что касается меня, моя работа полностью завершена. Если я еще продолжаю, то только из любви к вам. Но вы должны учиться моему отсутствию, потому что дни моего присутствия будут сокращаться. С каждым днем мое присутствие будет уменьшаться; дни моего отсутствия будут увеличиваться.

Я не собираюсь снова возвращаться в тело; это – последний раз. Вы должны стать одинаково тихими, любящими, медитативными со мной и без меня. Разница между моим отсутствием и присутствием должна полностью исчезнуть.

Маниша задала еще один вопрос:

Наш возлюбленный Мастер,

История о том, как Будда механически смахнул муху, непонятна. Неужели он все еще мог сделать что-то, не будучи сознательным, механически? Я думаю, что, однажды став просветленным, человек не может избежать сознательности во всем, что он делает, двадцать четыре часа в сутки.

Маниша, ты задала правильный вопрос.

Я разговаривал с буддийскими монахами на их собраниях. Глава буддистов в Индии, Ананд Каузальяян, был очень озадачен этой историей, потому что она нигде не записана. Но даже он не смог задать правильный вопрос. Он спросил меня:

– Где это написано?

Я ответил:

– Это неважно. Вы можете написать ее!

Но он сказал:

– Это прекрасная история, она хорошо проясняет суть механического поведения и сознательного поведения. – Но даже он не смог задать правильный вопрос.

Твой вопрос гораздо важнее. Я надеялся, что когда-нибудь кто-то задаст его. Это правда: однажды став буддой, вы всегда будда. Тогда как я объясняю эту историю?

Это было сделано для Ананды, который шел с ним. И в первом случае он действовал не механически, он просто сыграл механичность – полностью осознавая это. А затем он остановился и снова махнул рукой. Ананда спросил:

– Что ты делаешь? Муха улетела.

Будда сказал:

– В первый раз я сделал это механически; это было неверно. Я продолжал разговаривать с тобой. Когда я отгонял муху, мне следовало быть более сознательным, более изящным, более любящим. Именно это я делаю сейчас. Мухи нет, но то, что я должен был сделать – и упустил ситуацию... Я наверстываю упущенное.

Насколько я знаю, Будда не мог действовать механически. Он сыграл механичность для Ананды, чтобы сделать ясное различие между сознательным действием и бессознательным – и он сделал

это действительно красиво. Но в буддийских писаниях этого нет. Что делать? – история так красива, что она должна быть.

Я записал ее в своей книге по “Дхаммападе”. В конце концов, Будда вообще ничего не писал. Все, что написано кем-либо, написано после Гаутамы Будды – кто-то написал это на следующий день, кто-то – на следующий год. Я пишу через двадцать пять веков! Живая река должна течь в новые земли, на новые пастбища. Как только она перестает течь, она застаивается и умирает.

Теперь – время Сардара Гурудаяла Сингха. Он ждал так долго. Вот он пришел – во всей своей славе, с радужным тюрбаном на голове. Я беспокоился, увижу ли я его. Но он очень упрямый малый: он сидит на своем месте в своем великолепном тюрбане, ожидая своего времени.

У Папы-поляка ужасная проблема: он мочится в постель. Его так беспокоит эта привычка, что он обращается к доктору Филгуду, психиатру.

– Садитесь, ваше святейшество, – говорит Филгуд, – и расскажите мне об этом.

– Знаете, – говорит Папа-поляк, – каждую ночь, когда я засыпаю, мне снится маленький красный чертик с рожками и хвостом, который говорит: “Папа, пора делать пи-пи”. А потом я просыпаюсь и вижу мокрую постель!

– Очень интересно, – говорит доктор. – Но это очень легко вылечить. Когда этот маленький красный чертик в следующий раз придет к вам во сне и предложит помочиться, скажите: “Нет, Дьявол! Мне не нужно писать – я *не хочу писать* – и не буду!”

– Какая мысль! – говорит Папа-поляк, благодарит Филгуда и возвращается в Ватикан. Как и следовало ожидать, этой ночью, когда Поляк засыпает, маленький красный чертик с рожками и хвостом снова приходит к нему и говорит:

– Эй, Папа, пора делать пи-пи!

Но Папа отвечает:

– Нет, Дьявол, мне не нужно писать – я *не хочу писать* – и не буду!

– Ага! – говорит чертик. – Так ты не хочешь пи-пи? О’кей – сегодня мы будем делать *ка-ка!*

Отец Фингер и старый отец Фангус пробуют новое общинное вино после святой мессы. Через час и две бутылки они приходят в полный восторг, и отец Фингер предлагает прокатиться по парку.

Отец Фингер садится на свой мопед, старый отец Фангус взбирается на заднее сиденье; оба совершенно пьяны. Они носятся по улицам города со страшной скоростью, как летучие мыши из преисподней. Отец Фингер поднимает руки и кричит:

– Смотри! Без рук!

Как раз в этот момент они проезжают мимо офицера полиции, медленно курсирующего на своем мотоцикле.

Коп стаскивает с мопеда священников, улавливает сильный запах вина и достает блокнот и ручку.

– Штраф – пятьдесят долларов, отец, – говорит он. – Вы сняли руки с руля, и к тому же вы пьяны.

– Но, офицер! – причитает отец Фингер. – Я молился, и Бог вел мой мопед!

– Хорошо, – улыбается коп, выписывая квитанцию. – Тогда с вас штраф в сто долларов – за то, что на мопеде ехало *трое* пьяных!

Джонни, маленький сынишка фермера Маффина, прибегает домой в слезах. Его руки и ноги покрыты пчелиными укусами.

– Что с тобой случилось? – спрашивает фермер Маффин.

– Слушай, папа, – ревет Джонни, – я проходил по полю мимо ульев, а эти пчелы вылетели и стали меня жалить!

– Чепуха! – говорит фермер. – Пчелы никогда не жалят просто так. Наверное, ты дразнил их.

– Нет, папа, правда! – хнычет Джонни. – Я просто проходил мимо, а они вылетели и стали меня жалить!

– Ты врешь! – говорит фермер Маффин. – И чтобы доказать это, можешь привязать меня голым к яблоне рядом с ульями и оставить там до вечера. Держу пари, что меня не ужалит ни одна пчела.

– Хорошо, папа, – просияв, говорит Джонни. Затем он привязывает голого отца к дереву и убегает играть.

Весь день Джонни слышит вопли и крики, но не подходит к отцу, чтобы как следует его проучить. Вечером он идет освободить отца.

– Что значат все эти крики, папа? – хихикает Джонни. – Они как следует покусали тебя?

– Ни одна пчела меня не тронула! – стонет фермер Маффин. – Но видишь того теленка? Он весь день думал, что я – его мама!

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.

Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.

Теперь посмотрите внутрь со всем своим сознанием и с настоятельностью, как будто это – последний миг вашей жизни.

Центр вашего существа недалеко. Все, что вам нужно – это тотальная настойчивость.

Глубже и глубже, как копьё... чем глубже вы идете в свое существо, тем глубже проходите в существование.

В этот момент вы – будда, а быть буддой – значит достичь высшего потенциала вашего существа. Семя расцветает и становится голубым лотосом.

Это тело – будда, эта земля – лотосовый рай.

Оставайтесь свидетелем. Это – единственное, что вечно в вас. Все смертно, кроме свидетельствования.

Свидетельствование – это другое название будды.

Сделай это яснее, Ниведано...

Расслабьтесь, но оставайтесь свидетелем.

Вы – не тело, вы – не ум; вы – чистое сознание.

И скоро вы обнаружите, что у вас нет никаких границ.

Аудитория Будды становится озером сознания без ряби.

Соберите как можно больше цветов, что невидимо цветут вокруг вас, как можно больше аромата... И помните, что будда должен постепенно выйти на периферию вашей жизни, в вашу обычную повседневную работу.

Тогда даже эта работа становится медитацией.

Все, что сделано осознанно – медитация.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше этого чистого пространства. Принесите с собой этот танец, эту музыку, эту поэзию...

Ниведано...

Вернитесь, но даже в своем возвращении покажите изящество, красоту, безмолвие.

Посидите несколько мгновений, вспоминая опыт, через который вы прошли.

Вы должны стать буддой в своих повседневных делах, двадцать четыре часа в сутки. Живой или мертвый, вы должны быть буддой.

Только будда не умирает.

Быть буддой – ваше предназначение.

Нет другого благословения выше, чем это.

Нет другого экстаза шире, чем этот.

Нет другого блаженства глубже, чем это.

Медитация – единственная революция в мире.

Все остальные революции – подделка.

– О'кей, Маниша?

– Да, возлюбленный Мастер.

VIII СУЩНОСТНЫЙ ДЗЕН

2 декабря 1988 года

Наш возлюбленный Мастер,

Кёдзан однажды вернулся к Исану, чтобы взять у него интервью. Исан сказал:

– Теперь тебя зовут добрым и умным учителем. Как ты отличаешь тех, кто приходит из всех краев и знает это, от тех, кто не знает это; мастеров, которые унаследовали это, от тех, кто не унаследовал; глубокое учение от многозначительного учения? Объясни, а я послушаю.

Кёдзан ответил:

– Кёдзан научился этому. Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это там, откуда они пришли, или нет. Затем он говорит им, оставляя это в стороне: “Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?”

Исан восхитился им и сказал:

– Это всегда было когтем и клыком нашей секты.

Маниша, тишина здесь настолько плотная, что немного страшно произнести даже одно слово. Я могу потревожить озеро вашего сознания. Но всегда помните: в бодрствовании слов тишина углубляется. Чем выше гора, тем глубже будет долина, окружающая ее. Огромная гора не может иметь маленькую долину. Во всей природе существует необычайное равновесие.

Сущностный дзен есть попытка привести вас к языку существования, который вы совершенно забыли. Вы совершенно забыли самое важное и наполнили свой ум всевозможным джибберишем.

Может быть, вы знаете, а может быть, нет, что “джиббериш” – не английское слово. Оно пришло из Персии – так раньше назывался Иран, – от очень таинственного человека, Джаббара. Он никогда не говорил ничего, относящегося к делу. То, что он говорил, было не только неуместно, в этом не было никакой грамматики, там вообще не было никаких слов, одни звуки. Благодаря Джаббару появилось слово “джиббериш”.

Но Джаббар нечто говорил своим джибберишем. Он говорил: “Все, что мы можем сказать о существовании – это джиббериш”. Он был в великой гармонии с существованием.

Кажется невероятным, но у него была тысяча учеников. Они сидели рядом с ним; когда он молчал, они молчали; когда он входил в джиббериш, они входили в джиббериш – и около двадцати пяти человек стали просветленными. Джаббар не говорил ни слова, никто ничего не слышал.

Вы не можете написать трактат о Джаббаре, потому что он не говорил ничего, кроме джиббериша. Но он излучал свет, он был человеком, который пришел к расцвету, чья весна наступила; и он не боялся быть уязвимым, открытым и восприимчивым. Он шел туда, куда нес его ветер.

Дзен сделал то же самое – под другим углом, но вы должны осознать факт, что любой подлинный мастер – какому бы веку и какой стране он ни принадлежал – не заинтересован в том, чтобы проповедовать вам доктрину. Его забота – установить общность, привести вас в равновесие с окружающей реальностью.

Дзен использовал много методов, которых никогда раньше не знали. Невозможно представить какой-нибудь метод дзен в контексте Греции. Даже Сократ и Платон растерялись бы, встретив Бодхидхарму или Джаббара.

Я всегда думаю: какая бы это была веселая встреча, если бы Джаббар повстречался с Сократом. Сократ был так логичен, рационален. Он был так же честен, как Джаббар; он был готов рисковать жизнью ради истины – и, тем не менее, до последнего мгновения своей жизни он не поднялся до просветления. В тот день, когда он отбросил все знания, всю мудрость, в тот день, когда он отбросил язык как таковой – в тот самый миг на него снизошла безмерная тишина. И те из вас, кто мало-помалу движется к этому великому опыту, поймут это – не потому, что я говорю так, а потому, что таков ваш собственный опыт.

Разве можно что-нибудь сказать о потрясающей тишине, которая царит здесь сейчас? Наш ум мешает нам... наш ум уводит нас от центра нашего существа. Ум совершенно не заинтересован во внутреннем исследовании. Он полностью занят внешним и объективным.

Прежде, чем я буду говорить о сутре Исана... потому что эта сутра – последняя в серии и последняя в жизни Исана. Эта сутра заканчивается точно в то время, когда Исан умирает.

Смерть человека показывает, как он жил – жил ли он вообще, или нет. Вы можете верить в то, что живете, но не будьте слишком уверены.

Каждый сумасшедший во всех сумасшедших домах мира абсолютно уверен в том, что он не сумасшедший. Он удивляется: почему люди считают его сумасшедшим? Постепенно он приходит к выводу, что мир сошел с ума: “Бедняги, они не могут понять мое положение”.

Один человек, который и так всю жизнь был ненормальным, перешел всякие границы. Небольшие путешествия за пределы ума можно вынести, но он зашел слишком далеко; он начал говорить: “Я мертв”.

Все смеялись, все говорили:

– Это уже слишком. Ты уже вытворял такое... Как же ты можешь быть мертвым – ведь ты говоришь!

Он отвечал:

– Ну и что? Мертвые разговаривают.

Ему говорили:

– Ты ходишь, ты ешь, ты спишь.

Он возражал:

– Это не доказывает, что я жив. Это просто доказательство того, что я произрастаю. Но в отношении того, что я мертв... я абсолютно уверен.

Наконец, они отвели этого человека к психоаналитику. Доктор сказал его родственникам:

– Не волнуйтесь. Нужно некоторое время. Оставьте его у меня. Он должен приходиться на часовой сеанс дважды в неделю.

Все это время сумасшедший, который теперь стал мертвым, улыбался. Первым вопросом психоаналитика было:

– Почему ты улыбаешься?

Он ответил:

– Странно... единственный живой человек среди мертвых. Но, чтобы убедить себя в том, что они живы, они пытаются убедить меня: “Ты тоже жив”, – а я никогда не видел в себе ничего живого.

Психоаналитик сам был в растерянности, потому что это был совершенно новый случай. Он никогда не имел дела с мертвыми; но он нашел способ. Он взял нож и порезал сумасшедшему палец. Потекла кровь. Психоаналитик спросил:

– Ты когда-нибудь слышал, что мертвые не кровоточат?

Сумасшедший сказал:

– Да. Когда я был жив, я слышал эту поговорку.

Психоаналитик был очень доволен собой, но сумасшедший сказал:

– Не гордись. Это не доказывает, что я не мертв. Это только доказывает, что поговорка неверна. Мертвецы *кровоточат*. Я – пример, *живой* пример!

После двух-трех сеансов доктор думал только об этом человеке. И мало-помалу в нем зародилось сомнение: “Если кто-нибудь попросит меня доказать, что я жив, как я докажу это?”

Ночью он не мог уснуть. На следующий день был новый сеанс. Он сказал этому человеку:

– Я не могу ничего от тебя требовать, но, пожалуйста, оставь меня в покое. Ты можешь найти другого психоаналитика – целую дюжину за одну рупию, – потому что я начал сомневаться относительно собственной жизни. Вместо того чтобы убедить тебя, что ты не мертв... ты постепенно убеждаешь меня, что – как знать? – возможно, я умер! Может быть, мне снится, что я жив.

Как вы докажете, что это не сон?

Смерть в традиции дзен – критерий. То, как человек умирает, доказывает, жил он или нет. Только живой человек может умереть; вы не можете умереть, если не жили.

Я слышал об одном великом ученом. Он понял, что был жив, только когда умер. Тогда он внезапно осознал: “Боже мой! Я был жив и никогда не обращал на это никакого внимания!”

Мастера – особенно в дзен – показывают величайший пик сознания. Смерть – это критерий. Если вы можете умереть изящно, счастливо, почти танцуя – это доказывает, что вы жили, и жили так глубоко, что знаете: смерть – всего лишь перемена дома.

Кёдзан однажды вернулся к Исану, чтобы взять у него интервью.

Вы будете удивлены... Это другая особенность дзен: ученик приходит интервьюировать мастера; такого нет больше нигде. Но дзен очень игрив. Его игривость глубока настолько, что он ничего не принимает всерьез.

Кёдзан однажды вернулся к Исану, чтобы взять у него интервью. Исан сказал:

– Теперь тебя зовут добрым и умным учителем. Как ты отличаешь тех, кто приходит из всех краев и знает это, от тех, кто не знает это; мастеров, которые унаследовали это, от тех, кто не унаследовал; глубокое учение от многозначительного учения? Объясни, а я послушаю.

Кёдзан ответил:

– Кёдзан научился этому. Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это там, откуда они пришли, или нет. Затем он говорит им, оставляя это в стороне: “Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?”

Исан восхитился им и сказал:

– Это всегда было когтем и клыком нашей секты.

Нужно заметить несколько вещей.

Кёдзан был преемником Исана. Но прийти и задавать вопросы мастеру до того, как он стал просветленным... это показывает его отвагу, его смелость. И также это показывает сострадание и величие Исана. Он не стал возражать: “Ты ничего не знаешь об этом и пытаешься расспрашивать меня?”

Он не стал этого говорить; если вы посмотрите на все это, произошло прямо противоположное. Это не интервью Исана; это интервью Кёдзана, которое он дал Исану. Исан не сказал ему ничего обидного, он не отказался от интервью и не сказал: “Ты еще не достиг необходимого качества; ты не пережил опыт своего сокровенного ядра”. Вместо того чтобы отвергать, Исан принимает игру и начинает расспрашивать сам.

Кёдзан ответил: “Кёдзан научился этому...” – потому что Исан спросил: “Как ты учишь людей? Как ты узнаешь, знает кто-то или нет? Мастер он или только притворяется?” И Кёдзан совершенно забыл, что он пришел расспрашивать Исана – таково искусство великого мастера.

Кёдзан ответил:

– Кёдзан научился этому. Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это...

Он спрашивает не о палке, он поднимает палку, чтобы показать “таковость”. Идете ли вы от мастера, который объяснил вам “тако-

вость”, настоящий момент величия, великий момент, когда вы – никто? – потому что мастер никогда не бьет ученика, если тот не способен действительно пробудиться от одного удара.

Кёдзан сказал:

– Когда из всех краев приходят монахи, он поднимает свою палку и спрашивает, излагали это там, откуда они пришли, или нет. Затем он говорит им, оставляя это в стороне: “Чему учат старые мастера там, откуда вы пришли?”

На самом деле, если вы нашли мастера, вы нашли свой дом; больше идти некуда. Или, куда бы вы ни пошли, вы будете находить своего мастера и никого другого.

Когда Гаутама Будда стал просветленным, первые его слова были странными: “Не только я – просветленный, все существование стало просветленным со мной. Эта музыка – музыка тишины, беззвучия, – эти цветы, невидимые, которые падают со всех сторон... Я просто держал глаза закрытыми. Сегодня они открылись, но это не делает меня выше. Все – от малейшей травинки до величайшей звезды – наполнено блаженством”.

Человек создал только одно: страдание для себя и для других. Мы – великие творцы страдания. Если один день с вами не происходит что-то ужасное, этот день потерян – что-нибудь ужасное, чтобы вы могли поговорить об этом, порадоваться, какая-нибудь великая трагедия. Людям не нравится смотреть комедии, людям нравятся трагедии.

Когда идет война, все встают рано утром, чтобы почитать газету – что происходит. Все люди выглядят свежими; происходит нечто ужасное, погибают тысячи людей. Мы так привыкли к трагедии, что комедия кажется пресной.

Когда вы находите мастера, вы нашли его. Вы можете оставаться с ним или уйти, но мастер будет жить в вашем сердце.

Если люди все ходят и ходят, это просто показывает, что они не нашли человека, который заставляет их сердце танцевать. Они не нашли человека присутствия, который переполняет вас любовью и радостью, состраданием и светом, жизнью и любовью, красотой и истиной и всем, что божественно в существовании. Пока вы не увидите эти два глаза, в которых отражается все божественное, вы должны идти дальше в надежде, что где-нибудь можете их найти.

Но всегда помните – потому что вы можете упустить истинного мастера, – что вы должны быть абсолютно восприимчивы, предельно открыты, без единой запертой двери, без закрытых окон. Свежий ветер приносит прекрасный аромат, его прохлада... его запах всегда доступен; просто ваши двери были закрыты.

Поэтому, если вы не нашли мастера, не думайте, что мастера нет. Сначала посмотрите: способны ли вы принять мастера? Открыто ли ваше сердце? Не отягощен ли ваш ум всевозможными пред-
рассудками?

Что такое все ваши религии, если не предрассудки? Ни один разумный человек не может зависеть от своего рождения; рождение случайно. По рождению вы индуист – но это не делает вас индуистом. По рождению вы мусульманин – но это не делает вас мусульманином. Такое важное явление, как религия, не может быть привязано к случайности рождения. Вы должны выбрать ее. Вы должны найти ее. Каждый человек должен пойти в глубокий поиск.

Исан восхитился им...

Помните, восхищение – не настоящее одобрение мастера. Если бы Исан шлепнул его хорошенько или стукнул палкой, это было бы одобрение.

Наш палочник – потому что я ленивый человек, я не могу носить палку – приехал из Германии. Покажи свою палку и стукни бедную Манишу! *(Нискрия берет палку и легонько бьет Манишу по голове. Раздается громкий резкий щелчок.)*

Хорошо!

Исан восхитился им и сказал:

– Это всегда было когтем и клыком нашей секты.

Видя, что Кёдзан не понимает, что он еще не созрел, Исан обходится без палки.

Исан учил более сорока лет, и за это время он собрал бесчисленных учеников. 20 февраля 853 года, в возрасте восьмидесяти трех лет, он совершил ритуальное омовение, сел в медитативную позу и умер, улыбаясь. Его ступа была установлена на горе Куэй, где был его монастырь.

Император посмертно присвоил ему титул Да Юан (Великое Совершенство).

Должно быть, Исан настойчиво и упорно полировал обычный камень, чтобы сделать из него бриллиант. Честь ему и хвала. Он превратил в великое совершенство обычного человека.

Кёдзан не обнаруживает большой проницательности, разумности, медитативности, но в этом состоит сострадание мастера – сделать все, что в его силах. Сорок лет он работал над Кёдзаном. Это большой срок; но для сострадания ни время, ни место ничего не значат. Исану удалось привести его домой.

Я вспомнил о великом императоре, которому приснилось однажды, что перед ним стоит большая черная тень. С дрожащими руками и трепетом в сердце он спросил:

– Кто ты?

Тень сказала:

– Об этом поговорим позже. Я пришла сообщить тебе, что завтра вечером, когда будет садиться солнце, ты умрешь. – И тень исчезла, а вместе с ней исчез сон.

Король был весь в поту. Он позвал слугу. Посреди ночи созвали всех астрологов, хиромантов, гадателей, чтобы они истолковали сон: что он означает?

Они начали искать в своих больших книгах: “Есть ли какие-либо прецеденты?” Подобных случаев не было, потому что смерть никогда никого не предупреждает; она приходит даже без стука.

Поднималось солнце. Старый слуга императора, который был ему почти как отец – потому что его мать рано умерла, а отец был так занят войнами, что оставил маленького мальчика на попечение этого слуги... Слуга всегда заботился о нем, и, хотя он был всего лишь слугой, император уважал его почти как отца. Он был ему вместо отца.

Старый слуга подошел к нему и сказал:

– Я не ученый, я не астролог и не алхимик. Я совсем не разбираюсь в этих умных вещах. Но я знаю одно: вы не должны оставаться в этом дворце. Возьмите самого лучшего коня и как можно быстрее и дальше уезжайте из столицы. Если получится, доберитесь до соседнего королевства. А что касается этих ученых, они никогда не приходят ни к какому выводу – никогда! Они все спорят и спорят, и каждый аргумент ведет к следующему, но в конце их руки пусты.

Так что пусть спорят. Вы не должны ждать, потому что, если солнце начало подниматься, значит, закат не так уж далеко. В восходе уже заложен закат.

Это звучало убедительно... он ушел, ничего не сказав великим ученым – он предоставил им опровергать друг друга, сражаться и спорить. Он взял своего лучшего арабского коня и сказал ему: “Мы должны уехать как можно дальше. Это решающий момент”. У лошадей есть свой способ общения с теми, кого они любят – точно так же, как у собак.

Конь пустился со всех ног. Они ни разу не остановились, чтобы напиться воды или съесть что-нибудь, и были счастливы, что еще до захода солнца проехали через всю страну; они прибыли в соседнее королевство.

На границе королевства стояла манговая роща. Солнце уже садилось, и король поблагодарил своего коня. Он сказал: “Я и не думал, что ты можешь скакать так быстро. Я знал, что ты – один из величайших скакунов, но такая скорость...”

И в этот миг он почувствовал, как на его плечо легла рука. Он оглянулся и увидел все ту же черную тень. Черная тень сказала коню: “Я тоже волновалась, сможешь ли ты одолеть такое огромное расстояние, потому что императору суждено умереть в этой манговой роще. Я никогда не извещаю людей, в этом нет необходимости. Это было нужно потому, что расстояние очень велико, а у короля не было причин покидать дворец и ухать в эту манговую рощу. Я тоже благодарна тебе, так же, как и император”.

Прекрасная история, но она требует более глубокого подхода.

Ум всегда уводит вас вдаль. Этот слуга был очень умен, рационален – гораздо разумнее так называемых ученых. Но ум есть ум.

Если бы там был просветленный мастер, он бы сказал: “Времени достаточно; иди внутрь. Конь не нужен; ты не должен двигаться наружу ни на дюйм. Просто иди внутрь – и смерти нет. Смерть существует лишь для тех, кто живет во внешнем мире. Для тех, кто познал свое сокровенное ядро, смерть – только тень. Она не имеет субстанции, реальности”.

Но Исан продолжал учить Кёдзана больше сорока лет.

Просветление может случиться в этот самый момент. Это зависит от вашей настойчивости, тотальности. Дело не во времени и не в причинности. Для того чтобы оно случилось, не нужно ничего, по-

тому что оно уже есть; вы должны только повернуть свое видение, чтобы смотреть внутрь.

Сорок два года Исан, мастер великого сострадания, работал над Кёдзаном, и в конце концов ему удалось сделать буддой почти мертвого человека.

Ступа Исана – это буддийское слово, означающее памятник – до сих пор стоит на горе Куэй, где после просветления он основал свой монастырь.

Несомненно, он был просветленным; его смерть доказывает это.

20 февраля 853 года, в возрасте восьмидесяти трех лет, он совершил ритуальное омовение, сел в медитативную позу и умер, улыбаясь. Его ступа была установлена на горе Куэй, где был его монастырь.

Император посмертно присвоил ему титул Да Юан (Великое Совершенство).

Сосеки написал:

*Раз в тысячу лет
Цветет Удумбара...*

Удумбара – это метафорическое дерево.

*Раз в тысячу лет
Цветет Удумбара.
Она раскрыла свои благостные цветы.
Многие потрудились, чтобы донести ее
Из Индии в Китай.
Ее пьянящий аромат все длится,
Не увядая,
И не теряется
Средь тысяч трав,
Несметных сорняков.*

Этот аромат достиг своего крещендо в Японии.

Всякий человек, осознавший, что он – будда, становится цветком, что цветет раз в тысячи лет. И даже если тело будды умирает, аромат остается. Те, кто обладает нужной чувствительностью, могут даже сейчас ощутить аромат Гаутамы Будды или Бодхидхармы.

Это не вопрос времени. Буддовость – такое переживание... будда может умереть в теле, но его дух будет реять вокруг вас в веках. Он растаял в универсальном, и вы можете найти его даже сейчас. Мы ищем его каждый миг. Будда – это наша природа.

Маниша спросила:

*Наш возлюбленный Мастер,
Свидетельствование – это обучение или воспоминание?*

Маниша, это и то, и другое, и ни то, ни другое.

Это и то, и другое в том смысле, что в начале вы должны научиться входить в свой внутренний храм. А потом вы должны постоянно помнить, потому что такова человеческая природа – снова и снова забывать. Но когда эта память становится тихим дыханием в вас, в тот момент, когда вы начинаете вдыхать и выдыхать будду – тогда это ни обучение, ни воспоминание.

Это просто вы.

Вы ничего не приобрели, вы ничего не открыли; это было всегда. И, помните вы это или нет, это будет оставаться всегда.

Вот почему дзен ничего не принимает всерьез. Какая разница? – в этой жизни, или в какой-нибудь другой вы неизбежно станете буддой.

Будда – это Новый Человек.

Он – человек будущего.

Все человеческое сознание движется к буддовости.

Странно: это всегда внутри вас, но вы не осознаете. Поэтому мастер может быть вам полезен.

Это все равно, что пощекотать вас... (*Мастер делает в нашу сторону щекочущие движения*) – и вы начинаете смеяться, а я даже не пощекотал! (*Он снова делает движение.*) ...И вы начинаете чувствовать... (*Он в третий раз протягивает к нам пальцы*). Работа мастера – пощекотать вас. И это такое удовольствие – пощекотать десять тысяч будд!

Пришло время Сардара Гурудаяла Сингха. Он все ждет и ждет своего времени. Если я буду продолжать рассказывать вам шутки, одно несомненно: я могу умереть, но Сардар Гурудаял Сингх не умрет. Он все равно будет ждать.

В конце урока в воскресной школе учительница обращается к детям:

– Кто из вас, дети, хотел бы попасть в рай?

Все немедленно поднимают руки, кроме одной маленькой девочки.

– Сэлли, – говорит учительница, – ты что же, не хочешь в рай?

– Конечно, хочу, – отвечает Сэлли, оглядываясь по сторонам. – Но не с этими же дураками!

Тело Менделя Кравица в открытом гробу лежит в траурном зале Финкельштейна. В длинной процессии тех, кто пришел отдать последний долг умершему, стоит Хаим Гольдберг. Он качает головой.

– Знаете ли, он был атеистом, он не верил ни в ад, ни в рай, – говорит Хаим Папаше Финкельштейну, который с угрюмым видом стоит у гроба.

– Правда? – отвечает Финкельштейн, оглядывая безупречный костюм и галстук покойного Менделя. – Тогда интересно, куда он так вырядился?

Глории Великолепной надоели все ее бойфренды, и она решает обратиться в компьютерную службу знакомств. Она посылает в агентство все свои данные и пожелания и с нетерпением ждет результатов.

Уже на следующий день ей звонит первый претендент. После десяти минут ни к чему не обязывающей болтовни парень внезапно говорит:

– Во мне девять дюймов длины и четыре дюйма в обхвате! Тебе интересно?

– Интересно? – кричит Глория. – Я просто потрясена! А какого размера у тебя член?

Ниведано...

Ниведано...

Будьте безмолвны. Закройте глаза.
Почувствуйте, что ваше тело совершенно замерзло.
Теперь посмотрите внутрь со всей тотальностью сознания, с настоятельностью, как будто это – последний миг вашей жизни.

Глубже и глубже...
Тишина углубляется. Возникает тонкое, не поддающееся определению блаженство, аромат дерева удумбары.
Вы очень близки к будде; еще совсем немного, и вы – будда.
Единственное качество, присущее будде – это свидетельствование. Оба эти слова означают одно и то же: будьте свидетелем, и вы – будда. Сделай это свидетельствование яснее, еще яснее,
Ниведано...

Расслабьтесь.
Тело здесь, ум здесь, но вы – ни то, ни другое.
Вы – свидетель. Этот свидетель – ваше единственное сокровище. Все сгорит на погребальном костре; только свидетеля не может коснуться никакой огонь, никакой меч.
Этот свидетель – ваша вечность.
Этот вечер сам по себе был великолепен, но ваше безмолвие, ваш покой, ваше блаженство сделали его в тысячу раз прекраснее.
Если вы сможете сохранять свидетельствование весь день, двадцать четыре часа, вся ваша жизнь станет просто экстазом.

Человек, который умирает, не зная экстаза, прожил напрасно или вообще не жил.

Прежде чем Ниведано позовет вас назад, соберите как можно больше аромата, чтобы взять его с собой.

Вы возвращаетесь как будда,
с тем же изяществом,
с той же радостью,
с той же исполненностью.
Ниведано...

Вернитесь безмолвно.
Посидите несколько минут, вспоминая опыт, через который вы прошли, потому что вы должны сохранять его все время. Придет день, когда вам не нужно будет помнить об этом. Это будет с вами – смотрите ли вы на него, или нет.

Этот день приходит! Я могу сказать это абсолютно уверенно, потому что он пришел ко мне; почему он не может прийти к вам?
Каждый человек – это семя будды.
Блаженны те семена, которые пришли к полному цветению.

– О'кей, Маниша?
– Да, возлюбленный Мастер.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЭТО. ЭТО. ТЫСЯЧУ РАЗ ЭТО

ДЗЕН – САМА ВАША СУТЬ	5
БАМБУК ГОВОРИТ	12
ЭТО... ВСЯ ПРОПОВЕДЬ	22
ПУЛЬС ВСЕЛЕННОЙ	31
СВОБОДА – МОЙ БОГ	42
ПАЛЕЦ, УКАЗУЮЩИЙ НИЧТО	51
ЗАЧЕМ БЫТЬ НИЩИМ?	59
БЕЗУМНО ТАНЦУЯ ОТ ВЕЧНОСТИ К ВЕЧНОСТИ	67
ДЖУНГЛИ ОГНЕЙ	76
НЕТ НИЧЕГО БЕССТРАШНЕЕ ДЗЕНА	84
НИ НАЧАЛА, НИ КОНЦА	96
ВАША ГЛУБИНА БЕСКОНЕЧНА	108
ПЯТЬ ДВЕРЕЙ В ВАШ ДОМ	118
ДЗЕН ДЛЯ НИКОГО	127
ВСЕ СТРЕЛЫ НАЦЕЛЕНЫ НА ЭТО	142

ИСАН: В СИНЕМ НЕБЕ НЕТ СЛЕДОВ

КОПНИТЕ ГЛУБЖЕ	154
ИНЕРЦИЯ ПРИВЫЧКИ	178
НАЧНИТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВОВАТЬ	197
КАК НАСЧЕТ ТЕБЯ?	215
ПРОСТО БЫТЬ ЗДЕСЬ	236
ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА	257
СИНЕЕ НЕБО	277
СУЩНОСТНЫЙ ДЗЕН	290

